

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№1 (13) 2026

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия),
Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия),
Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия),
Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия),
Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия),
Фрейдина Е.Л. (Россия), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия),
Щербакова М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Италия),
Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия),
Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В. (Россия),
Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исакова З.З. (Россия),
Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия),
Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия),
Кавацца А. (Италия), Астуто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия),
Маццоне С. (Италия).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/langt>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2026

Московский государственный психолого-педагогический университет
Психологический институт Российской академии образования

Moscow State University of Psychology & Education
Psychological Institute of the Russian Academy of Education

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia),
Burnakova K.N. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Kovpak N.A. (Russia),
Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia), Ledeneva, V. V. (Russia),
Mazanaev S.A. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Selendili L.S. (Russia),
Seiranyan M.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Freidina E.L. (Russia),
Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia),
Hermenegildo L.G. (Spain), Capilupi S.M. (Italy), Ponton D.M. (Italy),
Wang X. (China), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia),
Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia), Grebenyuk V.P. (Russia),
Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia),
Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia),
Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Cavazza A. (Italy),
Astuto G. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/journals/langt>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2026

Содержание

2026. Том 13. № 1

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лингвистические и культурологические аспекты возникновения в китайском языке терминов недельного членения времени	
<i>Апанасюк Л.А., Затрусин П.В.</i>	5-17
Терминологическая вариативность как источник когнитивно-прагматических искажений в переводе научных текстов по психологии	
<i>Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А.</i>	18-42
Особенности употребления определенно-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста	
<i>Брысина Т.Н.</i>	43-54
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при переводе на материале романа «Презрение» Альберто Моравиа	
<i>Геласимов Р.А.</i>	55-65
Полифункциональность пунктуационных средств поэтического текста	
<i>Канафьева А.В.</i>	66-76
Плеонастическая интенсификация слов с исчерпывающей семантикой	
<i>Козлова Е.А.</i>	77-89
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи	
<i>Щербинина А.А.</i>	90-107

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в творчестве А.А. Блока	
<i>Зенкевич И.В., Варламов А.Р.</i>	108-120
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208	
<i>Коваленко А.Н.</i>	121-136
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных книгах на рубеже XIV/XV в.	
<i>Спасскова А.М.</i>	137-152
Древнерусские повести в составе старообрядческих сборников XVIII в.	
<i>Юдина Е.А.</i>	153-164

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Мультимодальный подход в обучении иностранному языку как альтернатива концепции стилей обучения: по данным опроса преподавателей московских вузов	
<i>Бовшик А.С.</i>	165-178
Влияние анонимности на языковое поведение студенческой молодежи в интернете	
<i>Михайлова Т.А., Шилина И.Б.</i>	179-193
Особенности языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях	
<i>Полосина А.А., Шилин А.Ю.</i>	194-208

Contents

2026. Vol. 13. No. 1

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

The origin of linguistic and culturological aspects of the weekly terms division of time in Chinese	
<i>Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V.</i>	5-17
Terminological variation as a source of cognitive-pragmatic distortions in the translation of scientific texts in psychology	
<i>Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.</i>	18-42
Features of the use of definitely-personal sentences in the compositional and speech structures of an art text	
<i>Brysina T.N.</i>	43-54
Intertextuality and its pragmatic distortions in translation based on the novel “Contempt” by Alberto Moravia	
<i>Gelasimov R.A.</i>	55-65
The polyfunctionality of punctuation marks in poetic text	
<i>Kanafieva A.V.</i>	66-76
Pleonastic intensification of words with exhaustive semantics	
<i>Kozlova E.A.</i>	77-89
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”: the specifics of translation	
<i>Shcherbinina A.A.</i>	90-107

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The concept of “Desert” and its semantic content in the works of A.A. Blok	
<i>Zenkevich I.V., Varlamov A.R.</i>	108-120
The False “Word of Peter of Damascus” in the Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E. Egorov no. 208	
<i>Kovalenko A.N.</i>	121-136
About title type writing and decorative title ligatures in old Russian handwritten books at the turn of the 14th – 15th centuries	
<i>Spasskova A.M.</i>	137-152
Old Russian tales in Old Believer’ miscellanies of the 18th century	
<i>Yudina E.A.</i>	153-164

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Multimodal approach in foreign language teaching as an alternative to the learning-styles paradigm: evidence from a survey of Moscow university teachers	
<i>Bovshik A.S.</i>	165-178
The impact of anonymity on the linguistic behavior of young students on the Internet	
<i>Mikhailova T.A., Shilina I.B.</i>	179-193
Features of language and communication in student volunteer movements	
<i>Polosina A.A., Shilin A.Yu.</i>	194-208

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Лингвистические и культурологические аспекты возникновения в китайском языке терминов недельного членения времени

Л.А. Апанасюк¹✉, П.В. Затрусин²

¹ Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

² Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ ApanasiukLA@rgsu.net

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматриваются и анализируются особенности появления в современном китайском языке терминов недельного членения времени с лингвистической и культурологической точек зрения. Инструментом анализа берется сравнительный анализ терминов старокитайского языка вэньянь и современного китайского языка путунхуа. **Цель.** Попытка объяснения обозначений семидневного недельного цикла, сохранившегося в употреблении до сегодняшнего дня. Отмечается, что в древних вариантах обозначения дней недели (а именно, в названиях вторника, среды, четверга, пятницы, субботы) содержится пять первоэлементов мироздания в восточном его понимании (а именно, огонь, вода, дерево, металл, земля). Указывается, что перечисленные первоэлементы образуют самые важные циклы древнекитайского миропонимания, чередуясь в разной своей последовательности образ. Цикл созидания, или порождения и Цикл уничтожения, или подавления. Отдельно авторами рассматривается полное совпадение смыслового и мифологического содержания пяти рассмотренных первоэлементов в китайских названиях планет. Также авторами производится сравнительный анализ терминов недельного членения времени как восточных языков – китайского, японского, корейского, – так и некоторых индоевропейских языков – английского, французского, испанского, итальянского. **Результаты.** Выявлены общие позиции и тенденции в формировании терминов недельного членения времени и сделаны выводы, проясняющие некоторые вопросы, касающиеся данного вопроса в каждом из вышеназванных языков.

Ключевые слова: основа буддийского, христианского, индуистского и исламского мирозданий, недельный цикл, древнекитайское название недели,

Апанасюк Л.А., Затрускин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

современные китайские названия недели, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн, Солнце, пять стихий китайского мироздания, пятеричный и семеричный циклы китайского мироздания, вертикальное и горизонтальное китайское письмо, чтение справа налево и слева направо

Для цитирования: Апанасюк, Л.А., Затрускин, П.В. (2026). Лингвистические и культурологические аспекты возникновения в китайском языке терминов недельного членения времени. *Язык и текст*, 13(1), 5—17. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130101>

The origin of linguistic and culturological aspects of the weekly terms division of time in Chinese

L.A. Apanasyuk¹✉, P.V. Zatruskin²

¹ Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ ApanasiukLA@rgsu.net

Abstract

Context and relevance. The article discusses and analyzes the features of the appearance in the modern Chinese language of the week terms division of time from the linguistic and cultural points of view. The analysis tool is a comparative analysis of the terms of the Old Chinese language Wenyan and modern Chinese Putonghua.

Objective. An attempt is made to explain the designations of the seven-day weekly cycle, which has been preserved in use to this day. It is noted that in the ancient versions of the designation of the days of the week (namely, in the names of Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, Saturday) contains five primary elements of the universe in its eastern sense (namely, fire, water, wood, metal, earth). It is indicated that the listed primary elements form the most important cycles of the ancient Chinese worldview, alternating images in their different sequence. The cycle of creation, or generation, and the cycle of destruction, or suppression. Separately, the authors consider the complete coincidence of the semantic and mythological content of the five considered primary elements in the Chinese names of the planets. A comparative analysis of the terms of the weekly division of time is also carried out, both in Eastern languages - Chinese, Japanese, Korean - and some Indo-European languages - English, French, Spanish, Italian. **Conclusions.** General positions and trends in the formation of the week terms division of time are revealed and conclusions are drawn that clarify some issues related to this issue in each of the aforementioned languages.

Keywords: basis of Buddhist, Christian, Hindu and Islamic creation, weekly cycle, ancient Chinese name of the week, modern Chinese names of the week, Monday, Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, Saturday, Sunday, Moon, Mars, Mercury, Jupiter, Venus, Saturn, Sun, five elements of the Chinese universe fivefold and

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatrushin P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

septenary cycles of the Chinese universe, vertical and horizontal Chinese writing,
reading from right to left and left to right

For citation: Apanasyuk, L.A., Zatrushin, P.V. (2026). The origin of linguistic and culturological aspects of the weekly terms division of time in Chinese. *Language and Text*, 13(1), 5—17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130101>

Введение

В современном китайском языке путунхуа (普通话), слова, обозначающие неделю 星期 (Geoffrey Cornelius, 2000) и дни недели: 星期一 понедельник, 星期二 вторник, 星期三 среда, 星期四 четверг, 星期五 пятница, 星期六 суббота, 星期日 воскресенье, не совсем ясны для понимания того, как исторически они формировались и что же в действительности лежит в их основе, потому что иероглиф 星 [Большой китайско-русский словарь, 1983] обозначает современное понятие «звезда», иероглиф 期 обозначает современное понятие «период», а третьи иероглифы в словах, обозначающих дни недели, являются обычными числительными 1, 2, 3, 4, 5, 6. И только в слове «воскресенье» третий иероглиф обозначает не числительное 7, а слово «солнце».

Вышеуказанная неясность семантики данных слов объясняется тем, что они являются довольно молодыми. В старокитайском языке вэньянь (文言) данные термины писались совершенно другими иероглифами и читались совершенно иначе.

Для того чтобы понять, как исторически формировались современные китайские слова, обозначающие дни недели, что на самом деле лежит в их основе и как современные термины недельного членения времени связаны с соответствующими терминами в старокитайском языке вэньянь (文言), нам необходимо взглянуть на аналоги данных слов в языках соседей современного Китая – Японии, Кореи, Вьетнама. И даже не столько во всех данных языках сразу, сколько только в японском языке.

Материалы и методы

Вышеуказанные страны в древности входили в зону древнекитайского иероглифа. То есть по сути все они вместе с сегодняшним Китаем как раз и составляли то, что мы называем «Древним Китаем» (Лю Цзепен, 2006; Лю Цзепен, 2007; Чжан Чжилян, 2002). И как бы это не казалось парадоксальным, в процессе членения и дробления древнего Китая, когда все эти страны уходили из зоны древнекитайского иероглифа, они также забирали вместе с собой и частицы культуры, истории и языка древнего Китая. Но здесь необходимо помнить также и о том, что на рубеже XIX и XX веков Вьетнам перешел на латинский шрифт с некоторыми чисто вьетнамскими особенностями, а Корея создала собственное письмо со своими собственными корейскими иероглифами – хангыль. Однако в древности в Корее и Вьетнаме дни недели записывались именно старокитайскими иероглифами и имели ту же самую семантику, что и в древнекитайском и древнеяпонском языках.

Что касается современного китайского языка – путунхуа (普通话), то он является очень молодым языком. Он был создан только лишь в середине XX века после образования 1 октября 1949 года современной Китайской народной республики (КНР) (Лю Цзепен, 2007). Большая

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
 Лингвистические и культурологические аспекты
 возникновения в китайском языке терминов недельного
 членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V. (2026)
 The origin of linguistic and culturological aspects of
 the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

часть современных китайских иероглифов была в то время создана путем упрощения написания старокитайских иероглифов вэньяня, то есть, путем упрощения тех самых старых иероглифов, которые сегодня как раз и используются в современном японском языке, которые не только сохранили свое старое написание, но и, что намного важнее, сохранили свое смысловое и содержательное наполнение (Лю Цзепен, 2006). Именно поэтому нам следует самым внимательным образом присмотреться к современным японским словам, имеющим отношение к недельному членению времени.

Кроме того, с целью прояснения древнего смысла современного китайского слова «неделя» (星期) и перед тем, как начать сравнительный анализ современных китайских названий дней недели с их японскими аналогами, нам необходимо вспомнить два других китайских синонима, обозначающих данное понятие, а именно 周 (Большой китайско-русский словарь, 1983) и 礼拜 (Большой китайско-русский словарь, 1983), являющихся полными аналогами современного китайского слова 星期, и производных от него названий дней недели (табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Названия дней недели от слова 星期, 周, 礼拜
Names of the day of the week from the word 星期, 周, 礼拜

Воскресенье / Sunday	星期日	周日	礼拜日
Понедельник / Monday	星期一	周一	礼拜一
Вторник / Tuesday	星期二	周二	礼拜二
Среда / Wednesday	星期三	周三	礼拜三
Четверг / Thursday	星期四	周四	礼拜四
Пятница / Friday	星期五	周五	礼拜五
Суббота / Saturday	星期六	周六	礼拜六

Именно они и помогут нам понять первоначальное смысловое наполнение слова 星期. Являясь более древними, данные слова как раз и приоткроют нам первоначальный смысл данного слова в его китайском понимании. Так, китайский иероглиф 周 обозначает некий замкнутый «цикл» как универсальный элемент мироздания в китайском его понимании, а китайские иероглифы 礼拜 (Большой китайско-русский словарь, 1983) обозначают некое ритуальное поклонение – 礼 «ритуал», 拜 «кланяться». Таким образом, мы приходим к пониманию того, что современное китайское слово 星期 («неделя») первоначально обозначало некое цикличное ритуальное поклонение неким сверхъестественным силам. А для того, чтобы понять, что же это за силы такие были в древнем Китае, которым воздавались циклические ритуальные поклонения, следующим этапом нашего исследования является рассмотрение уже японских слов, обозначающих дни недели (табл. 2):

Таблица 2 / Table 2

Японские слова, обозначающие дни недели
Japanese words for the days of the week

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
 Лингвистические и культурологические аспекты
 возникновения в китайском языке терминов недельного
 членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V. (2026)
 The origin of linguistic and culturological aspects of
 the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

Воскресенье / Sunday	日曜日 nichī yo bi	«день солнца - солнечного духа» / “day of Sun – Solar Spirit”
Понедельник / Monday	月曜日 getsu yo bi	«день луны - лунного духа» / “day of Moon – Lunar Spirit”
Вторник / Tuesday	火曜日 ka yo bi	«день огня - огненного духа» / “day of Fire – Fire Spirit”
Среда / Wednesday	水曜日 sui yo bi	«день воды - водяного духа» / “day of Water – Aquatic Spirit”
Четверг / Thursday	木曜日 moku yo bi	«день дерева - деревянного духа» / “day of Wood – Woody Spirit”
Пятница / Friday	金曜日 kin yo bi	«день металла - металлического духа» / “day of Metal – Metallic Spirit”
Суббота / Saturday	土曜日 do yo bi	«день земли - земного духа» / “day of Earth – Terrestrial Spirit”

Именно этими иероглифами и обозначались дни недели в древнекитайском языке вэньянь, только читались они, естественно, по-китайски, а не по-японски (табл. 3):

Таблица 3 / Table 3

Дни недели в древнекитайском языке вэньянь
The days of the week in Wenyan (Old Chinese language)

Воскресенье / Sunday	日曜日 rì yao rì
Понедельник / Monday	月曜日 yue yao rì
Вторник / Tuesday	火曜日 huǒ yao rì
Среда / Wednesday	水曜日 shuǐ yao rì
Четверг / Thursday	木曜日 mù yao rì
Пятница / Friday	金曜日 jīn yao rì
Суббота / Saturday	土曜日 tǔ yao rì

При внимательном взгляде на оба эти древних варианта обозначения дней недели можно заметить, что названия пяти последних дней содержат пять первоэлементов мироздания в восточном – даосском – его понимании. А именно: 火 *огонь*, 水 *вода*, 木 *дерево*, 金 *металл*, 土 *земля*. И именно эти пять первоэлементов и образуют самые важные циклы древнекитайского (древнеяпонского) даосского миропонимания. Только вот те первоэлементы в данных циклах чередуются в разной своей последовательности. А именно:

木 *дерево*, 火 *огонь*, 土 *земля*, 金 *металл*, 水 *вода*, которые формируют цикл созидания;
 水 *вода*, 火 *огонь*, 金 *металл*, 木 *дерево*, 土 *земля*, которые формируют цикл
 уничтожения (рис. 1).

Рис. 1. Цикл созидания (порождения) и цикл уничтожения (подавления)

Fig. 1. The cycle of creation (generation) and the cycle of destruction (suppression)

Цикл созидания (круг): Дерево порождает и питает огонь. Огонь порождает и питает землю (зола, прах, уголь). Земля порождает и питает металл. Металл порождает и питает воду (физическое явление конденсата). Вода порождает и питает дерево.

Цикл уничтожения (пентаграмма): Вода уничтожает (тушит) огонь. Огонь уничтожает (плавит) металл. Металл уничтожает (рубит) дерево. Дерево уничтожает (истощает) землю. Земля уничтожает (процесс опустынивания) воду (Лю Цзепен, 2006).

Результаты. Из понимания возможности существования различных циклов с одними и теми же его составляющими первоэлементами возникает вопрос: почему в недельном цикле порядок чередования первоэлементов также отличается от вышеуказанных циклов? Ответ заключается в том, что недельный цикл в общей системе циклического миропостроения является всего лишь одним из многих других циклов, в которых используются вышеуказанные первоэлементы мироздания в китайском его представлении (Хан Циде, 2016). Именно с помощью этих самых пяти первоэлементов созданы и китайские названия основных планет Солнечной системы и именно в той последовательности, что и в ранее рассмотренном недельном цикле (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Пять первоэлементов в китайских названиях планет
Five primary elements in Chinese names of planets

火星 huoxing	Марс / Mars	бог (звезда) огня и покровитель войны / god (star) of fire and patron of war
------------	-------------	--

水星 shuixing	Меркурий / Mercury	бог (звезда) воды и покровитель торговли / god (star) of water and patron of trade
木星 muxing	Юпитер / Jupiter	бог (звезда) дерева и покровитель грома и гроз / god (star) of wood and patron of thunder and storms
金星 jinxing	Венера / Venus	бог (звезда) металла и покровитель любви / god (star) of metal and patron of love
土星 tuxing	Сатурн / Saturn	бог (звезда) земли и покровитель плодородия / god (star) of earth and patron of cultivability

При просмотре данного списка можно заметить полное совпадение смыслового и мифологического содержания в названиях планет с космологическими представлениями (Аристотель, 1976), как в восточном, так и в западном представлениях. И именно из-за понимания данной удивительной аналогии появляются вопросы: Почему в китайском языке в названии планеты Юпитер присутствует первоэлемент 木 «дерево»? Почему в названии планеты Сатурн присутствует первоэлемент 土 «земля»? Почему в названии планета Меркурий присутствует первоэлемент 水 «вода»? Почему в названии планеты Венера присутствует первоэлемент 金 «металл, золото»? Ответы на эти вопросы легко можно найти в древней мифологии.

Символ дерева в названии планеты Юпитера: потому что данный символ является напоминанием о каббалистическом понятии Древа жизни, как универсального принципа иерархии – построения всего сущего в окружающем нас мире. То есть именно того, что и составляло суть верховного владыки Юпитера (Зевса).

Символ земли в названии планеты Сатурн: потому что Сатурн в Древнем Риме был богом земли и плодородия. Именно поэтому осенние праздники завершения летних полевых работ и сбора урожая в Древнем Риме назывались Сатурналиями.

Символ воды в названии планеты Меркурий: потому что Меркурий в Древнем Риме был богом торговли. Именно поэтому весенние празднования в канун отправления римских торговцев в другие города для продажи товаров, освященных водой из священного источника у Капенских ворот города назывались Меркуралиями.

Символ металла и золота в названии планеты Венера: потому что именно Афродита – греческий аналог римской богини Венеры – стала обладательницей золотого яблока раздора, на котором было выгравировано слово «прекраснейшая», которое и привело к началу самой первой и самой разрушительной войны всего Древнего мира – Троянской войны (Пылаев, 1993; Geoffrey Cornelius, 2000).

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

Кроме вышеназванных пяти планет Солнечной системы в недельный цикл древнего Китая добавлены еще два небесных светила – Солнце и Луна, в результате чего основополагающий пятеричный цикл китайского мироздания 五行 (Geoffrey Cornelius, 2000) превратился в семеричный недельный цикл 七行 или 七曜 (Большой китайско-русский словарь, 1983), в котором иероглиф 曜 обозначал «небесное светило» и который со временем был заменен на иероглиф 星 – «звезда», что и привело к появлению нового китайского слова для названия недели – 七星 «семь звезд» (Большой китайско-русский словарь, 1983; Лю Цзепен, 2006).

Это новое обозначение недельного цикла, которое читалось в те времена по правилам фонетики китайского языка как [qí xīng], в результате перехода в конце XIX – начале XX веков с вертикального письма справа налево на горизонтальное письмо слева направо получило свое новое прочтение. Произошло это в результате того, что уже после Синхайской революции 1911 года (Лю Цзепен, 2007) очень непродолжительное время (несколько десятков лет) чтение китайских горизонтальных надписей осуществлялось не слева направо, как сегодня, а справа налево. Свидетельством тому сегодня являются огромное количество почтовых марок, почтовых открыток, бумажных денежных купюр, газетных и журнальных статей, а также всевозможных плакатов и афиш тех времен, на которых как раз и запечатлено данное горизонтальное письмо справа налево (см. фото почтовой марки, плаката) (Лю Цзепен, 2006; Лю Цзепен, 2007).

Именно в тот период данное старое обозначение недельного цикла 七星 (Большой китайско-русский словарь, 1983) [qí xīng] стало читаться наоборот – 星七 [xīng qí], а после того как второй иероглиф в этом сочетании – семерка 七 [qí] – был заменен на читаемый точно также иероглиф 期 [qí] – период, все слово, обозначающее неделю, получило свое современное написание и прочтение – 星期 [xīng qí] (Большой китайско-русский словарь, 1983), которое, как указывалось выше, довольно бессмысленно.

Также необходимо обратить особое внимание на то, что именно данные семь планет в данной последовательности – Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн – как раз и составляют названия дней недели не только во всех языках юго-восточной, центральной и передней Азии, но и практически во всех индоевропейских языках (Geoffrey Cornelius, 2000;

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
 Лингвистические и культурологические аспекты
 возникновения в китайском языке терминов недельного
 членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatruskin P.V. (2026)
 The origin of linguistic and culturological aspects of
 the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

Хан Циде, 2016). Для иллюстрации данного утверждения предлагаем рассмотреть наиболее яркие примеры во французском, испанском, итальянском и английском языках (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Названия дней недели на разных языках
Multi-lingual names of the days of the week

Русский / Russian	Французский / French	Испанский / Spanish	Итальянский / Italian	Английский / English
Воскресенье	Dimanche *	El domingo *	Domenica*	Sunday
Понедельник	Lundi	El lunes	Lunedì	Monday*
Вторник	Mardi	El martes	Martedì	Tuesday*
Среда	Mercredi	El miércoles	Mercoledì	Wednesday*
Четверг	Jeudi*	El jueves*	Giovedì*	Thursday*
Пятница	Vendredi	El viernes	Venerdì	Friday*
Суббота	Samedi*	El sábado*	Sabato*	Saturday

Принимая положение о том, что воскресенье – это день Солнца, мы можем понять, что французские, испанские и итальянские названия воскресенья происходят от латинского «Dominus» – Господь, Бог, Всевышний. Точно так же, принимая положение о том, что понедельник – это день Луны, можно понять, что французский, испанский и итальянский варианты названия происходят от латинского слова – «Luna» (Луна), а английское название понедельника *Monday* происходит от английского слова *Moon* – Луна (Geoffrey Cornelius, 2000).

Принимая положение о том, что вторник – это день бога войны и огня Марса, можно понять, что английское название вторника *Tuesday* происходит от имени древнесаксонского бога войны и огня – *Tuer* (Geoffrey Cornelius, 2000; Пылаев, 1993). Таким же образом можно понять, что французское, испанское и итальянское обозначение среды – дня бога торговли и воды Меркурия – происходят от латинского слова «merces» – торговля. А английское название среды – от латинского «vendo» – торговать, которое в английском языке, наряду со словом «to trade», также имеет свою производную форму – «to vend».

Принимая положение о том, что четверг – это день Юпитера, который по-гречески назывался Зевсом, мы можем понять, что французские, испанские и итальянские названия четверга происходят от латинского «Iove» или «Giove» – Зевс. Также можно понять и семантику английского слова, обозначающего данный день недели – Thursday, так как именно в нем можно увидеть и услышать имя Зевса – того самого Зевса, имя которого по-гречески писалось *Zeúς*, а произносилось также, как и в английском названии четверга – *Thursday* «День Зевса (Юпитера)» (Пылаев, 1993).

Также интересна история создания английского названия пятницы. Принимая положение о том, что пятница – это день Венеры, имя которой легко просматривается во французском, испанском и итальянском названиях, мы также легко понимаем, что современное английское название пятницы *Friday* происходит от греческого названия Венеры – Афродита. А если точнее, то от его уменьшительного варианта – Фрида или Фрея (Geoffrey Cornelius, 2000; Пылаев, 1993).

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatrushin P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

И, наконец, самый интересный для анализа день недели – суббота. Тот самый день, который, как нами было обозначено выше, должен иметь какое-то отношение к Сатурну – тому самому богу Сатурну, который, согласно древним легендам серпом срезал со своего тела выраставших из него своих детей, которых сразу же и пожирал, стремясь обезопасить себя, так как ему было предсказано, что он будет умерщвлен одним из них (Geoffrey Cornelius, 2000; Пылаев, 1993). Это очень ярко запечатлено на всемирно известном полотне испанского художника Франсиско Гойя «Сатурн, пожирающий своего сына» и фламандского художника Рубенса «Сатурн». Именно из-за того, что у планеты Солнечной системы Сатурна имеется опоясывающее ее кольцо, по своей форме напоминающее серп – земледельческий инструмент, которым земледельцы косили хлеба, а бог Сатурн срезал с себя свое потомство (Библейские сказания, 2001) – данная планета и была названа его именем. В английском названии субботы – Saturday – имя римского бога просматривается довольно явно, а во французском, испанском и итальянском языках этой ясности нет, потому что за основу названия субботы в них взяты слова, которые только касательно имеют отношение к той жестокой истории. Например, французский вариант названия субботы *Samedi* происходит от древнекельтского *Samhain* – праздника сбора урожая, то есть опять все того же «покоса» урожая серпами и косами. А испанский и итальянский варианты восходят к латинскому слову «saba», от которого происходит и современное название еврейской субботы – *шаббат*, которое на русский язык также можно перевести и как «шабаш, вакханалия, сатанизм» – тот самый «шабаш ведьм» (Пылаев, 1993), который в русской и славянской традиции называют «шабашем ведьм на Лысой горе», тот самый шабаш, с которым в средние века так жестко боролась инквизиция в Испании и Италии, пытаясь жесточайшими методами изгнать беса и сатану из ведьм и колдуний за их бесовские и сатанинские вакханалии. Также здесь можно обратить особое внимание на то, что название римского осеннего праздника сбора урожая Сатурналии, который со временем был перенесен уже конец ноября и стал практически совпадать с празднованием католического Рождества, в переносном смысле уже тогда начали использовать для обозначения всевозможных оргий и вакханалий (Библейские сказания, 2001), коими их считала официальная католическая вера, хотя на самом деле это были всего лишь языческие обычаи и традиции того празднования (Geoffrey Cornelius, 2000; Пылаев, 1993). И вся та жестокая и непримиримая борьба официальной церкви с теми «оргиями» и «вакханалиями», на самом деле была всего лишь борьбой «верований» одних с «верованиями» другими. Борьбой новой официальной веры со своей старой верой – языческой. Борьбой «новой» веры Древнего Рима со своей «старой» верой Древней Греции.

Результаты

Заключительным вопросом нашего исследования является вопрос о том, что же на самом деле обозначает этот удивительный семидневный недельный цикл, который признается и отмечается всеми народами мира, всеми религиями и верованиями без исключения и который сохранил свою актуальность с древнейших времен вплоть до наших дней.

Чтобы разобраться в этом вопросе, нам необходимо обратиться к самым важнейшим и основополагающим письменным и устным источникам всех религий и верований нашего мира – христианской Библии (Библия, 2006), мусульманскому Корану (Коран, 2022), индуистским Ведам, буддийским сутрам, еврейской Торе и другим важнейшим письменным и устным

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatrusion P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

источникам всей нашей земной цивилизации. Именно они помогут нам понять, что во всем мире нет ничего более таинственного и более священного, чем таинство рождения ребенка и зарождения жизни в этом мире. Именно этому таинству как раз и посвящен рассматриваемый нами в этой работе семидневный недельный цикл в качестве уникальной попытки объяснения простыми словами своим прихожанам, независимо от их возраста, образования, социального статуса и национальной принадлежности, смысла всего этого великого таинства – таинства рождения, жизни и смерти человека в этом мире (Библейские сказания, 2001). И как бы не казались нам иногда необычными, невероятными, иногда даже шокирующими некоторые события прошлого, описанные в древних легендах, мифах и сказаниях каждого из народов мира, картина его создания от этого совершенно не изменится. Ведь даже та, такая на первый взгляд невероятная и шокирующая история о Сатурне, срезающем с себя серпом на шестом дне недели своего ребенка, которая в более поздние времена стала ассоциироваться с шабашем ведьм на Лысой горе, находит совершенно реальное подтверждение в рассказах наших предков о родах работающих в поле крестьянок, когда им приходилось перерезать пуповину своего новорожденного ребенка и отсекал его от себя серпом, которым они только что срезали колосья хлеба. И именно данное деяние как раз и являлось завершением того самого Великого таинства, которое описано в первой главе Первой книги Моисеева «Бытие» (Библия, 2006) словами:

«27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

«31 И увидел Бог все, что Он создал; и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой».

«Глава 2... И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые он делал, и почил в день седьмой от всех дел своих, которые делал».

Ведь именно так – день первый, день второй, день третий, день четвертый, день пятый, день шестой и день седьмой – обозначались первоначально дни проанализированного нами недельного цикла. И именно так они обозначались и обозначаются сегодня в Библии у христиан, в Коране у мусульман, а также и в современном китайском языке путунхуа.

Список источников / References

1. Аристотель (1976). Сочинения в 4 томах. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль».
Aristotle (1976). Collection of works in 4 volumes. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.).
2. Библейские сказания Зенона Косидовского (2001). М.: Терра-Книжный клуб.
The Biblical tales of Zenon Kossidovsky (2001). Moscow: Terra-Book Club (In Russ.).
3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические (2006). М.: Российское библейское общество.
The Bible: books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments, canonical (2006). Moscow: Russian Bible Society (In Russ.).
4. Коран. Прочтение смыслов (2022). Фонд исследований исламской культуры имени ибн Сины. М.: АСТ.

Апанасюк Л.А., Затрусин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatrusion P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

- The Quran. Reading the Meanings (2022). Ibn Sina Islamic Culture Research Foundation, Moscow: AST (In Russ.).
5. Мифология (1993). Общая редакция Л.А. Пылаева. Саратов: Издательство Саратовского университета.
Mythology (1993). L.A. Pylaev (ed.). Saratov: Saratov University Publ. (In Russ.).
 6. Современный японско-русский словарь (2007). Под редакцией Б.П. Лаврентьева. М.: Живой язык.
Modern Japanese-Russian dictionary (2007). B.P. Lavrentiev (ed.). Moscow: Live Language Publ. (In Russ.).
 7. 中国文化常识 (Общие знания по культуре Китая) (2006). 主任 刘泽彭 (под общей редакцией Лю Цзепен), издательство 华语教学出版社, 中华人民共和国国务院侨务办公室出版社, 北京 Пекин.
 8. 世界历史地图集 (Сборник карт всемирной истории с комментариями) 主编 张芝联, 刘学荣(2002). Под общей редакцией Чжан Чжилян, Лю Сюжун), 中国地图出版社 (Китайское государственное картографическое издательство), 北京 Пекин.
 9. 中国历史常识 (Общие знания по истории Китая) 主编 刘泽彭 (2007). Под редакцией Лю Цзепен, 中华人民共和国国务院侨务办公室出版社 (Издательство Управления по делам Китая за рубежом Государственного совета КНР) 北京 Пекин.
 10. 十万个为什么 (天文) 百科全书 (100000 Почему? Астрономия: энциклопедия для юношества) 总主编 韩启德 (2016). Под общей редакцией Хан Циде, 上海世纪出版股份有限公司少年儿童出版社, Шанхай.
 11. Cornelius, G. (2000). The Starlore Handbook. The starwatcher's essential guide to the 88 constellations, their myths and symbols. Duncan Baird Publishers.
 12. 汉俄大词典 БКРС Большой китайско-русский словарь (1983). Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, Академия наук СССР, Москва.

Информация об авторах

Лариса Ахунжановна Апанасюк, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6742-5666>, e-mail: ApanasiukLA@rgsu.net

Павел Викторович Затрусин, старший преподаватель кафедры восточных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2450-7260>, e-mail: pavel.pie@yandex.ru

Information about the authors

Larisa A. Apanasyuk, Doctor of Science (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6742-5666>, e-mail: ApanasiukLA@rgsu.net

Апанасюк Л.А., Затрускин П.В. (2026)
Лингвистические и культурологические аспекты
возникновения в китайском языке терминов недельного
членения времени
Язык и текст, 13(1), 5—17.

Apanasyuk L.A., Zatrushkin P.V. (2026)
The origin of linguistic and culturological aspects of
the weekly terms division of time in Chinese
Language and Text, 13(1), 5—17.

Pavel V. Zatrushkin, Senior Lecturer, Department of Eastern Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2450-7260>, e-mail: pavel.pie@yandex.ru

Вклад авторов

Апанасюк Л.А. — сбор и анализ данных, написание и оформление рукописи.

Затрускин П.В. — идея исследования, планирование исследования, аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Larisa A. Apanasyuk — data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

Pavel V. Zatrushkin — idea of the research; planning of the research; annotation, writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.11.2025
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2025.11.15
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Терминологическая вариативность как источник когнитивно-
прагматических искажений в переводе научных текстов по
ПСИХОЛОГИИ

Е.А. Балыгина✉, Т.В. Ермолова, О.А. Круковская

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ baliginaea@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В психологической науке термины существуют не как жесткие однозначные ярлыки, а как динамичные «классы вариантов», чья вариативность функционально обусловлена парадигмальными, прагматическими и дискурсивными факторами. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной практике научного перевода игнорирование системного характера этой вариативности становится основным источником когнитивно-прагматических искажений, подмены понятий и трансформации исходного научного дискурса. **Цель.** Разработать диагностический подход к оценке адекватности перевода, основанного на распознавании вариативности и ее учете как значимого признака научного термина. Эмпирическую базу составили переводы фрагментов статей по клинической психологии и психологии развития из англоязычных журналов, выполненные магистрантами МГППУ в рамках учебного курса. **Методы и материалы.** Методологическую основу работы составляет сопоставительный анализ, реализованный через авторскую трехуровневую диагностическую модель (лексико-семантический, дефинитивный и системно-понятийный уровни). **Результаты** исследования систематизируют типичные терминологические искажения (парадигмальные, системно-понятийные, этико-терминологические) и демонстрируют их прямую связь с игнорированием переводчиком прагматических, парадигмальных и дискурсивных причин вариативности. **Выводы.** Показано, что для предотвращения когнитивно-прагматических искажений переводческая стратегия должна включать обязательную дефинитивную верификацию термина, анализ его системных связей и учет прагматических параметров употребления. Предлагаемый диагностический инструментарий позволяет формализовать процесс перевода,

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

переведа его из сферы интуитивного выбора в область методически обоснованного решения.

Ключевые слова: терминологическая вариативность, перевод психологических текстов, когнитивно-прагматические искажения, научный перевод, психологическая терминология

Для цитирования: Балыгина, Е.А., Ермолова, Т.В., Круковская, О.А. (2026). Терминологическая вариативность как источник когнитивно-прагматических искажений в переводе научных текстов по психологии. *Язык и текст*, 13(1), 18—42. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130102>

Terminological variation as a source of cognitive-pragmatic distortions in the translation of scientific texts in psychology

E.A. Balygina✉, T.V. Ermolova, O.A. Krukovskaya

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ baliginaea@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Terms in psychological science do not function as static labels but as dynamic systems of variants, the variability of which is determined by shifting scientific paradigms, communication goals, and genre-specific features. The relevance of this study lies in the fact that in the practice of scientific translation, ignoring the systemic nature of this variability becomes a primary source of cognitive-pragmatic distortions, substitution of concepts, and transformation of the original scientific discourse. **The objective.** To develop a diagnostic approach to assessing translation adequacy based on recognizing variation and considering it as a significant feature of a scientific term. The empirical basis of the study consists of translations of excerpts from clinical and developmental psychology articles published in English-language journals, performed by MSUPE master's students as part of their coursework. **Methods and materials.** The methodological basis of the work is a comparative analysis, implemented through an original three-level diagnostic model (lexical-semantic, definitional, and system-conceptual levels). **The results** of the study systematize typical terminological distortions (paradigmatic, system-conceptual, ethical-terminological) and demonstrate their direct connection with the translator's disregard for the pragmatic, paradigmatic, and discursive causes of variation. **Conclusions.** It is shown that to prevent cognitive-pragmatic distortions, translation strategy must include mandatory definitional verification of a term, analysis of its systemic relations, and consideration of the pragmatic parameters of its use. The proposed diagnostic toolkit allows for formalizing the translation process, moving it from the sphere of intuitive choice to the area of methodologically justified decision-making.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Keywords: terminological variation, translation of psychological texts, cognitive-pragmatic distortions, scientific translation, psychological terminology

For citation: Balygina, E.A., Ermolova, T.V., Krukovskaya, O.A. (2026). Terminological variation as a source of cognitive-pragmatic distortions in the translation of scientific texts in psychology. *Language and Text*, 13(1), 18—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130102>

Введение

Терминологическая вариативность, понимаемая как наличие ряда различных языковых знаков для обозначения одного научного понятия в рамках одного языка, представляет собой неотъемлемое свойство развитых терминосистем (Шелов, 2014; Ресман, 2014). В отличие от общелитературной синонимии, вариативность редко сводится исключительно к стилистическим различиям. Разные варианты, как правило, формируются под влиянием диахронических, парадигмальных и прагматических факторов, в результате чего возникают устойчивые совокупности лексических единиц, которые, при общей отнесенности к одному концептуальному ядру, часто различаются сферой применения или теоретической принадлежностью (Авербух, 2006; Ресман, 2014)

Особую остроту проблема вариативности приобретает в психологической терминологии, где множественность теоретических подходов и постоянное переосмысление предмета исследования напрямую отражаются в языке (Danziger, 1997). Такие понятийные поля, как, например, область аффективных расстройств или нарушений развития, характеризуются сосуществованием множества синонимичных терминов (например, «дефицит» или «нарушение»), выбор между которыми далеко не всегда является произвольным, поскольку за каждым вариантом термина часто стоит своя история понятия, методологические предпочтения и нередко – определенная этическая позиция. Эта внутренне присущая языку психологии вариативность формирует главную трудность для переводчика, задача которого заключается не в простой замене одного слова другим, а в осознанном выборе и переносе в иной языковой и концептуальный контекст всей совокупности стоящих за термином значений, коннотаций и прагматических установок.

Для методологического разграничения вариативности и синонимии в терминологии принципиальное значение имеет концепция А.А. Реформатского, рассматривающего термин как «службу двух господ» – *lexis*'а (общего языка) и *logos*'а (системы специального знания). Из этой двойственной природы вытекает, что собственно лингвистическое явление – синонимия терминов – детерминировано механизмами общего языка, его лексико-грамматическим строем и осваивается на основе общеязыковой компетенции без обязательного обращения к специальным знаниям (Реформатский, 1968). Так, в общеязыковом контексте термины «восприятие» и «перцепция», «одаренность» и «талант» часто воспринимаются как синонимы.

Напротив, отношения денотативной тождественности, когда разные варианты термина обозначают один и тот же специальный концепт, но не являются общеязыковыми синонимами (например, «умственная отсталость» – «нарушение интеллектуального развития» (МКБ-11, 2022) или «состояние витального истощения» – «выгорание» (МКБ-11, 2022), требуют для своего установления профессиональных знаний и относятся уже к сфере *logos*'а.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Это разграничение обосновывает необходимость дифференцировать *терминологические синонимы* (единицы *lexis*'а) и *терминологические эквиваленты* (единицы *logos*'а), что имеет прямое отношение к переводческой практике (Реформатский, 1968). При переводе выбор часто происходит именно в поле терминологических эквивалентов, где внешне схожие варианты могут скрывать различную понятийную отнесенность (например, «дефицит» и «нарушение» для передачи термина *deficit*, или «вмешательство» и «лечение» для передачи термина *treatment* (APA Dictionary of Psychology, 2015), что и порождает риск когнитивно-прагматических искажений.

Современные исследования в области терминоведения едины в признании вариативности как фундаментального свойства терминосистем (Шелов, 2014). Более того, Ю. В. Сложеникина полагает, что «вариативность присуща терминосистемам даже больше, чем общелитературному языку» (Сложеникина, 2010, с. 250). Это связывается с конвенциональной природой специального знака: в отличие от слов общего языка, формирующихся стихийно, термины сознательно создаются научным сообществом как обозначения строго определенных понятий. Именно эта целенаправленность порождает особый характер терминологической вариативности. Поскольку одни и те же явления могут концептуализироваться различными научными школами, а сами понятия исторически развиваются и адаптируются к разным коммуникативным контекстам, вокруг общего концептуального ядра возникает множество нормативных обозначений, различия между которыми носят не столько стилистический, сколько парадигмальный и функциональный характер (Сложеникина, 2010).

Как отмечает К.Я. Авербух, термин представляет собой не единичную лексему, а класс вариантов, объединенных тождеством выражаемого понятия (Авербух, 2006, с. 192). Данный подход, акцентирующий приоритет понятийного единства над формальным разнообразием, имеет ключевое значение для осмысления переводческих трудностей в области психологической терминологии. Например, в рамках общезыкового сознания носителя языка такие единицы, как «посттравматическое стрессовое расстройство», «ПТСР», «травматический стресс» или «посттравматический синдром», могут восприниматься как ситуативные варианты одного класса. Однако в строгом научном дискурсе (например, в DSM-5-TR, 2022) между ними проводятся четкие дефинитивные границы, маркирующие разные концепты (расстройство, фактор, синдром).

Следовательно, основная проблема заключается не в самой вариативности, а в необходимости ее распознавания и воспроизведения, когда переводчик должен идентифицировать, принадлежат ли разные лексические формы одному понятийному полю (как в примере ПТСР / посттравматическое стрессовое расстройство) или же маркируют различные научные концепты. Неспособность провести эту границу ведет к подмене понятий и когнитивным искажениям при межъязыковой передаче научного знания.

Принципиально новый этап в осмыслении феномена терминологической вариативности связан с *лингво-коммуникативной концепцией термина* М. Т. Кабре (M.T. Cabré). Ее подход, формировавшийся в полемике с классической Общей теорией терминологии Э. Вюстера (E. Wüster), переносит центр тяжести с идеализированной понятийной системы на реальные условия функционирования специальной лексики (Cabré, 1999). Если для теории Э. Вюстера (E. Wüster) вариативность была отклонением от нормы, подлежащим устранению в процессе

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

стандартизации (Вюстер, 1983), то М.Т. Кабре (M.T. Cabré) рассматривает ее как неотъемлемое и функционально значимое свойство термина, реализуемого в дискурсе. В рамках этого подхода термин понимается не как статичный ярлык понятия, а как динамичная единица профессиональной коммуникации, варьирующаяся в зависимости от конкретных прагматических задач – будь то адаптация сообщения для различной аудитории или модификация смысла в определенном контексте (Cabré, 1999). Таким образом, роль вариативности переосмыляется – из потенциального источника помех она превращается в естественный механизм адаптации специального знания.

Логическим развитием коммуникативно-функционального подхода становится *социокогнитивная теория термина Р. Теммерман (R. Temmerman)*, предлагающая наиболее последовательный отказ от классических догм Общей теории терминологии Э. Вюстера (E. Wüster). Ее фундаментальный вклад заключается в радикальном переосмыслении самой природы терминологического значения: отвергая идеал жесткой однозначности, Р. Теммерман вводит ключевое понятие «единицы понимания» (unit of understanding) (Temmerman, 2000).

Согласно ее точке зрения, значение термина конструируется в процессе социально-когнитивной категоризации знания профессиональным сообществом. Такие «единицы понимания» часто обладают прототипической структурой, где четкое ядро и размытая периферия отражают динамику научного познания. Именно диффузный характер границ данных когнитивных структур служит источником терминологической полисемии и синонимии (Temmerman, 2000).

Иллюстрацией данного подхода может служить психологическая терминология, где гибкость «единиц понимания» проявляется в нескольких ключевых аспектах. Так, термин «тревога» демонстрирует прототипическую структуру: при сохранении устойчивого ядра – состояния беспокойства и напряжения (Большой психологический словарь, 2009; Спилбергер, 2004) – его периферия включает широкий спектр признаков: от бытовой нервозности до критериев клинического расстройства (Прихожан, 2000).

Эта же динамика смысловых границ проявляется и в исторической ретроспективе. Так, содержание термина «депрессия» прошло путь от аморфного понятия «уныние», до строгого диагностического конструкта (МКБ-11), что иллюстрирует трансформацию «единицы понимания» в процессе развития науки.

Помимо исторической эволюции, значение термина определяется и текущим теоретическим контекстом. Это отчетливо видно на примере понятия «рефлексия», которое в различных теоретических парадигмах актуализирует разные смысловые компоненты – от интроспективного самонаблюдения в классической психологии сознания (Джеймс, 1991) до механизма регуляции деятельности в рамках деятельностного подхода (Леонтьев, 2005; Степанов, Семенов, 1985). Таким образом, вариативность предстает не как случайное свойство, а как системное следствие динамики научного познания.

Взгляд на термин как на класс вариантов, объединенных общим понятием, получает развитие в исследованиях корпусной лингвистики. В частности, Б. Дайлле (B. Daille) определяет вариант термина как лексическую единицу, семантически или понятийно соотносимую с базовой номинацией (Daille, 2017). Ключевым критерием здесь, созвучным

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

идеям К.Я. Авербуха (Авербух, 2006), выступает сохранение понятийной сущности: вариативность представляет собой такую модификацию формы или смыслового оттенка, которая не приводит к возникновению нового понятия. Для переводческой практики разграничение семантической и понятийной тождественности имеет принципиальный характер. Задача переводчика состоит в том, чтобы, начав с анализа семантического соответствия, обеспечить сохранение места термина в научной системе, то есть проверить, отвечает ли выбранный вариант не только словарному значению, но и тому конкретному научному понятию, которое он должен обозначать.

В терминоведении сложился подход к классификации причин терминологической вариативности, которые можно разделить на две ключевые группы (León-Araúz, Cabezas-García, Reimerink, 2020). Первая группа связана с самим *субъектом знания* (автором или научным сообществом): вариативность выступает здесь как следствие национальных традиций, смены научных парадигм во времени или принадлежности к определенной теоретической школе (географическая, временная, социальная вариативность) (Kerremans, 2017; Gledhill, Resman, 2018). В этом аспекте она служит своеобразным маркером, фиксирующим контекст возникновения понятия. Вторая группа причин связана с *ситуацией общения*: вариативность позволяет адаптировать термин к отношениям с аудиторией (например, коллеги, студенты, пациенты) и к каналу передачи информации (научная статья, лекция, популярный текст) (Gregory, Carroll, 1978). В данном случае вариативность выступает как инструмент для тонкой настройки научного сообщения, обеспечения его точности и доступности в разных коммуникативных условиях. Кроме того, вариативность может определяться дискурсивными факторами, такими как необходимость избежать повторов в тексте.

Х. Фрейша (J. Freixa) предлагает развернутую таксономию, выделяя пять основных групп причин вариативности: *диалектные* (обусловленные географическим или институциональным происхождением автора), *функциональные* (связанные с регистром и целевой аудиторией), *дискурсивные* (порождаемые стилистическими и экспрессивными задачами), *интерлингвистические* (вызванные межъязыковым взаимодействием) и *когнитивные* (проистекающие из различной концептуализации действительности) (Freixa, 2006).

В психологической терминологии эти причины проявляются со всей очевидностью. Например, когнитивный аспект вариативности лежат в основе разграничения терминов «рефлексия» и «интроспекция», которые отражают разные теоретические ракурсы рассмотрения процесса самопознания (Большой психологический словарь, 2009). Функциональный аспект вариативности проявляет себя в выборе между номинациями «паническая атака» (DSM-5-TR, 2022) и «пароксизмальная тревога». Если первая единица относится к общепринятому клиническому узусу, то вторая – к более формальному, академическому регистру, обладающему выраженной дескриптивной функцией.

Таким образом, осознание всей совокупности причин вариативности – от парадигмальных до дискурсивных – позволяет переводчику перейти от механического подбора синонимов к осмысленному выбору термина, адекватного конкретной научной традиции, теоретическому контексту и коммуникативной задаче автора.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

В данной работе при анализе переводческих решений в области психологической терминологии мы будем опираться на понимание *терминологической вариативности*, охватывающее широкий спектр явлений – от формальных модификаций термина до смысловых расхождений в рамках одного понятийного поля. Под *терминами-вариантами* будут пониматься языковые единицы, соотносимые с одним научным понятием, даже если они принадлежат к разным стилистическим регистрам или теоретическим традициям (например, «восприятие» и «перцепция»).

Однако необходимо сделать важное уточнение. К *терминологической вариативности* не следует относить случаи, когда термины обозначают смежные, но различные понятия, даже если они связаны отношениями логической производности (Шелов, 2014). Так, термины «тревога» (ситуативное состояние) и «тревожность» (личностная черта), как и «страх» (базовая эмоция) и «фобия» (клинический синдром), представляют собой не варианты, а самостоятельные термины, закрепленные за разными фрагментами научной картины мира (Большой психологический словарь, 2009; Прихожан, 2009; DSM-5-TR, 2022). Именно смешение этих двух уровней – выбор между различными вариантами обозначения одного понятия и выбор между внешне схожими терминами, обозначающими разные понятия – составляет одну из ключевых трудностей для переводчика и служит источником наиболее серьезных когнитивных искажений в тексте перевода.

Несмотря на признание вариативности как имманентного свойства терминосистемы, в современном переводоведении отсутствует комплексная модель, которая переводила бы описанные выше теоретические положения в плоскость конкретных стратегий перевода психологической терминологии. Это порождает ряд частных, но критически важных лакун:

1. *Отсутствие алгоритмов для новых заимствований.* Активный процесс заимствования англоязычных терминов, отражающих новейшие концепции (например, *microaggression*, *gaslighting*), опережает разработку научно обоснованных принципов их адаптации или перевода на русский язык, что ведет к хаотичной синонимии и потере понятийной точности (Балыгина, Ермолова, 2018; Михальченкова, 2025).
2. *Неразработанность принципов работы с «термино-классами».* Переводческие ресурсы (словари, глоссарии) по-прежнему чаще фиксируют статичные, единичные эквиваленты, игнорируя динамический «класс вариантов» (аббревиатуры, синтаксические и стилевые модификации) (Авербух, 2006). Это не позволяет переводчику адекватно реагировать на дискурсивную и прагматическую вариативность термина в исходном тексте.
3. *Методологическая неопределенность в решении проблемы культурно-обусловленной и понятийной (концептуальной) неэквивалентности.* Суть этой проблемы заключается в принципиальном несовпадении семантических объемов и понятийных границ схожих терминов в разных лингвокультурах. В рамках одного языка, например, английского, вариативность может проявляться как синонимический ряд (*anxiety – worry – distress*), где элементы, сохраняя общее понятийное ядро, отражают различия в интенсивности, длительности и клинической значимости состояний (APA Dictionary of Psychology, 2015).

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Однако при переводе на другой язык, в данном случае русский, каждый элемент этого ряда сталкивается с иной понятийной сеткой: так, anxiety может потребовать выбора между «тревогой» (ситуативное состояние), «тревожностью» (личностная черта) и «дистрессом» (дезадаптивное состояние), в то время как worry коррелирует с сегментами «беспокойство» или «озабоченность».

Таким образом, целостный «терминологический кластер» исходного языка не имеет готового, системного отражения в языке перевода. Отсутствуют формализованные критерии, позволяющие переводчику осознанно и последовательно совершать выбор в этой зоне неполного перекрытия значений, что ведет к случайным, интуитивным и потому непредсказуемым решениям, нарушающим понятийную строгость научного дискурса.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодолеть разрыв между теоретическим пониманием терминологической вариативности как системного явления и практическими потребностями перевода. Работа направлена на то, чтобы на материале психологической терминологии перевести абстрактные категории «парадигмальной», «прагматической» и «дискурсивной» вариативности в плоскость диагностируемых переводческих проблем и предложить возможные стратегии их решения. Это позволит перевести работу с термином из области интуитивного выбора в область научно обоснованного решения.

Исходя из выявленного проблемного поля, **целью** настоящего исследования является разработка на основе эмпирического анализа диагностического подхода к оценке адекватности перевода психологической терминологии. Данный подход основан на системном сопоставлении вариантов перевода с типологией терминологической вариативности в исходном тексте и направлен на выявление закономерных связей между характером вариативности и типами результирующих искажений. Для достижения поставленной цели решается комплекс задач: индуктивный анализ и классификация ошибок в переводческом материале; установление корреляции между типами ошибок и категориями вариативности (парадигмальной, прагматической, дискурсивной); формулировка критериев для диагностики степени адекватности терминологического вывода; выработка практических рекомендаций.

Эмпирическую базу составил специализированный корпус англоязычных текстов по клинической психологии и психологии развития и их переводов, выполненных магистрантами факультета «Клиническая и специальная психология» МГППУ. Выбор этой области обусловлен высокой вариативностью ее терминосистемы, находящейся на стыке различных дискурсов, что создает множество ситуаций неоднозначного выбора эквивалента.

Предметом исследования выступают объективные закономерности, связывающие тип терминологической вариативности в оригинальном научном тексте с характером искажений в его переводе. В фокусе анализа находится конкретное переводческое решение, запечатленное в письменном тексте, и его соответствие или несоответствие понятийным, парадигмальным и коммуникативным параметрам оригинала.

Логика исследования следует принципу «от общего к частному»: от теоретического анализа природы вариативности к рассмотрению специфических переводческих трудностей и

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

детальному разбору примеров. Анализ выстраивается как последовательность ключевых этапов: от объективно присущей термину вариативности в оригинальном дискурсе – через субъективный выбор эквивалента переводчиком – к возникновению системного когнитивно-прагматического искажения в тексте перевода. Такая реконструкция цепочки «вариативность → выбор → искажение» обеспечивает переход от простой констатации ошибки к пониманию логики ее возникновения.

Таким образом, исследование не только диагностирует ошибки, но и выявляет логику их возникновения, что служит основой для разработки превентивных стратегий в научном переводе.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляет *сопоставительный анализ*, реализуемый на нескольких уровнях. В качестве ключевого метода исследования применяется *индуктивный метод*: от анализа совокупности конкретных переводческих решений (вариантов перевода терминов) к выявлению устойчивых закономерностей и систематизации типичных проблем. Теоретической базой для категоризации служат концепции терминологической вариативности (Авербух, 2006; León-Araúz, Cabezas-García, Reimerink, 2020), в рамках которых анализируется соответствие выбранного варианта понятийному полю, профессиональному узусу и дискурсивному контексту оригинала. Верификация наблюдений осуществляется *методом экспертной оценки* через обращение к корпусу русскоязычных научных публикаций по психологии и специализированным источникам (Большой психологический словарь, 2009; APA Dictionary of Psychology, 2015).

Русскоязычные варианты ключевых терминов оценивались по трем параметрам – *понятийно-когнитивному* (сохранение концептуального ядра), *стилистическому* (соответствие узусу и регистру) и *прагматическому* (способность выполнять коммуникативную функцию).

К каждому терминологическому выбору в корпусе переводов применялся последовательный *трехуровневый анализ*. Эта процедура начинается с *лексико-семантического уровня*, на котором для заданного термина оригинала выявляется весь спектр встретившихся в переводах русскоязычных соответствий. На этом этапе фиксируется формальная возможность выбора, основанная на общем словарном значении.

Затем осуществляется переход на *дефинитивный уровень*. Здесь каждый выявленный вариант проверяется на соответствие строго определенному ядру научного понятия, реконструируемому по авторитетным источникам и профессиональному узусу (Большой психологический словарь, 2009; МКБ-11, 2022; DSM-5-TR, 2022). Этот уровень отвечает на вопрос о понятийной адекватности варианта перевода, отделяя термины, принадлежащие к разным концептуальным сферам.

Наконец, анализ поднимается на *системно-понятийный уровень*, где адекватность варианта проверяется в рамках целостной понятийной системы дисциплины. Здесь оценивается, сохраняет ли русскоязычный эквивалент термина свои связи (гиперо-гипонимические, антонимические, ассоциативные) с другими элементами системы и способен ли он выполнять

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

в тексте перевода ту же структурно-смысловую роль, что и оригинальный термин. Этот уровень выявляет, приводит ли выбор к системным искажениям в логике научного изложения.

Такая многоступенчатая методика позволяет диагностировать не только факт ошибки, но и точно определить, на каком этапе понимания – распознавания значения, усвоения дефиниции или осознания системных отношений – произошел сбой, обусловивший терминологическое искажение.

Практическая часть исследования реализует предложенный методологический подход на материале специализированного корпуса переводов. Анализ сосредоточен на выявлении повторяющихся закономерностей в передаче ключевых концептов англоязычных научных текстов по психологии.

В качестве репрезентативного примера, демонстрирующего работу предложенной методики, был выбран перевод фрагмента статьи Стивена М. Эдельсона «Понимание проблемного поведения при расстройстве аутистического спектра: многокомпонентная междисциплинарная модель» (Stephen M. Edelson, “Understanding Challenging Behaviors in Autism Spectrum Disorder: A Multi-Component, Interdisciplinary Model”) (Edelson, 2022). В данном тексте термин **challenging behavior** выступает ключевым системообразующим понятием, функционируя как обобщающий гипероним для агрессии, самоповреждающего поведения и тяжелых истерик. В анализируемом переводе, выполненном магистрантом, данный термин был последовательно и единообразно переведен как **«нежелательное поведение»**. Этот выбор представляет собой типичный для корпуса случай, который позволяет проследить формирование системной ошибки на всех уровнях анализа.

Последовательное применение трехаспектной методики к данному случаю выявляет механизм возникновения терминологического искажения. На первом, **лексико-семантическом уровне** вариант **«нежелательное поведение»** кажется допустимым, поскольку передает общую идею поведения, которое стремятся изменить.

Однако уже второй, **дефинитивный уровень анализа**, обращенный к ядру научного понятия, вскрывает принципиальное несоответствие. В исходном тексте **challenging behavior** определяется через комплекс признаков, связанных с серьезным риском для здоровья и безопасности и необходимостью структурированной поведенческой интервенции, что в русскоязычном профессиональном узусе клинической психологии и прикладного анализа поведения однозначно закреплено за термином **«проблемное поведение»**. Выбор варианта **«нежелательное поведение»** сужает и смещает понятийное ядро, акцентируя признак социальной неприемлемости, что характерно для общепедагогического, а не клинико-коррекционного дискурса.

Третий, **системно-понятийный уровень анализа** окончательно подтверждает, что выявленная подмена терминов приводит к концептуальному сдвигу во всем тексте перевода. В оригинальной статье **challenging behavior** находится в антонимических отношениях с **adaptive behavior** и является целевым объектом для вмешательства (treatment) в рамках междисциплинарной модели. Адекватный эквивалент **«проблемное поведение»** полностью сохраняет эти системные связи в русскоязычной научной парадигме. Используемый же переводческий вариант **«нежелательное поведение»** закономерно встраивается в иную

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

понятийную сеть, где его антонимом становится **«примерное (послушное) поведение»**, что полностью нивелирует междисциплинарный клинический контекст оригинала.

Таким образом, данный случай, выбранный из корпуса, наглядно иллюстрирует общую закономерность: игнорирование системного характера терминологической вариативности и выбор эквивалента на основании поверхностного лексического сходства приводят к трансформации дискурсивной принадлежности текста, что представляет собой сущностное когнитивно-прагматическое искажение.

Вторым объектом анализа послужил перевод фрагмента статьи Р. Томпсон и др. «Повышение эффективности ранней коммуникации посредством обучения младенцев жестам» (Thompson R.H. et al. Enhancing Early Communication Through Infant Sign Training) (Thompson, 2007). Термины оригинала и их межъязыковые эквиваленты в переводе были подвергнуты аналогичному трехуровневому анализу для выявления закономерностей в передаче ключевых терминов и их системных связей.

На *лексико-семантическом уровне* для ключевого концепта *sign language* переводчик выявил и использовал целый спектр вариантов: **«жестовый язык»**, **«жестовые системы коммуникации»**, **«жестовая коммуникация»**, **«жестовое общение»**, **«жесты»**. Эта вариативность, хотя и отражает поиск адекватной формы, уже на начальном этапе создает угрозу терминологической согласованности.

Переход на *дефинитивный уровень анализа* требует обращения к актуальным источникам, закрепляющим значение терминов в современной научной парадигме. Согласно (Язык и жест..., 2025), термин **«жестовый язык»** определяется как «полноценная знаковая лингвистическая система», обладающая собственной лексико-грамматической структурой, что наиболее точно отражает методологию Р. Томпсон и соавторов (2007) по системному обучению функциональной коммуникации. Современная лингвистика (Язык и жест..., 2025) подчеркивает статус жестового языка как «естественного языка», независимого от звуковых форм.

Описательные конструкции, такие как **«жестовые системы коммуникации»** или **«жестовое общение»**, акцентируют внимание лишь на прагматической функции обмена информацией. Для строго научного текста они могут быть недостаточно специфичны, так как размывают границы между лингвистическим объектом и ситуативным взаимодействием.

Наиболее критичным упрощением является редукция *sign language* до понятия **«жесты»**. В лингвокультурологических исследованиях (Проблемы знаковых систем..., 2024) жест рассматривается как отдельный «кинестический акт» или элемент невербального поведения, лишенный системной организации языка. Таким образом, использование термина **«жестовый язык»** является единственно верным способом соблюсти критерий понятийной точности на дефинитивном уровне.

Аналогичная проблема возникает при переводе антонимичной пары *vocal language* с помощью выражения **«устная речь»**. Для сохранения строгой оппозиции модальностей, зафиксированной в современных работах (Язык и жест..., 2025), необходим эквивалент, артикулирующий сущностный признак «голосовой/звуковой» (например, **«звуковой язык»**).

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Использование варианта «*устная речь*» является некорректным, так как жестовый язык также признается формой непосредственного «устного» общения. В научной литературе подчеркивается, что дихотомия «*устный/письменный*» описывает способ фиксации информации, в то время как оппозиция «*вокальный/жестовый*» (*vocal vs. manual*) описывает саму физическую модальность языка. В фундаментальном сборнике «Проблемы знаковых систем» (Проблемы знаковых систем..., 2024) отмечается, что редукция *vocal language* до «*устной речи*» стирает ключевой дифференциальный признак понятия. Следовательно, перевод *vocal language* с помощью выражения «*устная речь*» свидетельствует о методологическом сбое на дефинитивном этапе анализа: переводчик не идентифицировал ключевой дифференциальный признак понятия.

Системно-понятийный уровень анализа демонстрирует, к каким последствиям приводят эти решения. Непоследовательность в выборе эквивалентов (*sign language* → «*жестовая коммуникация*», *vocal language* → «*устная речь*») разрушает фундаментальную для оригинала бинарную оппозицию двух лингвистических модальностей. Вместо нее в тексте перевода возникает размытое противопоставление жестового способа общения и устной речи.

Анализ на *системно-понятийном* уровне также выявляет проблемы в передаче других ключевых терминов, где выбор эквивалента приводит к нарушению понятийной точности и профессионального узуса. Так, для обозначения концепта *developmental disabilities* был избран расширительный эквивалент «*нарушения развития*». Данная номинация не отражает специфики исходного термина *developmental disabilities*, который в современной клинической и психолого-педагогической практике, согласно МКБ-11, соотносится с категорией «*расстройства психологического развития*» (категории 6A00–6A0Z).

Более общий эквивалент нивелирует важное для специалиста разграничение между нарушениями собственно психического (психологического) развития и иными нарушениями развития (физического, сенсорного), объединяемыми в английском языке под широким термином *disabilities*.

Наиболее значимое этико-терминологическое искажение связано с передачей понятия *mental retardation*. Использованный эквивалент «*умственная отсталость*», хотя и закреплен в устаревших редакциях классификаторов (например, МКБ-10), противоречит современной научной и гуманистической парадигме. Как указывается в диагностических руководствах Американской психиатрической ассоциации (DSM-5-TR, 2022) и в российских клинических рекомендациях (Расстройства аутистического спектра..., 2024), этот стигматизирующий термин последовательно замещается нейтральными формулировками: «*интеллектуальные нарушения*» или «*нарушение интеллектуального развития*» (соответствует *intellectual developmental disorder* в МКБ-11). Выбор устаревшего варианта свидетельствует о несоблюдении современного профессионального узуса.

Таким образом, проблемы в передаче терминов *developmental disabilities* и *mental retardation* демонстрируют, что перевод, не прошедший верификацию на дефинитивном и системном уровнях, нарушает не только понятийную адекватность, но и соответствие современным нормам научной коммуникации.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Анализ данного примера подтверждает, что предложенная трехуровневая методика действует как эффективный диагностический инструмент. Она позволяет не только классифицировать ошибки, но и точно определить этап принятия решения (лексический отбор, дефинитивное понимание, системное осмысление), на котором происходит сбой. Неадекватный выбор на любом из этих уровней ведет к накоплению когнитивно-прагматических искажений, нарушающих понятийную строгость и дискурсивную целостность научного перевода.

Третьим объектом анализа послужил перевод аннотации к исследованию Ф. ДиДженнаро Рид и соавт. «Применение технологий для обучения социальным навыкам детей с аутизмом» (DiGennaro Reed F.D., Hyman S.R., Hirst J.M. *Applications of technology to teach social skills to children with autism*) (DiGennaro Reed, 2011). На этом материале показано, как выбор эквивалента на дефинитивном уровне непосредственно определяет понятийные границы и дисциплинарную принадлежность текста перевода.

Ключевое понятие оригинала *deficits in social skills* было переведено как «**нарушения социальных навыков**». Однако в контексте поведенческих наук и в рамках МКБ-11, где расстройства аутистического спектра кодируются в блоке «Расстройства психического развития», для описания недостаточности конкретных навыков используется именно термин «**дефицит**» (ср. в оригинале МКБ-11: *deficits in verbal and nonverbal social communication – дефициты вербальной и невербальной социальной коммуникации*).

В отличие от «**нарушения**», которое часто констатирует лишь общий факт патологии, термин «**дефицит**» указывает на системную недостаточность функции, которая может проявляться как количественно (нехватка или отсутствие навыка), так и качественно (неадекватность его реализации целям коммуникации) (Большой психологический словарь, 2009). Выбор слова «**дефицит**» позволяет точнее отразить методологический переход к описанию аутистического спектра как совокупности конкретных когнитивных и поведенческих дефицитов, а не просто диффузных нарушений развития.

Если в английском языке *deficit* – это нейтральная констатация особенностей нейроразнообразия, то термин «**нарушение**» (отклонение от нормы по «Большому психологическому словарю») вносит в текст излишний патологизирующий оттенок, активируя ассоциации с болезнью или дефектом.

Таким образом, уже первая терминологическая замена смещает акцент с констатации недостаточности навыков, поддающейся коррекционному обучению, в сторону более глобальной аномалии развития.

Наиболее концептуально значимая замена связана с передачей термина *treatment* как «**лечение**». В оригинальном тексте, посвященном технологиям обучения, речь идет о психолого-педагогическом воздействии, что соответствует широкому, междисциплинарному значению *psychological treatment* в APA Dictionary of Psychology (2015), где этот термин определяется как процедура, направленная на создание здоровых и адаптивных изменений в действиях, мыслях и чувствах человека. Подчеркивается, что такая процедура отличается от медикаментозного лечения, хотя лекарства могут использоваться как вспомогательное средство.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Выбор узкого медицинского эквивалента **«лечение»** является терминологической редукцией, поскольку в МКБ-11 (2022) этот термин закреплен за биомедицинскими воздействиями, направленными на этиологию и патогенез заболевания. Фраза **«стандартизированная оценка перед началом лечения»** в переводе создает ложную импликацию, будто исследование описывает клиническую терапию, а не коррекционно-развивающее обучение навыкам.

Эта ошибка на системно-понятийном уровне приводит к дискурсивному сдвигу: текст, принадлежащий парадигме прикладного анализа поведения и специальной педагогики, ошибочно репрезентируется как часть клиничко-медицинского дискурса. Данный случай наглядно показывает, что выбор термина-эквивалента – это не лингвистическая, а понятийная операция, от которой зависит адекватность восприятия всей научной модели, описанной в тексте.

В данном контексте предложение *All but one study included standardized assessment before treatment* требует следующего перевода: *«Во всех исследованиях, кроме одного, перед началом вмешательства проводилась стандартизированная оценка»*, где слово **treatment** переводится с помощью термина **«вмешательство»**.

Четвертым объектом анализа в рамках исследования послужил перевод отрывка из статьи Шейлы Р. Вудворд «Роль психолингвистических свойств языка в поддержке языкового обучения детей» (Woodward, Sh. R. The role of psycholinguistic properties of language in supporting children's language learning) (Woodward, 2018). В предложении оригинала «Exposure to CDS, as opposed to adult-directed speech, supports children's language development...» магистрант переводит ключевой термин **CDS (Child-Directed Speech)** как **«обращенная речь»**.

Применение трехуровневой модели к данному случаю выявляет системную терминологическую неточность. На первом, *лексико-семантическом уровне* выбор кажется оправданным, так как словосочетание описывает адресованную речь. Однако *дефинитивный анализ*, обращенный к ядру понятия, обнаруживает несоответствие. Согласно APA Dictionary of Psychology (2015), **CDS** определяется как особая просодически и лексически модифицированная речь, адаптированная для коммуникации с ребенком.

В русскоязычной научной традиции, опирающейся на деятельностный подход А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 2005), для этого закреплен узуальный и терминологически точный эквивалент **«речь, обращенная к ребенку»**, который эксплицитно указывает на адресата. Выбранный вариант **«обращенная речь»** является слишком широким, поскольку охватывает любую диалогическую речь без указания адресата. Такой перевод не позволяет дифференцировать узкоспециальное понятие **Child-Directed Speech** от общего обозначения адресованного высказывания, что приводит к утрате специфики исходного научного концепта.

Системно-понятийный анализ позволяет оценить последствия этой подмены для целостности научного изложения. Использование общего обозначения **«обращенная речь»** вместо термина **«речь, обращенная к ребенку»** нарушает его связь с фундаментальными для отечественной психологии концептами, в рамках которых он функционирует. Такие понятия, как «зона ближайшего развития» и «социально опосредствованная деятельность» (Л.С. Выготский), в своей основе имеют идею специфического взаимодействия, ориентированного

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

именно на ребенка. Замена термина размывает эту теоретическую связь, лишая текст четкой парадигмальной отнесенности.

Рассмотрим далее перевод фрагмента, содержащего термин *vocabulary acquisition*. В предложении оригинала «...*positive influence on children's vocabulary acquisition*» данный концепт переведен как «*усвоение словарного запаса*». Последовательное применение трехуровневой методики позволяет выявить в этом выборе содержательный сдвиг, затрагивающий теоретические основания текста.

На *лексико-семантическом уровне* слово «*усвоение*» может восприниматься как поверхностный эквивалент английского *acquisition*. Однако *дефинитивный анализ*, обращенный к сущностному ядру понятий, вскрывает принципиальное расхождение между лингвистическими традициями. В англоязычной психолингвистике термин *acquisition* (противопоставляемый *learning*) акцентирует естественный, спонтанный и активный характер процесса становления языковой способности.

В русской психолого-педагогической терминосистеме, уходящей корнями в теорию деятельности, между понятиями «*усвоение*» и «*овладение*» существует содержательное различие. Как следует из работ Л.С. Выготского об интериоризации и А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 2005) о структуре деятельности, «*усвоение*» традиционно связано с пассивным присвоением готовых знаний, норм или образцов. В то время как «*овладение*» подразумевает активное, деятельностное присвоение культурного средства (в данном случае – языка) как инструмента для решения коммуникативных задач. Поэтому узуальным и концептуально точным эквивалентом в рамках данной научной парадигмы выступает сочетание «*овладение лексикой*» или «*овладение словарным запасом*».

Системно-понятийный уровень анализа окончательно проясняет последствия выбранной замены. Использование термина «*усвоение*» не является нейтральной стилистической вариацией, так как имплицитно редуцирует исходную модель развития, представленную в оригинале: активный процесс («*овладение*») подменяется моделью пассивно-рецептивного присвоения внешней информации («*усвоение*»). Это искажает теоретический контекст обсуждения роли *Child-Directed Speech*, которая в оригинале рассматривается как элемент среды, поддерживающей именно собственную активность ребенка, а не как материал для заучивания.

Таким образом, некорректный выбор термина-эквивалента на дефинитивном уровне приводит к системному искажению одной из ключевых теоретических посылок научного текста, демонстрируя, как терминологическая неточность может затрагивать основы интерпретации исследуемого явления.

Результаты

Теоретическое обоснование диагностического подхода

Теоретический анализ в рамках настоящего исследования подтвердил, что трудности перевода психологической терминологии носят не случайный, а системный характер. Проблема заключается в фундаментальном разрыве между современным пониманием термина как динамичного «класса вариантов» (Авербух, 2006), чья вариативность функционально

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

обусловлена, и традиционной переводческой практикой, ориентированной на поиск единственного статичного эквивалента.

Анализ литературы по терминоведению позволяет утверждать, что вариативность термина – это не «шум» или помеха, подлежащая устранению. Напротив, вариативность выступает значимым диагностическим признаком, отражающим научную, коммуникативную и историческую специфику термина.

Таксономия причин вариативности, предложенная Х. Фрейша (Freixa, 2006) и другими исследователями (León-Araúz, Cabezas-García, Reimerink, 2020; Kerremans, 2017), позволила систематизировать данные факторы по трем основаниям: *парадигмальному* (принадлежность к определенной научной школе), *прагматическому* (целевая аудитория и жанр) и *дискурсивному* (стилистические задачи). Этот комплексный подход лег в основу разработки аналитического инструментария исследования.

На основе данного теоретического фундамента была разработана трехуровневая диагностическая модель, предназначенная для верификации переводческого выбора. Каждый уровень этой модели соответствует одной из задач, которые должен решить переводчик для достижения понятийной точности:

1. *Лексико-семантический уровень* – анализ спектра формальных соответствий, формирующих исходную базу для переводческого выбора. На данном этапе верифицируется словарное значение термина вне узкого контекста.
2. *Дефинитивный уровень* – сопоставление вариантов перевода с инвариантным ядром понятия, зафиксированным в авторитетных источниках (Большой психологический словарь, 2009; МКБ-11, 2022; APA Dictionary of Psychology, 2015). Уровень ориентирован на выявление ошибок, вызванных неверной интерпретацией парадигмальной специфики термина.
3. *Системно-понятийный уровень* – проверка функциональной адекватности эквивалента в понятийной структуре дисциплины и конкретного дискурса. Этот этап позволяет диагностировать искажения, возникающие при игнорировании прагматических и дискурсивных параметров термина, т. е. его связей внутри целостной системы научного знания.

Таким образом, предложенная модель операционализирует теоретические постулаты о вариативности (Авербух, 2006; Сложеникина, 2010), трансформируя их в последовательную аналитическую процедуру. Она позволяет не только констатировать ошибку, но и диагностировать, какой именно аспект оригинала – парадигмальный, прагматический или дискурсивный – был искажен при переводе. Это создает базу для перехода от интуитивного выбора к научно обоснованному переводческому решению.

Классификация и источники терминологических искажений в переводе психологической литературы

Применение трехуровневой модели к анализу переводческого корпуса позволило не только систематизировать наблюдаемые ошибки, но и выявить их устойчивые источники и специфику проявления именно в психологическом дискурсе. Эмпирические данные

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

свидетельствуют о том, что терминологические искажения носят не случайный, а закономерный характер, повторяясь в сходных концептуальных контекстах и имея четкую корреляцию с определенными этапами переводческого процесса.

1. Парадигмальные искажения как доминирующий тип ошибки.

Наиболее частым источником смысловых сдвигов является неверная интерпретация парадигмальной принадлежности термина, диагностируемая на дефинитивном уровне. Переводчик, работая с термином как с лексической единицей, часто не распознает его связь с конкретной научной школой или практическим подходом. Например, анализ перевода термина *challenging behavior* (Edelson, 2022) показал, что его последовательная передача как «нежелательное поведение» представляет собой не стилистический выбор, а грубую дискурсивную подмену. Переводчик заменил понятие из области прикладного анализа поведения (где оно обозначает поведение, представляющее риск и требующее структурированной интервенции) термином из общепедагогического дискурса (где «нежелательное поведение» связано с нарушением правил).

Анализ эмпирического материала продемонстрировал, что такие ошибки регулярно возникают на стыке клинической психологии, педагогики и медицины, где термины, формально близкие по значению, выполняют принципиально разные функции в различных профессиональных парадигмах.

2. Системно-понятийные искажения и нарушение логической структуры текста.

Вторая группа ошибок, выявляемая на системно-понятийном уровне, связана с разрушением понятийных связей термина внутри научного текста. Ярким примером является перевод бинарной оппозиции *sign language / vocal language* (Thompson, 2007) как «жестовое общение / устная речь».

Несмотря на корректную передачу лексических значений, переводчик игнорирует системную оппозицию лингвистических модальностей (жестовая vs. вокальная), заложенную в оригинале. В результате в тексте перевода возникает логически неоднородное противопоставление коммуникативного процесса («общение») и формы речевой деятельности («речь»), что разрушает авторскую теоретическую модель.

Подобные искажения особенно критичны для психологической литературы, где точность определения связей между конструктами (причина-следствие, часть-целое, оппозиция) является основой научной аргументации.

3. Этико-терминологические искажения, обусловленные сменой научных парадигм.

Отдельную, социально значимую категорию составляют ошибки, связанные с использованием устаревшей или стигматизирующей терминологии, игнорирующей современные нормы научной этики. Устойчивое употребление термина «умственная отсталость» для перевода *intellectual (developmental) disability* – при наличии рекомендованных ВОЗ (МКБ-11, 2022) эквивалентов «интеллектуальные нарушения» или «нарушение интеллектуального развития» – указывает не только на терминологическую неточность, но и на отрыв переводчика от актуального научного и социального контекста. Данный пример подтверждает, что адекватный перевод психологических текстов требует от специалиста не только лингвистической, но и этической чуткости, а также постоянного

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Крукловская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

мониторинга эволюции понятийного аппарата дисциплины (DSM-5-TR, 2022; Расстройства аутистического спектра..., 2024).

4. Дискурсивно-стилистическая трансформация на основе накопления терминологических ошибок.

Важнейшим выводом эмпирического анализа является наблюдение, что указанные искажения редко встречаются изолированно. Напротив, они образуют устойчивую причинно-следственную цепочку: вариативность термина в оригинале → ее ошибочная интерпретация или игнорирование переводчиком → неадекватный выбор эквивалента → накопление концептуальных сдвигов → трансформация дискурсивной принадлежности всего текста.

Так, замена *treatment* (в значении поведенческого вмешательства) на «лечение» последовательно смещает текст из психолого-педагогической плоскости в сугубо медицинскую, изменяя его восприятие читателем (APA Dictionary of Psychology, 2015; МКБ-11, 2022). Эта закономерность подтверждает, что работа с термином в психологическом переводе – это работа с целостной понятийной системой, где ошибка в одном звене ведет к системному искажению смысла.

Таким образом, специфика перевода психологической литературы заключается в необходимости постоянного балансирования на стыке нескольких дискурсивных систем (клинического, академического, педагогического, этического). Типичные ошибки возникают именно тогда, когда переводчик пытается решить сложную, многокритериальную задачу выбора эквивалента, опираясь лишь на один параметр (чаще всего – лексико-семантический), и игнорирует при этом парадигмальный контекст, системные связи термина и актуальные нормы научной коммуникации.

Практические рекомендации по организации переводческого процесса на основе результатов исследования

Эмпирический анализ переводческих решений и диагностический потенциал трехуровневой модели позволяют перейти от описания типичных ошибок к формулировке конкретных стратегий, направленных на их предотвращение. Эти стратегии представляют собой последовательность аналитических действий, интегрирующих теоретическое понимание терминологической вариативности (Авербух, 2006; Freixa, 2006) в практику работы с научным текстом.

1. Стратегия обязательной дефинитивной верификации термина.

Ключевым условием предотвращения парадигмальных искажений выступает смещение приоритета с поиска лексического соответствия на анализ понятийного содержания. Первым шагом в работе с термином должно стать не обращение к двуязычным словарям, а реконструкция его точного научного содержания в рамках конкретной дисциплинарной парадигмы, к которой принадлежит исходный текст.

Для этого необходим выход за пределы узкого контекста предложения и обращение к авторитетным источникам: действующим диагностическим руководствам (МКБ-11, 2022; DSM-5-TR, 2022), профильным энциклопедиям (Большой психологический словарь, 2009; APA Dictionary of Psychology, 2015), монографиям и корпусу русскоязычных публикаций по

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

теме. Например, выбор эквивалента для *developmental disabilities* требует не подбора синонима, а проверки его соответствия категории «Расстройства психологического развития» в современной классификации (МКБ-11, 2022). Эта стратегия формализует процедуру перехода с лексико-семантического на дефинитивный уровень анализа, обеспечивая понятийную точность.

2. Стратегия анализа системного контекста и понятийных связей.

Для предупреждения системных искажений выбор термина-эквивалента должен быть подвергнут проверке на его способность встраиваться в логико-понятийную сеть текста и дисциплины. Переводчик должен выявить основные системные отношения, в которые вступает термин в оригинале (является ли он видовым или родовым понятием, частью какой-либо оппозиции, элементом причинно-следственной цепочки), и оценить, сохраняет ли русскоязычный эквивалент эти связи.

Так, перевод антонимичной пары *sign language / vocal language* требует подбора двух терминов, находящихся в отношении той же самой оппозиции модальностей в русскоязычном научном дискурсе. Эта стратегия соответствует системно-понятийному уровню модели и нацелена на сохранение целостности и внутренней логики научной аргументации.

3. Стратегия учета дискурсивной и прагматической обусловленности термина.

Окончательная верификация выбранного эквивалента требует анализа его коммуникативной адекватности в рамках жанра и задач конкретного научного текста. Переводчик должен оценить, продиктован ли выбор определенного варианта в оригинале стилистическим регистром, особенностями целевой аудитории или внутритекстовыми задачами (например, необходимостью избежать лексического повтора). Однако ключевым принципом является поиск функционально аналогичного, а не формально-буквального способа передачи этой прагматической маркированности.

В анализируемом переводе статьи, посвященной жестовой коммуникации (Gregory, Carroll, 1978), термин-константа оригинала *sign language* был передан с помощью пяти различных вариантов: «жестовый язык», «жестовые системы коммуникации», «жестовая коммуникация», «жестовое общение», «жесты». Переводчик, стремясь избежать повторов, применил неадекватную тактику лексического варьирования, что привело к нарушению основного прагматического императива научного текста – терминологической стабильности.

В данном контексте автор оригинала не стремился избежать повторов; напротив, единообразное использование *sign language* служило маркером научной строгости. Следовательно, функционально адекватным решением было бы последовательное использование основного узусального эквивалента «жестовый язык» на протяжении всего перевода. Задача облегчения восприятия могла быть решена иными, не терминологическими средствами (например, синтаксическим разнообразием).

Таким образом, данная стратегия предписывает не механическое копирование или изменение формы, а анализ прагматической функции термина в системе текста. Ее корректное применение позволяет сохранить дискурсивную целостность перевода, переводя вариативность из потенциального источника ошибок в осознанный инструмент достижения адекватности. В совокупности с предыдущими стратегиями она формирует последовательный

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

алгоритм работы, представляющий собой практическое воплощение трехуровневой диагностической модели и обеспечивающий осознанное управление терминологическим выбором.

В совокупности данные стратегии образуют последовательный алгоритм работы с термином, который представляет собой практическое воплощение трехуровневой диагностической модели. Их системное применение позволяет переводчику осознанно управлять терминологической вариативностью, превращая ее из источника потенциальных ошибок в инструмент обеспечения точности и адекватности научного перевода.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено решению актуальной проблемы терминологической адекватности в научном переводе на материале психологической литературы. В результате проведенной работы была достигнута основная цель: разработан и эмпирически апробирован диагностический подход к оценке перевода, принципиальной основой которого является не борьба с терминологической вариативностью, а ее системное распознавание и учет как ключевого диагностического признака.

Проведенное исследование позволило получить следующие основные результаты, определяющие его научный вклад:

1. Предложен подход, интегрирующий положения современного терминоведения (концепция К. Я. Авербуха (2006) о «классе вариантов», М. Т. Кабре (Cabré, 1999) о коммуникативной природе термина, таксономия причин вариативности Х. Фрейша (Freixa, 2006) в практическую модель анализа переводческих решений
2. Разработана трехуровневая диагностическая модель, которая операционализирует абстрактные категории вариативности (парадигмальная, прагматическая, дискурсивная) в виде последовательной аналитической процедуры (лексико-семантический → дефинитивный → системно-понятийный уровень). Эта модель позволяет не только констатировать ошибку, но и точно определять этап переводческого процесса, на котором произошел сбой, устанавливая причинно-следственную связь между типом вариативности и характером искажения.
3. На конкретном материале выявлены и систематизированы устойчивые закономерности, такие как парадигмальные подмены (например, *challenging behavior* → «нежелательное поведение»), системные нарушения логических связей (разрушение оппозиций) и этико-терминологические искажения (использование устаревшей номенклатуры).
4. Сформулированы практические стратегии, вытекающие непосредственно из диагностической модели: стратегия дефинитивной верификации, стратегия анализа системного контекста и стратегия учета дискурсивно-прагматических параметров. Эти стратегии образуют последовательный алгоритм действий, переводящий работу переводчика из плоскости интуитивного выбора в область методически обоснованного решения.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты – конкретная диагностическая методика и набор переводческих стратегий – могут быть непосредственно интегрированы в учебный процесс подготовки переводчиков научной литературы, а также использованы в практике редакторской экспертизы и составления специализированных глоссариев.

Таким образом, проведенная работа вносит вклад как в теорию перевода, конкретизируя механизмы возникновения когнитивно-прагматических искажений, так и в переводческую практику, предлагая ученому и переводчику строгий аналитический инструментарий для обеспечения понятийной точности и сохранения научной строгости при межъязыковой передаче знания.

Список источников / References

1. Авербух, К.Я. (2006). *Общая теория термина*. М.: Изд-во МГОУ.
Averbukh, K.Ya. (2006). *General Theory of the Term*. Moscow: MGOU. (In Russ.).
2. Балыгина, Е.А., Ермолова, Т.В. (2018). Проблема перевода английских психологических терминов на русский язык. *Современная зарубежная психология*, 7(1), 85–94. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070110>
Balygina, E.A., Ermolova, T.V. (2018). The Problem of Translating English Psychological Terms into Russian. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya*, 7(1), 85–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070110>
3. Бекбасарова, Д. (2024). Перевод терминов в психологическом дискурсе. *Молодой ученый*, 13(512), 263–267. URL: <https://moluch.ru/archive/512/> (дата обращения: 06.01.2026).
Bekbasarova, D. (2024). Translation of Terms in Psychological Discourse. *Young Scientist*, 13(512), 263–267. (In Russ.). URL: <https://moluch.ru/archive/512/> (viewed: 06.01.2026).
4. *Большой психологический словарь*. (2009). В: Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко (Ред.). 4-е изд., расш. М.: АСТ.
The Great Dictionary of Psychology. (2009). In: B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (Eds.). 4th ed., exp. Moscow: AST. (In Russ.).
5. Вюстер, Э. (1983). Общая теория терминологии: реферативный обзор. Вопросы терминологии. М.: Изд-во Института языкознания АН СССР, 11–26.
Wüster, E. (1983). General Theory of Terminology: An Abstract Review. *Problems of Terminology*. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., 11–26. (In Russ.).
6. Джеймс, У. (1991). *Психология*. Л.А. Петровская (Ред.). М.: Педагогика.
James, W. (1991). *Psychology*. L.A. Petrovskaya (Ed.). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
7. Леонтьев, А.Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл.
Leontiev, A.N. (2005). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
8. Михальченкова, И.В. (2025). Проблемы перевода англоязычных, италияязычных и русскоязычных психологических терминов. *Litera*, 3. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.3.73605>
Mikhalchenkova, I.V. (2025). Problems of Translating English, Italian, and Russian Psychological Terms. *Litera*, 3. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.3.73605>

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

9. МКБ-11. Международная классификация болезней (11-й пересмотр): статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. (2022). Всемирная организация здравоохранения. Женева: Всемирная организация здравоохранения; М.: Квант, 2024. URL: <https://icd.who.int> (дата обращения: 07.01.2026).
ICD-11. International Classification of Diseases, 11th Revision: Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems. (2022). Geneva: World Health Organization; Moscow: Kvant, 2024. (In Russ.) URL: <https://icd.who.int> (viewed: 07.01.2026).
10. Натарова, С.И., Никандрова, Т.С., Саломатина, А.В. и др. (2024). *Обучение жестовому языку детей с нарушением слуха: методическое пособие*. М.: ИКП.
Natarova, S.I., Nikandrova, T.S., Salomatina, A.V. et al. (2024). *Teaching Sign Language to Children with Hearing Impairment: A Methodological Guide*. Moscow: IKP. (In Russ.).
11. Прихожан, А.М. (2009). *Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст*. 2-е изд. СПб.: Питер.
Prikhozhan, A.M. (2009). *Psychology of Anxiety: Preschool and School Age*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
12. *Проблемы знаковых систем в междисциплинарном дискурсе: сборник статей по материалам всероссийской конференции (Москва, 22–23 ноября 2024 г.)*. (2024). М.: Наука.
Problems of Sign Systems in Interdisciplinary Discourse: Collection of Articles Based on Materials of the All-Russian Conference (Moscow, November 22–23, 2024). (2024). Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. *Расстройства аутистического спектра: клинические рекомендации*. (2024). Министерство здравоохранения РФ. М.: Минздрав РФ.
Autism Spectrum Disorders: Clinical Guidelines. (2024). Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow: Minzdrav RF. (In Russ.).
14. Реформатский, А.А. (1968). *Термин как член лексической системы языка*. В: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 103–125.
Reformatsky, A.A. (1968). *The Term as a Member of the Lexical System of Language*. In: *Problems of Structural Linguistics*. 1967. Moscow, 103–125. (In Russ.).
15. Сложеникина, Ю.В. (2010). *Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция*. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ.
Slozhenikina, Yu.V. (2010). *Terminological Variation: Semantics, Form, Function*. 2nd ed. Moscow: LKI. (In Russ.).
16. Спилбергер, Ч.Д. (2004). Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги. В: *Психология состояний: хрестоматия*. А.О. Прохорова (Ред.). М.: Академический проект, 151–166.
Spielberger, Ch.D. (2004). Conceptual and Methodological Problems of Anxiety Research. In: *Psychology of States: A Reader*. A.O. Prokhorova (Ed.). Moscow: Akademicheskii Proekt, 151–166. (In Russ.).
17. Степанов, С.Ю., Семенов, И.Н. (1985). Психология рефлексии: проблемы и исследования. *Вопросы психологии*, 3, 31–40.

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

- Stepanov, S.Yu., Semenov, I.N. (1985). Psychology of Reflection: Problems and Research. *Voprosy Psikhologii*, 3, 31–40. (In Russ.).
18. Шелов, С.Д. (2014). О вариативности и синонимии в терминологии. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 73(5), 3–17. <https://doi.org/10.7868/S1605788X14050012>
Shelov, S.D. (2014). On variability and synonymy in terminology. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Literatury i Yazyka*, 73(5), 3–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S1605788X14050012>
19. *Язык и жест: современные проблемы лингвокультурологии и полевых исследований: материалы международной научной конференции* (Москва, 15–17 октября 2025 г.). (2025). В: А.Б. Иванова (Ред.). М.: РГГУ.
Language and Gesture: Contemporary Problems of Linguistic Culturology and Field Research: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, October 15–17, 2025). (2025). In: A.B. Ivanova (Ed.). Moscow: RSUH. (In Russ.)
20. APA Dictionary of Psychology (2nd ed.). (2015). G.R. VandenBos (Ed.). Washington, DC: American Psychological Association.
21. Cabré, M.T. (1999). *Terminology: Theory, methods and applications*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins
22. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (5th ed., text rev.). (2022). Washington, DC: American Psychiatric Association Publishing. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425787>
23. Daille, B. (2017). *Term Variation in Specialised Corpora: Characterisation, automatic discovery and applications*. Amsterdam: John Benjamins
24. Danziger, K. (1997). *Naming the Mind: How Psychology Found Its Language*. London: SAGE Publications.
25. DiGennaro Reed, F.D., Hyman, S.R., Hirst, J.M. (2011). Applications of technology to teach social skills to children with autism. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 44(3), 671–674. <https://doi.org/10.1901/jaba.2011.44-671>
26. Edelson, S.M. (2022). Understanding Challenging Behaviors in Autism Spectrum Disorder: A Multi-Component, Interdisciplinary Model. *Journal of Personalized Medicine*, 12(7), 1127. <https://doi.org/10.3390/jpm12071127>
27. Freixa, J. (2006). Causes of denominative variation in terminology: A typology proposal. *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 12(1), 51–77. <https://doi.org/10.1075/term.12.1.04fre>
28. Gledhill, C., Pecman, M. (2018). On Alternating Pre-Modified and Post-Modified Nominals Such As Aspirin Synthesis Versus Synthesis of Aspirin: Rhetorical and Cognitive Packing in English Science Writing. *Fachsprache*, 40(1-2), 26–48. <https://doi.org/10.24989/fs.v40i1-2.1603>
29. Gregory, M., Carroll, S. (1978). *Language and Situation: Language Varieties and their Social Contexts*. London: Routledge.
30. Kerremans, K. (2017). Towards a resource of semantically and contextually structured term variants and their translations. In P. Drouin et al. (Eds.), *Multiple Perspectives on*

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Terminological Variation. Amsterdam: John Benjamins, 83–108. <https://doi.org/10.1075/tlrp.18.05ker>

31. León-Araúz, P., Cabezas-García, M., Reimerink, A. (2020). Representing Multiword Term Variation in a Terminological Knowledge Base: a Corpus-Based Study. B: *Proceedings of the 12th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2020)*. Marseille: European Language Resources Association (ELRA), 2337–2346. URL: <https://aclanthology.org/2020.lrec-1.287/> (viewed: 06.01.2026).
32. Pecman, M. (2014). Variation as a cognitive device: How scientists construct knowledge through term formation. *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 20(1), 1–24. <https://doi.org/10.1075/term.20.1.01pec>
33. Temmerman, R. (2000). *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
34. Thompson, R.H., Cotnoir-Bichelman, N.M., McKerchar, P.M., Tate, T.L., Dancho, K.A. (2007). Enhancing early communication through infant sign training. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 40(1), 15–23. <https://doi.org/10.1901/jaba.2007.23-06>
35. Woodward, S.R. (2018). *The role of psycholinguistic properties of language in supporting children's language learning*: Doctoral dissertation. Tallahassee: Florida State University

Информация об авторах

Елена Анатольевна Балыгина, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, baliginaea@mgppu.ru

Татьяна Викторовна Ермолова, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, профессор кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, ermolovatv@mgppu.ru

Оксана Александровна Круковская, кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, krukovskayaoa@mgppu.ru

Information about the authors

Elena A. Balygina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-1389>, baliginaea@mgppu.ru

Tatiana V. Ermolova, Candidate of Science (Psychology), Head of the Department of Foreign and Russian Philology, Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, ermolovatv@mgppu.ru

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В., Круковская О.А. (2026)
Терминологическая вариативность как источник
когнитивно-прагматических искажений в переводе
научных текстов по психологии
Язык и текст, 13(1), 18—42.

Balygina E.A., Ermolova T.V., Krukovskaya O.A.
(2026)
Terminological variation as a source of cognitive-
pragmatic distortions in the translation of scientific
texts in psychology
Language and Text, 13(1), 18—42.

Oksana A. Krukovskaya, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3394-1144>, krukovskayaoa@mgppu.ru

Вклад авторов

Балыгина Е.А. — идеи исследования; написание рукописи; планирование исследования.

Ермолова Т.В. — сбор и анализ данных; контроль за проведением исследования.

Круковская О.А. — аннотирование и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena A. Balygina — ideas; manuscript writing; planning of the research.

Tatiana V. Ermolova — data collection and analysis; control over the research.

Oksana A. Krukovskaya — manuscript annotation and formatting.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 12.01.2026

Поступила после рецензирования 28.02.2026

Принята к публикации 10.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.12

Revised 2026.02.28

Accepted 2026.03.10

Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Особенности употребления определенно-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста

Т.Н. Брысина^{1,2}✉

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

² Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Московской области «Серпуховский колледж», Серпухов, Российская Федерация

✉ tania.brygina@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Функционирование односоставных глагольных определенно-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста представляет особый интерес. **Цель.** Целью статьи является выявление взаимосвязи между художественным текстом и формой и семантикой входящих в него односоставных глагольных определенно-личных предложений. **Гипотеза.** Выбор односоставного глагольного определенно-личного предложения связан с конкретными задачами автора произведения. **Методы и материалы.** Речевой материал извлечен из текстов рассказов и повестей разных писателей методом сплошной нацеленной выборки. В процессе структурно-семантического анализа композиционно-речевых структур художественного текста изучена специфика употребления определенно-личных предложений. Определено, от чего зависит выбор грамматической формы главного члена односоставного определенно-личного предложения. При анализе фрагментов обращается внимание на то, какие внешние и внутренние связи существуют в предложении и в композиционно-речевых структурах художественного текста. **Результаты.** Выявлено, что автор использует разнообразные глагольные формы главного члена определенно-личных предложений. Их употребление подчинено авторскому намерению. **Выводы.** Показано, что изучение и систематизация знаний об определенно-личных предложениях, использованных в композиционно-речевых структурах художественного текста, дополняет информацию об односоставных предложениях. Используемые принципы разбора предложений могут быть применены при изучении художественного текста с целью выявления авторского замысла.

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brygina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

Ключевые слова: диалогическая речь, монологическая речь, определенно-личное предложение, текст, фрагмент

Для цитирования: Брысина, Т.Н. (2026). Особенности употребления определенно-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста. *Язык и текст*, 13(1), 43—54. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130103>

Features of the use of definitely-personal sentences in the compositional and speech structures of an art text

T.N. Brygina^{1,2}✉

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Serpukhov College, Serpukhov, Russian Federation

✉ tania.brygina@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The functioning of one-member compound verb definitely-personal sentences in the compositional-speech structures of an art text is of particular interest. **Objective.** The purpose of the article is to identify of the relationship between an art text and the form and semantics of its one-member compound verb definitely-personal sentences. **Hypothesis.** The choice of an one-member compound verb definitely-personal sentence is related to the specific tasks of the author of the text. **Methods and materials.** The speech material is extracted from the texts of short stories and novellas by various writers using a continuous targeted sampling method. In the process of structural and semantic analysis of the compositional and speech structures of an art text, the specifics of the use of definitely-personal sentences have been studied. It is determined why the choice of the grammatical form of the main member of an one-member compound definitely-personal sentences depends. When analyzing fragments, attention is drawn to what external and internal connections exist in the sentence and in the compositional and speech structures of the art text. **Results.** It is revealed that the author uses a variety of verb forms of the main member of definitely-personal sentences. Their use is subordinated to the author's intention. **Conclusions.** It is shown that the study and systematization of knowledge about definitely-personal sentences used in the compositional-speech structures of an art text complements information about one-member compound sentences. The principles of sentence analysis used can be applied when studying an art text in order to identify the author's intention.

Keywords: dialogical speech, monologue speech, definitely-personal sentence, text, fragment

For citation: Brygina, T.N. (2026). Features of the use of definitely-personal sentences in the compositional and speech structures of an art text. *Language and Text*, 13(1), 43—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130103>

Введение

В данной работе раскрывается потенциал односоставных определенно-личных предложений в составе связного текста. В текстах художественных произведений выделяют речь автора и речь персонажей, монологи и диалоги. Учитывая то, что текст художественного произведения является целиком продуктом творчества писателя, речь персонажей также можно считать речью автора. В монологах выделяют повествование, описание, рассуждение как функционально-смысловые типы речи (Валгина, 2000).

Художественный текст представляет собой систему языковых средств, характеризующуюся высокой степенью целостности и структурированности. Он уникален, неповторим и в то же время использует типизированные приемы построения. Это эстетический объект, который воспринимается во времени и имеет линейную протяженность. Художественный текст является адресованным сообщением: это форма коммуникации «автор – читатель».

Изучение текста как системы высшего ранга предполагает признание того, что текст – это единство, характеризующееся коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями. Одна из проблем, возникающих в связи с изучением текста как сложного единства, – выявление степени и форм взаимосвязи между коммуникативным (функционально-смысловым) типом текста, с одной стороны, а также формой и семантикой составляющих его предложений – с другой.

В.В. Виноградов отмечал, что «вопрос о формах и типах грамматического построения односоставных предложений нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности их структуры относительно с основными типами двусоставных предложений» (Виноградов, 1975, с. 7).

В настоящее время среди ученых существует много спорных вопросов по классификации односоставных предложений, по отнесению предложений к односоставным или двусоставным. В изданных за последние годы работах содержатся различные подходы к выделению типов односоставных предложений. Испытывают трудности и обучаемые при определении структуры и семантики односоставных предложений в составе текстов художественной литературы (Афолина, 2025).

Особенно много разногласий по поводу определенно-личных предложений. В русском языкознании выделяется несколько этапов развития односоставного предложения. Поэтому актуальность данной работы определяется следующим образом: на современном этапе продолжается научная работа по дальнейшему развитию теории текста и односоставных предложений.

Целью статьи является выявление степени и форм взаимосвязи между художественным текстом и формой и семантикой входящих в него односоставных глагольных определенно-личных предложений.

Теоретической базой исследования служат труды отечественных лингвистов для уровня предложения: В.В. Бабайцевой, Н.С. Валгиной, В.В. Виноградова, Е.М. Галкиной-Федорук, Ю.П. Долина, П.А. Леканта, Т.Е. Шаповаловой, А.А. Шахматова, Н.Ю. Шведовой и других ученых; для уровня текста: О.А. Амосовой, Л.Г. Бабенко, М.М. Бахтина, Н.С. Валгиной, В.В.

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brygina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

Виноградова, И.Р. Гальперина, М.Я. Дымарского, П.А. Леканта, О.А. Нечаевой, И.С. Папуши и др.

П.А. Лекант, опираясь на труды академика В.В. Виноградова и созданную под его редакцией Академическую грамматику, отметил следующие особенности в грамматической форме главного члена односоставных предложений. Главный член определенно-личного предложения может выражаться синтетически – спрягаемой формой полнозначного глагола – и аналитически – сочетанием спрягаемой формы фазисного или модального глагола с инфинитивом; сочетанием связочно-именного модального компонента с инфинитивом; сочетанием спрягаемой формы связки с именным компонентом (Лекант, 2009). Похожую позицию занимает Н.М. Пипченко.

Т.Е. Шаповалова, ссылаясь на работы П.А. Леканта, исследует спрягаемо-личный, спрягаемо-инфинитивный, связочно-именной подтипы односоставных определенно-личных предложений (Шаповалова, 2022).

Материалы и методы

В качестве речевого материала используются фрагменты из художественных текстов писателей XIX–XX вв., извлеченных методом сплошной нацеленной выборки. С помощью структурно-семантического анализа проведен разбор композиционно-речевых структур художественного текста, содержащих определенно-личные предложения.

Принципы анализа композиционно-речевых структур

В данной работе под композиционно-речевыми структурами понимаются фрагменты текста, которые характеризуются коммуникативными, количественными, качественными характеристиками и функциональной нагруженностью в тексте.

Композиционно-речевые структуры художественного текста включают:

- функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение);
- субъективно-речевые структуры (диалогическая речь, прямая речь, внутренняя речь, несобственно прямая речь, цитатная речь).

Для анализа из художественного текста выделены фрагменты, по объему и содержанию представляющие собой самостоятельный отрывок произведения. Эти фрагменты можно сопоставить с абзацем и со сложным синтаксическим целым, ссылаясь на взгляды И.С. Папуши (Папуша, 2025). По мнению ученого, элементы сложного синтаксического целого взаимосвязаны и выполняют определенные функции. Интерес к сложному синтаксическому целому, по мнению М.Я. Дымарского, заключается в том, что оно состоит из центрального высказывания, в котором заключен основной смысл, и подчиненных высказываний, содержащих дополнительные оттенки основного смысла. Сложное синтаксическое целое может быть представлено монологической речью, диалогическим единством или включать конструкции с прямой речью. Ведущим принципом структурной организации сложного синтаксического целого является тема-рематическое членение (Дымарский, 1999).

В процессе анализа фрагмента учитываются многочисленные внутритекстовые связи. Л.Г. Бабенко считает, что «текст рассматривается как сложный речевой акт, который

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brygina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

осуществляется с определенными намерениями и целями и в котором используется комплекс языковых средств и приемов воздействия на адресата» (Бабенко, 2004, с. 20).

По мнению исследователей, «глагольные односоставные предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные) неоднородны как по грамматическим (морфологическим) свойствам глагольного слова, так и по семантике. Семантическое различие между ними мотивировано их местом на оси определенность – неопределенность, которая создается в данном случае разной степенью отвлечения действия от производителя действия» (Юсуfoва, 2021, с. 31–32).

Построение текста автором и его восприятие читателем всегда опирается на общие знания участников общения. Предложение включено в контекст и в конситуацию речи, и его полный смысл может быть распознан лишь при обращении к этому контексту или конситуации. Ее формирование происходит с учетом практического опыта людей и знаний окружающего мира. Некоторые ученые предполагают даже «трансцендентальность» человеческого мышления, которое в терминологии Фрейда проявляется на бессознательном уровне. Так, в своих работах Г.И. Берестнев, исходя из «трансцендентальности» человеческого мышления, полагает, что человек живет в двух содержательных мирах. По мысли сторонников этого направления мистическое единство этих миров образует пространство символов – «Невыразимое», которое само говорит с человеком. «В символах человеческое сознание находит ту единственную возможную опору, которая позволяет ему интеллектуально освоить собственный глубинный содержательный потенциал» (Берестнев, 2008, с. 41).

Другие ученые стоят на иных позициях и названную нами контекстную ситуацию отождествляют со способностью человеческого сознания обладать некоторым познавательным потенциалом, который они называют индивидуальным когнитивным пространством (Гудков, 2025; Красных, 1997). «Каждый человек, каждая языковая личность обладает своим собственным индивидуальным когнитивным пространством в виде определенной совокупности знаний и представлений» (Красных, 1997, с. 131). Опираясь на взгляды ученых, можно говорить об индивидуальном познавательном потенциале. Под этим термином следует понимать способность человека формировать и накапливать объем знаний об окружающей действительности.

В соответствии с этим анализ предложений из фрагментов текста можно проводить в следующей последовательности: дать характеристику выбранному фрагменту текста; выделить во фрагменте текста односоставные определенно-личные предложения и представить их структурно-семантическую характеристику с учетом номинативного минимума и обязательных второстепенных членов; определить актуализированное значение предложения и оценить роль определенно-личного предложения в формировании основной мысли и типовых признаков текста.

Определенно-личные предложения в различных функционально-смысловых типах речи

По мнению К.А. Филиппова, «одной из особенностей текста как структурно-семантического единства признается способность оказывать влияние на языковые единицы, входящие в его состав. Под воздействием текста в составляющих его элементах реализуются

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Bryšina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

новые дополнительные значения. Эти (потенциальные) значения были присущи данному элементу как единице языковой системы и актуализировались под влиянием текста, т. е. перешли из скрытого, латентного состояния в открытое состояние. Возможно, эти новые значения появились впервые в результате взаимодействия данной единицы с контекстом» (Филиппов, 2003, с. 59).

Рассмотрим фрагмент.

«Управляющий сказал мне: "Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели". Я ему ответил: "Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать". И потом я слышал, как он сказал: "Уберите этого господина, он портит мне нервы".

Дня через два меня уволили» (А. Чехов, *Моя жизнь*).

Все глаголы в **повествовании** передают этапы действий. Можно выделить четыре смысловых фазы, соответствующие разворачиванию сюжета: завязку, представляющую первое предложение; развитие действия, которое показано во втором предложении; кульминация – в третьем предложении, развязка заключена в последней конструкции. Все компоненты анализируемого текста взаимосвязаны; при изменении структуры меняется смысл, стиль, характер изложения. В данном повествовательном отрывке выделены односоставные определенно-личные предложения, которые являются частью сложных предложений. В первом односоставном предложении *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке* главный член представлен глаголом в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения (показатель: окончание -у). Спрягаемая форма указывает на действие говорящего. Во втором предложении *Уберите этого господина* главный член имеет форму 2-го лица повелительного наклонения глагола и указывает на последующие действия слушающего. Волеизъявление категоричное, передающее значение приказа. Местоимения в родительном падеже указывают на объект, на который направлено действие. В отличие от двусоставных предложений односоставные предложения конкретизируют внимание на действиях говорящего, слушающего, придают тексту динамичность. Ср.: *Управляющий сказал мне: "Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели". – Управляющий сказал мне: "Я держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели".* Использование определенно-личных предложений придает тексту категоричность. Отсутствие в предложениях личных местоимений минимизирует текст, сообщает ему рациональность. Кроме того, данный фрагмент открывает повествование и тем самым привлекает внимание читателя к описываемым событиям.

В текстах-описаниях главное внимание уделяется качествам и свойствам предмета, а не действиям. Поэтому в них определенно-личные предложения встречаются значительно реже.

Рассмотрим фрагмент.

«Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под

мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! "Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него. – Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький, и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется". Подходишь ближе, глядишь – точно Иван Петрович! "Эхе-хе", – думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам» (Н. Гоголь, Мертвые души).

Данный фрагмент представляет собой описание героя. В нем можно выделить три смысловые фазы: завязку или название описываемого предмета, представляющую первое сложное предложение; перечисление признаков, которое показано со второго по пятое предложение; вывод, заключенный в последних предложениях. С помощью определенно-личных конструкций обозначен автор. По форме главного члена предложения разные. Первая конструкция **Прошу смотреть на него** входит в состав сложноподчиненного предложения. Спрягаемо-личная форма полнозначного глагола 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в роли главного члена приглашает читателя к действию. Далее идет указание на предмет речи. С помощью следующих определенно-личных предложений **просто бери кисть, да и рисуй** оформляется переход к признакам предмета речи. Здесь главные члены – полнозначные глаголы в форме 2-ого лица единственного числа повелительного наклонения. Последнее в этом тексте определенно-личное предложение **Но, однако ж, обратимся к действующим лицам** имеет главный член – спрягаемо-личную форму 1-ого лица множественного числа будущего времени изъявительного наклонения полнозначного глагола, который называет совместное действие адресата и говорящего. Предложение распространено дополнением. Некоторую степень эмоциональности передает вводная конструкция. Это определенно-личное предложение завершает описание предмета речи и в то же время является переходом к передаче дальнейших событий. Таким образом, во фрагменте предложения связаны в структурно-смысловое целое, в котором односоставные предложения определяют структуру описания.

Рассмотрим следующий фрагмент.

«Читатель друг! Не тот читатель, что мнит, будто без его клеймящих писем собаки поедят всех граждан и гражданок, нет – не тот. Другой – мой читатель, к тебе обращаюсь. Прости, что в лирическо-оптимистической повести о собаке я иногда напишу одну две сатирические картины. Не обвиняй в нарушении законов творчества, ибо у каждого писателя свои «законы». Не обвиняй, дорогой, и в смешении жанров, ибо сама жизнь – смешение: добро и зло, счастье и несчастье, смех и горе, правда и ложь живут рядом, и так близко друг к другу, что иногда трудно отличить одно от другого. Хуже мне было бы, если б вдруг ты заметил у меня полуправду. Она похожа на полупустую бочку. А ведь разницу между полупустой и полуполной бочкой доказывать нет смысла» (Г. Троепольский, Белый Бим Черное ухо).

Данный фрагмент выделен в отдельный абзац, так как по объему и содержанию представляет собой самостоятельный фрагмент произведения. Внутриабзачное членение позволяет выделить три смысловых фазы, соответствующих развертыванию сюжета от тезиса, доказательства к выводу. Способ изложения реализует такую коммуникативную установку

как объяснение. В данном тексте-**рассуждении** выделены определенно-личные предложения. Они разные по форме и структуре. В первом односоставном предложении **к тебе обращаюсь** спрягаемо-личная форма полнозначного глагола указывает на действие автора по отношению к читателю. Проявляется позиция автора. С помощью образа автора выражается стилистическое единство текста. Здесь не только субъект речи определяет речевое воплощение текста, но и сами по себе формы речи дают представление о рассказчике. Если заменить односоставное предложение двусоставным (ср. **к тебе обращаюсь – я к тебе обращаюсь**), то можно сделать следующий вывод. Текст с определенно-личными предложениями приобретает такие черты, как лаконичность и эмоциональность, что в свою очередь свойственно рассуждению. Некоторые наблюдения исследователей над предложением показывают, что «образование определенно-личных предложений объясняется историческими факторами, а их применение – задачами стилистическими, так как определенно-личные предложения в сравнении с двусоставными придают речи лаконизм, динамичность» (Разакова, 2021, с. 1355–1361). Второе спрягаемо-личное определенно-личное предложение **Прости** содержит значение просьбы и указывает на адресата. В предложениях **Не обвиняй в нарушении законов творчества** и **Не обвиняй, дорогой, и в смешении жанров** спрягаемо-личные формы 2-ого лица единственного числа повелительного наклонения полнозначных глаголов указывают на действие, к которому призывает автор. Три определенно-личных конструкции использованы в составе сложноподчиненных предложений, что обусловлено необходимостью выражения взаимосвязи явлений, логичностью и последовательностью изложения. Поэтому они, как правило, используются в качестве главной части в сложном предложении. Если же рассматривать выделенные предложения в составе текста, то можно заметить, что они влияют на содержание фрагмента. Повтор спрягаемо-личной формы со значением пожелания **Не обвиняй** придает тексту эмоциональность. Некоторые исследователи указывают на приращение смысла. Мы считаем, что приращение смысла не происходит, а происходит актуализация смысла. Степень актуализация зависит от индивидуального когнитивного пространства читателя. Учитывая линейную структуру текста, можно утверждать, в соответствии со взглядами М.Я. Дымарского, что энтропия, как мера неопределенности, для автора и адресата уменьшается по мере развертывания текста от начала текста к концу, только для автора это относится к выбору средств выражения, а для читателя к содержащейся в тексте информации. Автор реализует некий замысел, а читатель его познает. В данном случае описываются переживания автора.

Определенно-личные предложения в диалогической речи

П.А. Лекант отмечал, что «диалогическое единство – это структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи. Оно обеспечивается наличием одной темы, согласием / несогласием собеседников. По структуре диалогическое единство представляет собой последовательность взаимосвязанных реплик. Они объединяются не только накоплением информации по данной теме, но и мотивированностью форм, сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплику» (Лекант, 2009, с. 756).

Рассмотрим фрагмент текста.

«– Что вы умеете делать? – продолжал он. – Ничего вы не умеете! Я инженер-с, я обеспеченный человек-с, но, прежде чем мне дали дорогу, я долго тер лямку, я ходил

машинистом, два года работал в Бельгии как простой смазчик. Посудите сами, любезнейший, какую работу я могу вам предложить?

– Конечно, это так... – пробормотал я в сильном смущении, не вынося его ясных, невинных глаз.

– По крайней мере умеете ли вы управляться с аппаратом? – спросил он подумав.

– Да, я служил на телеграфе.

– Гм... **Ну, там посмотрим. Отправляйтесь пока в Дубечню.** Там у меня уже сидит один, но дрянь ужасная.

– А в чем будут заключаться мои обязанности? – спросил я.

– **Там увидим. Отправляйтесь пока, я распоряжусь. Только, пожалуйста, у меня не пьянствовать и не беспокоить меня никакими просьбами. Выгоню!** (А. Чехов, *Моя жизнь*).

Диалог построен по классическому вопросно-ответному образцу. В выделенных предложениях **Посудите сами; Отправляйтесь пока в Дубечню; Отправляйтесь пока** спрягаемо-личная форма полнозначного глагола 2-го лица множественного числа повелительного наклонения выражает отнесенность потенциального действия к собеседнику. Форма главного члена является средством выражения временной неопределенности. Спрягаемо-глагольные формы содержат призыв к определенным действиям со стороны слушающего. Повтор определенно-личного предложения создает эмоциональную напряженность текста. В определенно-личных предложениях **Ну, там посмотрим; Там увидим** спрягаемо-личная глагольная форма первого лица множественного числа будущего времени изъявительного наклонения указывает на совместное действие говорящего и собеседника. Лексические элементы **ну, там** и **там** усиливают экспрессивность речи говорящего. В спрягаемо-личном определенно-личном предложении **Выгоню** используется личная форма глагола первого лица единственного числа будущего времени изъявительного наклонения и названо действие самого говорящего. С помощью данной конструкции выражается категоричность. Кроме того, данное предложение завершает диалог. Таким образом, во фрагменте можно выделить три фазы: начало, основную часть и концовку.

Учитывая тема-рематическое членение при анализе вышеприведенных фрагментов, стоит отметить, что в пределах предложения отношения между темой и ремой представляют противопоставление определенности – неопределенности. Во фрагментах текста наблюдается движение от меньшей определенности к большей определенности. Выделение смысловых фаз связано с тема-рематическими отношениями между предложениями внутри каждого фрагмента текста.

Таким образом, в процессе анализа уделяется внимание структуре фрагмента, его содержанию, грамматическим особенностям предложения.

Заключение

В процессе анализа определенно-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста можно прийти к следующим выводам: определенно-личные предложения содержат различные грамматические формы главного члена; глагольные формы 1-го, 2-го лица единственного и множественного числа указывают на действия говорящего или собеседника; определенно-личные предложения связаны с композиционной

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brykina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

структурой фрагмента текста; их анализ показывает, что необходимо выявление характера взаимного влияния текста и предложения, а выбор грамматических форм полностью зависит от индивидуальных качеств автора и может служить показателем его художественного стиля.

В процессе анализа доказано, что использование определенно-личных предложений связано с целевыми установками автора. При анализе учитываются существующие связи предложения и композиционно-речевых структур художественного текста.

Список источников / References

1. Афонина, Ю.В. (2025). Теория односоставного предложения в отечественной лингвистике и в школьном изучении. *Русская филология и национальная культура*. 2(15), 32—47. URL: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st15-2025.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).
Afonina, Y.V. (2025). Theory of a one-part sentence in russian linguistics and in school study. *Russian philology and national culture*. 2(15), 32—47. (In Russ.). URL: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st15-2025.pdf> (viewed: 10.09.2025)
2. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. (2005). *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум* (3-е изд., испр.). М.: Флинта: Наука.
Babenko, L.G., Kazarin, Y.V. (2005). *Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice: textbook; practical course* (3rd ed., ispr.). Moscow: Flint: Nauka. (In Russ.).
3. Берестнев, Г.И. (2008). К философии слова (лингвокультурологический аспект). *Вопросы языкознания*. 1, 37—65. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2008-1/37-65> (дата обращения: 06.09.2025).
Berestnev, G.I. (2008). On the philosophy of the word (linguistic and cultural aspect). *Questions of linguistics*. 1, 37—65. (In Russ.). URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2008-1/37-65> (viewed: 06.09.2025).
4. Валгина, Н.С. (2000). *Теория текста*. М.: Агар.
Valgina, N.S. (2000). *Text theory*. Moscow: Agar. (In Russ.).
5. Виноградов, В.В. (1975). *Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. М.: Наука.
Vinogradov, V.V. (1975). *The main issues of sentence syntax (based on the material of the Russian language). Selected works: Studies on Russian grammar*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Гудков, Д.Б. (2025). *Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. Серия: Фундамент будущего: Юбилейная серия в честь 270-летия МГУ имени М.В. Ломоносова. Золотой фонд монографий. (2-е изд., стереотип.). М.: URSS.
Gudkov, D.B. (2025). *A precedent name and precedent problems*. Series: The Foundation of the Future: Jubilee series in honor of the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University. The golden fund of monographs. (3rd ed., stereotyped). Moscow: URSS. (In Russ.).
7. Дымарский, М.Я. (1999). *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.)*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
Dymarsky, M.Ya. (1999). *Problems of text formation and artistic text (based on the material of Russian prose of the XIX-XX centuries)*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brygina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

8. Красных, В.В. (1997). Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере). *Язык, сознание, коммуникация*. Сб. статей. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 1. (с. 128—144). М.: Филология.
Krasnykh, V.V. (1997). Cognitive base vs cultural space in the aspect of studying a linguistic personality (on the Russian concept sphere). *Language, consciousness, communication*. Collection of articles. Ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Issue 1. (pp. 128—144). Moscow: Philology. (In Russ.).
9. Лекант, П.А., Касаткин, Л.Л., Клобуков, Е.В. и др. (2009). *Современный русский литературный язык: новое издание: учебник*. (Лекант, П.А., общ. ред.). М.: Высшая школа.
Lekant, P.A., Kasatkin, L.L., Klobukov, E.V. et al. (2009). *Modern Russian literary language: new edition: textbook*. (Lekant, P.A., general ed.). Moscow: Higher School. (In Russ.).
10. Папуша, И.С., Халикова, Н.В. (2025). Инвариантные матрицы внешней формы сложного синтаксического целого. *Отечественная филология*. 5, 38—47.
<https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-38-47>
Papusha, I.S., Khalikova, N.V. (2025). Invariant matrices of the external form of a complex syntactic whole. *Russian Philology*. 5, 38—47. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-38-47>
11. Разакова, Н. (2021). Употребление односоставных предложений в речи. *Scientific Journal Impact Factor (SJIF)*. 2(4), 1355—1361. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-odnosostavnyh-predlozheniy-v-rechi> (дата обращения: 15.09.2025).
Razakova, N. (2021). The use of single-part sentences in speech. *Scientific Journal Impact Factor (SJIF)*. 2(4), 1355—1361. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-odnosostavnyh-predlozheniy-v-rechi> (viewed: 15.09.2025).
12. Троепольский, Г.Н. (2001). Белый Бим Черное ухо. URL: <http://lib.ru/PROZA/TROEPOLSKIJ/bim.txt> (дата обращения: 08.08.2025).
Troepolsky, G.N. (2001). White Beam Black ear. (In Russ.). URL: <http://lib.ru/PROZA/TROEPOLSKIJ/bim.txt> (viewed: 08.08.2025).
13. Филиппов, К.А. (2003). *Лингвистика текста: Курс лекций*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
Filippov, K.A. (2003). *Linguistics of the text: A course of lectures*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
14. Чехов, А.П. (1987). Повести. Пьесы. М.: Правда.
Chekhov, A.P. (1987). Stories. Plays. Moscow: The truth. (In Russ.).
15. Шаповалова, Т.Е. (2022). Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 3, 68—76.
<https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-68-76>
Shapovalova, T.E. (2022). Mononuclear Verbal Sentences in a Cycle of Vasily Peskov's Essays "The Land Behind the Ocean". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 3, 68—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-68-76>

Брысина Т.Н. (2026)
Особенности употребления определенно-личных
предложений в композиционно-речевых структурах
художественного текста
Язык и текст, 13(1), 43—54.

Brykina T.N. (2026)
Features of the use of definitely-personal sentences
in the compositional and speech structures of an art
text
Language and Text, 13(1), 43—54.

16. Юсуfoва, Л.О. (2021). Место односоставных предложений в системе типов простого предложения. *Вестник социально-педагогического института*. 1(37), 30—34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-odnosostavnyh-predlozheniy-v-sisteme-tipov-prostogo-predlozheniya> (дата обращения: 10.10.2025).
Yusufova, L.O. (2021). The place of single-part sentences in the type system of a simple sentence. *Bulletin of the Socio-pedagogical Institute*. 1 (37), 30—34. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-odnosostavnyh-predlozheniy-v-sisteme-tipov-prostogo-predlozheniya> (viewed: 10.10.2025).

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Брысина, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация; преподаватель, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Московской области «Серпуховский колледж», Серпухов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1103-1341>, e-mail: tania.brykina@mail.ru

Information about the author

Tatiana N. Brykina, Candidate of Science (Philology) degree seeking applicant, Department of Modern Russian Language named after Prof. P.A. Lekant, State University of Education, Moscow, Russian Federation; Lecturer, Serpukhov College, Serpukhov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1103-1341>, e-mail: tania.brykina@mail.ru

Поступила в редакцию 02.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.02
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

**Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто Моравиа**

Р.А. Геласимов✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование выполнено в русле интертекстуальности и лингвопрагматики. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения интертекстуальности не только как формальной связи между текстами, но и как инструмента прагматического воздействия на читателя. **Цель.** Выявить и системно описать прагматические искажения, возникающие при передаче интертекстуальных элементов романа «Презрение» в русском переводе. **Гипотеза.** Интертекстуальные включения в романе «Презрение» выполняют не просто декоративную или смыслообразующую, но прагматическую функцию: они служат средством имплицитной характеристики персонажей, маркируют их мировоззренческие позиции и создают у читателя определенные ожидания относительно развития сюжета. **Методы и материалы.** Методы включают лингвопрагматический анализ интертекстуального пласта романа и сопоставительный анализ переводческих трансформаций. Материал – оригинал романа и его перевод Г. Богемского и Р. Хлодовского. **Результаты.** Выявлен основной корпус интертекстуальных отсылок к «Одиссее» в романе, классифицированных по типу референции, установлены доминирующие прагматические функции этих отсылок в тексте романа. **Выводы.** Интертекстуальность в романе «Презрение» представляет собой сложный прагматический механизм, не сводимый к простому цитированию; ее основная функция — создание многомерного диалога с читателем на уровне подтекста.

Ключевые слова: интертекстуальность, импликатура, лингвопрагматика, сопоставительный анализ

Для цитирования: Геласимов, Р.А. (2026). Интертекстуальность и ее прагматические искажения при переводе на материале романа «Презрение» Альберто Моравиа. *Язык и текст*, 13(1), 55–65. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130104>

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

Intertextuality and its pragmatic distortions in translation based on the novel “Contempt” by Alberto Moravia

R.A. Gelasimov✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Abstract

Context and relevance. The research is carried out in line with intertextuality and linguistic pragmatics. The relevance of the work is determined by the need to study intertextuality not only as a formal connection between texts, but also as a tool for pragmatic influence on the reader. **Goal.** To identify and systematically describe the pragmatic distortions that arise when transmitting the intertextual elements of the novel "Contempt" in Russian translation. **Hypothesis.** The intertextual inclusions in the novel "Contempt" perform not just a decorative or semantic, but a pragmatic function: they serve as a means of implicitly characterizing the characters, marking their ideological positions and creating certain expectations for the reader regarding the development of the plot. **Methods and materials.** The methods include linguistic and pragmatic analysis of the intertextual layer of the novel and comparative analysis of translation transformations. The material is the original novel and its translation by G. Bohemsky and R. Khlodovsky. **Results.** The main body of intertextual references to the Odyssey in the novel, classified by type of reference, is revealed, and the dominant pragmatic functions of these references in the novel's text are established. **Conclusions.** Intertextuality in the novel "Contempt" is a complex pragmatic mechanism that cannot be reduced to simple citation; its main function is to create a multidimensional dialogue with the reader at the level of subtext.

Keywords: intertextuality, implicature, linguistic pragmatics, comparative analysis

For citation: Gelasimov, R.A. (2026). Intertextuality and its pragmatic distortions in translation based on the novel “Contempt” by Alberto Moravia. *Language and Text*, 13(1), 55—65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130104>

Введение

Интертекстуальность, начиная с работ Михаила Михайловича Бахтина и Юлии Кристевой, твердо сохраняет статус одной из основных проблем современной лингвистики, часто выступая в роли объекта исследования многих ученых. С учетом последних десятилетий, когда заметно участилось обращение к функционально-прагматическому подходу и антропоцентризму, исследовательский интерес к интертекстуальности только вырос. Не менее важно также отметить, что интертекстуальность не является исключительно механизмом установления отношений между текстами. Для данной работы особое значение имеет тот факт, что у интертекстуальности большой лингвопрагматический потенциал. Автор, используя в собственном тексте какие-то части чужого текста, будь то сюжеты, мотивы или персонажи, не только вызывает к культурному фону своего читателя, но и осуществляет выбранную им заранее

коммуникативную стратегию. Использование интертекста в произведении может преследовать целую плеяду целей: дополнительная аргументация позиции автора или персонажа, создание имплицитных смыслов, выстраивание диалога культур или же времен. При таком рассмотрении интертекстуальности актуализируется проблема перевода подобного рода вкраплений. Интертекст требует от переводчика не только простой констатации источника, но и грамотной реконструкции его прагматической функции в иной лингвокультурной среде. В противном случае читатель может совершенно иначе прочесть авторский замысел. Исходя из вышесказанного, можно сделать небольшой вывод: изучение прагматических аспектов передачи интертекстуальности является важной задачей современного переводоведения.

Так как в качестве объекта исследования данной работы выступает роман «Презрение», необходимо ввести читателя в контекст и рассказать, как именно функционирует интертекстуальность в произведении Альберто Моравиа. Роман повествует о рушащемся браке между интеллигентом Риккардо и его женой Эмилией. Содержимое романа можно анализировать с множества разных сторон и пользоваться широким спектром инструментов. Такая ситуация возникла по причине того, что «Презрение» является многослойным произведением. Альберто Моравиа на страницах своего романа выводит дух послевоенной Италии, что порождает большое количество сюжетов и настроений. Также в романе явно прослеживается мотив цивилизованности. Под цивилизованностью автор подразумевает высшую степень гуманизма, благовоспитанности и пацифизма. Моравиа противопоставляет своего протагониста Риккардо, который является цивилизованным, нецивилизованной Эмилией, которая происходит из бедной семьи. В романе большое количество внимания уделено мотиву смены первичного искусства. Риккардо мечтает работать театральным драматургом, однако он вынужден искать материальную выгоду в мире кинематографа, в котором крутятся гораздо большие деньги по сравнению с театром. Мотив денег имеет одно из ключевых значений в романе. Деньги для протагониста выступают средством для поддержания хороших отношений с женой. Сам он деньгами совсем не интересуется. Альберто Моравиа выворачивает этот мотив крайне интересным образом. Эмилия ближе к концу романа будет участвовать в адультере с богатым кинопродюсером. Риккардо, как, возможно, и некоторый читатель, считает, что жену всегда интересовали только материальные ценности. Но при внимательном чтении и анализе можно понять, что Эмилия поступает таким образом вовсе не по этой причине. Риккардо с большим трудом принимает тот факт, что кино в глазах массового потребителя становится важнее театра. Также этот мотив можно прочесть иначе. Риккардо так сильно страдает, работая сценаристом, потому что на смену немого кино пришло кино со звуком, насыщенное множеством реплик, что тоже является сменой формы первичного искусства. Самым важным мотивом для данной работы является интертекст.

Материалы и методы

Присутствие интертекстуальности в романе «Презрение» бесспорно. Риккардо, как мы уже сказали ранее, работает сценаристом в мире кинематографа. С ним взаимодействует Баттиста, который является продюсером. Баттиста знакомит его с Рейнгольдом – режиссером, еще одним важным персонажем романа. Фриц Ланг, великий немецкий режиссер, пионер немого кинематографа, послужил прообразом для Рейнгольда. Он же снялся в роли самого себя в

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

экранизации романа «Презрение» Жана-Люка Годара. Частично именно благодаря Рейнгольду будет функционировать и развиваться интертекстуальный пласт романа. Баттиста знакомит сценариста и режиссера между собой и сразу же ставит перед ними задачу – осуществить экранизацию «Одиссеи», бессмертной поэмы Гомера. Риккардо, как и любой человек высоких взглядов и культуры, относится к «Одиссее» с пиететом. На первой же рабочей встрече Риккардо узнает, как режиссер и продюсер относятся к поэме Гомера, и обе эти точки зрения он презирает. Мы неслучайно употребили именно это слово, так как мотив презрения в романе связан далеко не только с супружескими отношениями. Баттиста считает, что экранизация в первую очередь должна отвечать денежному вопросу, то есть быть прибыльной для него, продюсера кинокартины. Он хочет сделать эксплуатационное кино, что, естественно, не устраивает Риккардо, который относится к поэтике «Одиссеи» с большим уважением. Рейнгольд, будучи представителем немецкого экспрессионизма, желает видеть экранизацию с точки зрения популярной в то время психологии. Имя Зигмунда Фрейда всплывает несколько раз, что в книге, что в фильме. Такая позиция тоже совсем не нравится Риккардо, так как с его точки зрения рассматривание с помощью лупы и психоанализа души Одиссея является чуть ли не большим глумлением, нежели «прелестные голые девушки плещутся в воде» Баттисты. Получается, что протагонист зажат между Сциллой и Харибдой. Такое сравнение позволительно, потому что Риккардо, по мнению режиссера, высказанному позднее, является Одиссеем. Именно тут в свои полные лингвопрагматические права вступает интертекст.

Результаты

В данном случае интертекстуальность имеет смыслообразующую функцию. Как только речь заходит про экранизацию «Одиссеи», а это происходит в восьмой главе, внимательному читателю становится понятна конечная цель протагониста – добраться до Итаки, которая, естественно, символизирует дом, и вернуть любовь Пенелопы, или же для романа «Презрение», Эмилии. Из этого вытекает один вывод: в тот момент, когда в диалог между читателем и текстом вступает еще один текст, читатель понимает, что любовь между Риккардо и Эмилией невозможна. Во всяком случае пока протагонист ее каким-то образом не вернет. Также следует отметить еще одно рождение смысла от взаимодействия с интертекстом. Рейнгольд, в ходе дальнейших дискуссий, уточнит свое прочтение «Одиссеи». Он поведает Риккардо, что Пенелопа презирала Одиссея и испытывала она это чувство еще до отправки мужа на войну. Рейнгольд поясняет мотив и говорит, что всему виной отношение Одиссея к ухаживаниям за Пенелопой других мужчин. Он не пресек ухаживания, и именно из-за этого жена презирает его. Эта мысль режиссера напрямую перекликается с ситуацией Риккардо, который точно так же не придавал особого значения действиям продюсера. Более того, в одной из последних бесед с Рейнгольдом этот мотив развивается. Режиссер считает, что вернуть любовь Пенелопы просто фактом возвращения не получится. Необходимо, хотя бы и на время, но отказаться от своей цивилизованности и расправиться с женихами. Что Одиссей и делает, тем самым возвращая утерянное чувство. Данный мотив порождает большое количество смыслов как для Риккардо, так и для читателя. Сможет ли он отказаться от своей цивилизованности?

Помимо смыслообразующей также присутствует и структурообразующая функция. Нарратив романа выстраивается вокруг обсуждения «Одиссеи» таким образом, что все

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

ключевые моменты повествования выстроены вокруг поэмы Гомера. Альберто Моравиа приводит один разговор, в котором участвуют сценарист, режиссер и продюсер, и три полноценных диалога между сценаристом и режиссером, каждый из которых символизирует большой шаг для читателя и протагониста. Данный мотив прекрасно считал Жан-Люк Годар в своей экранизации и сделал перебивки античными статуями богов, которые с легким презрением смотрят на predetermined судьбы смертных.

Как мы уже говорили ранее, с точки зрения структурообразующей функции интертекстуальности, роман «Презрение» делится на 4 фрагмента, которые связаны с экранизацией «Одиссеи». Для данной работы в качестве примера выбран второй такой фрагмент – это диалог Рейнгольда и Риккардо о постановке кинофильма. Это их первый разговор тет-а-тет, что несомненно важно, так как фигура продюсера довлеет над ними обоими. В качестве подтверждения явного изменения полемики дискурса можно привести такой пример: «В студии хозяин я, и никто другой... иначе я отказываюсь ставить фильм... Все очень просто, не правда ли?». Это фактически первые слова Рейнгольда, которые дают старт и настроение дальнейшему диалогу. Без влияния продюсера они могут откровенно рассуждать о своем творчестве. Для начала дадим контекст диалога, чтобы корректно подвести к психологическому состоянию, в котором пребывает Риккардо. Прямо перед этим он пережил тяжелую перепалку с женой Эмилией, в ходе которой та сообщила ему, что она остается с ним только по причине того, что мама не может принять ее обратно. Диалог между сценаристом и режиссером происходит в автомобиле. В другом автомобиле едут Баттиста и Эмилия. Также следует отметить то, как концептуально повторяется сцена из начала романа, в которой Риккардо, возможно, сам того не понимая, подталкивает свою жену к Баттисте. Либо же, (возможно, именно это вызвало презрение жены), не выступает против притязаний продюсера на свою жену.

Первое, что следует отметить, это очевидные признаки коммуникативной неудачи, которая ждет участников диалога по его завершении. Точнее будет сказать, что именно коммуникативная неудача и послужила окончанию этого разговора. Если разбирать конкретнее, то следует отметить, что почти на протяжении всего диалога нарушаются максимы Грайса. Более прочих нарушается максима количества информации. Рейнгольд всегда излагает больше информации, чем требуется, а Риккардо, в свою очередь, всегда излагает меньше информации, чем требуется. Связано это с тем, что Рейнгольд находится в «атакующей позиции», если так можно выразиться. Риккардо же весь разговор «обороняется». Рейнгольд всеми силами пытается навязать сопротивляющемуся Риккардо свое видение их будущей кинопостановки. Помимо этого, Рейнгольд нарушает максиму ясности: он говорит витиевато и порой нарушает, как будто бы намеренно, последовательность изложения своих мыслей. Не менее важно будет сказать, что, подобно предыдущему диалогу, в силу разных взглядов на интертекстуальность и в силу разных лингвистических задач этот диалог получается скорее двумя монологами, которые благодаря определенным обстоятельствам проходят рядом, но не сливаются в единый диалог: «А мне она все же нравится, возразил я. Рейнгольд, не обратив внимания на мои слова, продолжал». Но не только Рейнгольд не следит за нитью разговора. Риккардо, особенно в первой части диалога, едва ли слушает режиссера. Почти все его внимание обращено на дорогу, где он пытается разглядеть автомобиль Баттисты, в котором находится его жена.

Следующее, что непременно стоит обсудить, – это то, каким именно образом Рейнгольд ссылается на их предыдущую встречу: «Как я уже говорил вам в тот раз у Баттисты». Данная фраза может использоваться как аргумент в нашу пользу в разговоре о психологичности предстоящей картины и о том, что Рейнгольд не собирался просто «дать психологический анализ взаимоотношений», а собирался именно полностью посвятить фильм этому и только этому. Далее Моравиа устами Рейнгольда снова пророчествует: «В мифе об Одиссее заключена подлинная история человека определенного типа». Режиссер уже во второй раз специально выделяет, что Риккардо, а с ним и читатель, должен понять, что параллель между Риккардо и Одиссеем неизбежна. В зависимости от перспективы смотрящего их судьбы схожи по-разному. Для нашего протагониста интертекст переходит в категорию имманентности.

Рейнгольд продолжает свой интертекстуальный нарратив: «Но сделать это следует живо, по-своему, не испытывая благоговейного трепета перед шедеврами греческой литературы, созданными на основе этих мифов». Следует отметить, что несмотря на то, что режиссер использует слово «шедевры», он относится к ним с явным пренебрежением, можно даже сказать – с презрением, что подтверждают его дальнейшие слова: «О’Нил позволил Эсхилу запугать себя». Таким образом Рейнгольд пытается манипулировать сознанием Риккардо, он хочет внедрить ему идею о том, что Одиссею следует рассматривать только сквозь призму психоанализа и никак иначе. Пренебрежительная рецензия Одиссеи со стороны Рейнгольда продолжается: «Вскрыть ее, как на анатомическом столе, проникнуть в ее внутренний смысл, разобрать на составные части, а потом вновь собрать в соответствии с требованиями современности». Рейнгольд продолжает транслировать эту крайне неприятную мысль для Риккардо: Пенелопа не любит Одиссея. Напрямую экстраполируя отношения Пенелопы и Одиссея на собственный брак, Риккардо изо всех сил старается защищаться и предлагает свою версию: «Одиссей тоскует по дому, семье, родине, но на пути его встают бесчисленные препятствия, которые мешают его скорому возвращению на родину, домой, к семье». Рискнем предположить, что такое прочтение великой поэмы и для самого Риккардо является тривиальным, но в данный момент он борется отнюдь не с тем, чтобы текст Гомера был прочитан в классическом ключе. Он борется со своим страхом и с невозможностью признать действительность, которая все более и более нависает над ним. Режиссер совсем не желает слушать слова сценариста и нарушает принципы вежливости Лича, пренебрегая максимой такта и максимой симпатии: «А вы, Мольтени, вы же интеллигент... вы умный человек и должны поработать головой... Попробуйте немножко поразмыслить».

В качестве еще одного примера, который однозначно ведет к коммуникативной неудаче, можно рассмотреть данный отрывок: «Но можно ли верить ему, Мольтени? Если не верить Гомеру, сказал я шутливо, то уж прямо не знаю, кому же тогда верить». Здесь обоими участниками диалога нарушается максима ясности. Рейнгольд абсолютно серьезно ставит под сомнение искренность намерения Одиссея вернуться домой к Пенелопе. Риккардо же переводит все это в шутку. Уже ближе к концу диалога режиссер в очередной раз пытается подчеркнуть свое отношение к интертекстуальности и этим же снова укалывает Риккардо: «История Одиссея – это история его отношений с женой». Если воспринять за истину, что нарративная задача, которая стоит перед Рейнгольдом как перед персонажем, это как-то предупредить или же образумить Риккардо, то здесь напрашивается вывод, что Риккардо сам не хочет «вновь обрести» Эмилию: «... совсем не хотел возвращаться домой, не стремился

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

вновь обрести Пенелопу». Риккардо пытается привести контраргумент, но даже тут режиссер его снова перебивает и пускается в дальнейшие рассуждения, тем самым снова нарушая ряд максим и постулатов Грайса. Их диалог заканчивается, пусть и временно, когда Риккардо впервые отвечает режиссеру чуть более агрессивно, чем до этого: «Но тогда ни к чему ехать на Капри, раз речь идет просто о будuarной драме». Только услышав эти слова, Рейнгольд тушует. Далее следует внутренний монолог Риккардо: «Гомер хотел изобразить именно такое вот море, такое же небо и такое же побережье, и герои его сами походили на эту природу, наделившую их классической простотой, удивительным чувством меры. Вот и все. И ничего более!». Смысл этих слов понятен: Риккардо после всего услышанного от Рейнгольда и особенно после тяжелых сцен с женой особенно хочет думать об Одиссее как о месте, где море, небо и побережье значат именно то, что значат и в реальности. Где жена не только остается верна своему мужу, но еще и любит его. В качестве небольшого вывода можно сказать, что любая интерпретация мифа – это автопортрет интерпретатора.

Обсуждение результатов

С учетом того, что интертекстуальный и лингвопрагматический пласты были детально разобраны выше, необходимо рассмотреть, как именно осуществлялась их реконструкция в русском языке:

«Lei è capace di guidare e al tempo stesso di ascoltare?»

«Вы сможете вести машину и одновременно следить за ходом моих мыслей?»

Следует отметить, что глагол *ascoltare* имеет три значения: 1) слушать 2) слушаться 3) слушать (мед.) (Зорько, 2011). Русская версия данного предложения видится нам слишком длинной и нарушает лингвопрагматические интенции Рейнгольда. Далее, в точности, как и до этого, можно заметить, что Рейнгольд, пока он не говорит об искусстве, использует минимальное количество лексических средств для выражения своих мыслей. В переводе же это нарушается посредством добавления ему лишней краски, будто бы он предпочитает выражаться витиевато, что тем самым немного смещает акцент лингвопрагматических стратегий режиссера. Перейдем к следующему примеру:

«Si direbbe di no»

«Пожалуй, вам следовало ответить: «Разумеется, нет»

Наши герои только что чуть не попали в аварию, так как Риккардо с большим трудом справился с управлением машиной в тот момент, когда прямо перед ним выскочили волны. Отвечая на предыдущий вопрос Рейнгольда (который мы приводили выше), Риккардо использует грамматическую конструкцию *si passivante*. В русском переводе Риккардо говорит: «Разумеется». После инцидента Рейнгольд тут же находит самый острый ответ и как бы принимает игру Риккардо, но делает ее издевательски-поучительной. В переводе ответ Рейнгольда стал более длинным, соответственно, менее лаконичным, но при этом сохранилась прагматическая интенция режиссера – уколоть оппонента, используя его предыдущий ответ.

«Vede, Molteni... io ho accettato di andare a Capri... effettivamente gireremo gli esterni del film nel golfo di Napoli... ma non sarà che lo sfondo...»

«Видите ли, Мольтени... я согласился поехать на Капри... потому что мы действительно собираемся вести натурные съемки на берегу Неаполитанского залива... Но это будет лишь фон...»

Что хочется выделить больше другого в этом фрагменте, так это появление союза «потому что». Этот союз меняет рецепцию предложения. Исходя из того, что написано на русском, можно сделать вывод, что это и было фактической причиной поездки на Капри, только лишь потом Рейнгольд поправляется и говорит «но». Вариант этого же самого предложения без союза «потому что» выглядит более предпочтительным.

Dissi a caso: «Tutti i miti greci adombrano drammi umani senza tempo né luogo, eterni»

Я сказал первое, что пришло в голову: «В основе каждого из греческих мифов лежит человеческая трагедия, потому-то они не подвержены действию времени. Они бессмертны»

Здесь необходимо отметить, что в оригинальном предложении Риккардо просто высказывает свою мысль, что крайне соответствует его «слабой» позиции в этом споре. Он не хочет спорить. В русском варианте перевода появляется наречие «потому-то», которое снова меняет восприятие предложения и придает фразе Риккардо оттенки, которых не было в оригинальном тексте. Теперь он как будто поучает режиссера и приглашает его к дебатам, что, как мы уже сказали, не соответствует настроению оригинального произведения.

«... egli non doveva rispettare troppo l'argomento...»

«... ему не следовало так держаться темы...»

Рассматривая данный пример, следует сказать, что в переводе несколько меняется отношение режиссера к древнегреческой поэме в частности и к мифам в целом. В русском варианте перевода режиссер, можно сказать, сожалеет о том, что О'Нил интерпретировал миф именно таким образом. В оригинале Рейнгольд гораздо более острый и агрессивный. Его позиция поражает своей прямоотой: «... он не должен был уважать это настолько». Также хотелось бы дополнить, что «натурально», которое мы привели в качестве примера, можно было бы поставить в разные места этого предложения, что немного меняет степень отношения Рейнгольда: «... он не настолько должен был уважать это», «... он не должен был настолько уважать это».

«... in questo modo il film dell'Odissea corre davvero il pericolo di non essere che un film kolossal, di avventure...»

«При таком подходе фильм, сделанный по «Одиссее», действительно рискует оказаться лишь обычным фильмом «колоссаль», приключенческим кинобоевиком...»

В данном примере речь пойдет про «un film kolossal». В русском варианте перевода дан тот же самый вариант «фильм «колоссаль». Дело в том, что этот термин использовался преимущественно в Италии, несмотря на свое франко-немецкое происхождение. Это определение указывало на то, что при производстве фильма были потрачены крупные суммы, было задействовано большое количество актеров и в фильме преобладали массовые сцены. Стоит отметить, что ни в Советском Союзе, ни в современной России термин этот не употреблялся. В качестве его замены мог быть использован термин «пеплум». Подобной кинокартине свойственна масштабность, батальные сцены и использование античных или библейских сюжетов, что как раз соотносится с нашей ситуацией. Также необходимо сказать, что Рейнгольд уже использовал этот термин в начале этого разговора и там в переводе

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

использовалось слово «кинобоевик». В качестве предложения можно выдвинуть идею – убрать из русского текста перевода термин «колоссаль» и заменить его в обоих случаях использованным единожды «кинобоевиком». В этом случае перед читателем не ставилась бы задача разобраться в новом термине. Однако при этом частично потерялся бы смысл высказывания Рейнгольда. Поэтому следующим, и скорее более правильным, предложением является использование термина «пеплум», который будет знаком многим кинолюбителям.

«... ma Battista è il produttore ed è giusto che pensi in questo modo...»

«Но Баттиста продюсер, и вполне понятно, что он мыслит таким образом...»

В русском переводе, с точки зрения лингвопрагматики, можно прочитать это предложение так, будто Рейнгольд подспудно обвиняет Баттисту в скудоумии. В оригинале же этот скрытый смысл отсутствует. Режиссер просто констатирует факт, что работа Баттисты заключается в другом. На первый взгляд это малозначимое отличие имеет большое значение, так как именно благодаря таким деталям читатель формирует свое мнение о персонаже и об излагаемых им мыслях.

«... deve adoperare la sua testa... cerchi di adoperarla» - Рейнгольд. «La sto adoperando» - Риккардо. «No, non la sta adoperando...» - Рейнгольд.

«... должны поработать головой... Попробуйте немножко поразмыслить» - Рейнгольд. «Именно этим я весь день и занимаюсь» - Риккардо. «Нет, вы не хотите поразмыслить» - Рейнгольд.

В тексте оригинала оба участника диалога используют одну и ту же лексическую единицу *adoperare* и даже в некоторых случаях повторяют грамматические конструкции друг за другом. В переводе Риккардо и Рейнгольд используют разные слова и выражают свои мысли, не основываясь на ответах оппонента, что делает русский вариант перевода менее острым и стремительным, снижая внутреннее напряжение героев.

Заключение

В качестве вывода следует сказать, что выбранный нами фрагмент является прекрасной иллюстрацией для демонстрации того, как интертекстуальная и лингвопрагматическая проблематики пересекаются в поле перевода и в какой степени они влияют на рецепцию читателя. Через этот диалог можно отчетливо увидеть, каким образом Моравиа, используя Одиссею, выстраивает характерологию персонажей. Рейнгольд видит экранизацию поэмы как «будуарную драму», Риккардо силится защитить «реальный мир» Гомера. На протяжении почти всего диалога режиссер и сценарист испытывают на себе последствия коммуникативной неудачи, обусловленной систематическим нарушением принципов кооперации и вежливости. Как мы уже отмечали, диалог является собой два параллельных монолога, которые лишь иногда сходятся в нескольких точках. В ряде случаев, которые были указаны выше, русский вариант перевода заставляет по-другому взглянуть на прагматику и интертекстуальность, происходит незначительное смещение прагматических акцентов, которое, в свою очередь, влияет на восприятие читателя и на его отношение к персонажам и происходящему.

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводе на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

Список источников / References

1. Бахтин, М.М. (2017). *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Библиотека всемирной литературы, Эксмо.
Bakhtin, M.M. (2017). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: The Library of World Literature, Eksmo (In Russ.).
2. Грайс, Г.П., Строссон, П.Ф. (2012). *Эпистемология и философия науки*, 22 (2), 206-223.
Grice, G.P., Strawson, P.F. (2012). *Epistemology and philosophy of science*. 22 (2), 206-223 (In Russ.).
3. Добровольская, Ю.А. (2005). *Практический курс итальянского языка*. М.: Цитадель-трейд; Ростов н/Д: Феникс.
Dobrovolskaya, Yu.A. (2005). *Practical Italian language course*. Moscow: Citadel-trade; Rostov n/A: Fenix (In Russ.).
4. Зорько, Г.Ф. (2011). *Новый большой итальянско-русский словарь*. М.: Дрофа; Рус. яз. – Медиа.
Zorko, G.F. (2011). *The new big Italian-Russian dictionary*. Moscow: Drofa; Russian language – Media (In Russ.).
5. Кристева, Ю. (2000). Бахтин, слово, диалог и роман. *От структурализма к постструктурализму: Французская семиотика*. М.: Прогресс-Культура, 427-457.
Kristeva, Yu. (2000). Bakhtin, the word, dialogue and the novel. *From structuralism to poststructuralism: French semiotics*. Moscow: Progress-Culture, 427-457 (In Russ.).
6. Куайн, У.В.О. (2000). *Две догмы эмпиризма*. М.: Логос, Праксис.
Quine, W.V.O. (2000). *Two Dogmas of Empiricism*. Logos, Praxis. (In Russ.).
7. Моравиа, А. (1978). Римлянка, Презрение, рассказы. М.: Прогресс.
Moravia, A. (1978). Roman woman, Contempt, short stories. Moscow: Progress. (In Russ.).
8. Норман, Б.Ю. (2009). *Лингвистическая прагматика на материале русского и других славянских языков*. М.: Издательский центр Белорусского государственного университета.
Norman, B.Yu. (2009). *Linguistic pragmatics based on the material of Russian and other Slavic languages*. Moscow: Publishing Center of the Belarusian State University (In Russ.).
9. Серль, Дж., Вандервекен, Д. (1986). Основные понятия исчисления речевых актов. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка*. М.: Прогресс, 242-263.
Searle, J., Vanderveken, D. (1986). Basic concepts of speech act calculus. *New in foreign linguistics. Issue 18. Logical analysis of natural language*. Moscow: Progress, 242-263. (In Russ.).
10. Сусов, И.П. (1997). *Общее языкознание. Ч. 2: Европейское и американское языкознание XIX–XX вв. Программно-справочное пособие*. Тверь: ТвГУ.
Susov, I.P. (1997). *General Linguistics. Part 2: European and American linguistics of the XIX–XX centuries. Program and reference manual*. Tver: TvGU (In Russ.).
11. Moravia, A. (1989). *Il disprezzo*. Tascabili Bompiani.
12. Treccani, G. (2005). *Treccani. Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani.

Геласимов Р.А. (2026)
Интертекстуальность и ее прагматические искажения при
переводe на материале романа «Презрение» Альберто
Моравиа
Язык и текст, 13(1), 55—65.

Gelasimov R.A. (2026)
Intertextuality and its pragmatic distortions in
translation based on the novel “Contempt” by
Alberto Moravia
Language and Text, 13(1), 55—65.

Информация об авторе

Роман Андреевич Геласимов, аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, старший преподаватель кафедры контрастивной лингвистики, институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Information about the author

Roman A. Gelasimov, PhD student, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Senior Lecturer, Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Поступила в редакцию 01.02.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.02.01
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Полифункциональность пунктуационных средств поэтического
текста

А.В. Канафьева✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ kanafeva.alya@mail.ru

Резюме

Объектом анализа является многофункциональность в поэтическом тексте как отдельных пунктуационных знаков, так и их объединений, образующих комбинированную структуру. **Цель** работы – обосновать выбор тех или иных пунктуационных средств спецификой поэтического текста, индивидуально-авторским подходом к раскрытию заложенного в нем смысла. **Материалом** исследования являются поэтические тексты разных авторов, раскрывающие и общее, и субъективно-авторское в выборе пунктуационных средств, обусловленных и интонационно, и структурно-семантически. Особое внимание уделяется использованию вопросительного знака в риторических высказываниях, а также точки для оформления парцеллированных конструкций. **Результаты** исследования заключаются в обоснованном признании потенциала пунктуационных средств как гибкой системы, эффективного средства выражения авторских интенций.

Ключевые слова: поэтический текст, пунктуация, полифункциональность знаков препинания, комбинированные знаки

Для цитирования: Канафьева, А.В. (2026). Полифункциональность пунктуационных средств поэтического текста. *Язык и текст*, 13(1), 66–76. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130105>

The polyfunctionality of punctuation marks in poetic text

A.V. Kanafieva✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ kanafeva.alya@mail.ru

Abstract

The object of analysis is the multifunctionality of both individual punctuation marks and their combinations in a poetic text, which form a combined structure. **The purpose** of the study is to substantiate the choice of certain punctuation marks based on the specific features of a poetic text and the individual author's approach to revealing its inherent meaning. **The research material** consists of poetic texts by various authors, which reveal both the general and the author's subjective choices of punctuation marks, which are influenced by both intonation and structural-semantic factors. Special attention is given to the use of the question mark in rhetorical statements, as well as the use of periods to mark parcelled constructions. **The results** of the study demonstrate the potential of punctuation marks as a flexible system and an effective means of expressing the author's intentions.

Keywords: poetic text, punctuation, multifunctionality of punctuation marks, combined marks

For citation: Kanafieva, A.V. (2026). The polyfunctionality of punctuation marks in poetic text. *Language and Text*, 13(1), 66—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130105>

Введение

Сжатость объема поэтического текста диктует и сжатость, лаконичность, отточенность употребляемых в нем языковых единиц. Специфика поэтического произведения не позволяет автору давать развернутое обоснование того, что он чувствует и что хочет донести до читателя. В языковых единицах содержится материализация и концентрация мыслей, чувств, надежд, сомнений автора. Перед воспринимающим поэтический текст открывается перспектива обдумывания, домысливания, ассоциаций на основе собственного жизненного опыта. Каждое поэтическое слово и каждая поэтическая строка предельно значимы, что акцентируется интонацией, а, следовательно, и пунктуацией, каждый элемент которой наделен комплексом функций, связанных и с формальным, и со смысловым, и с интонационным оформлением его единиц.

Знаки конца предложения: при парцеллятах; в риторических высказываниях; в трехчленных вопросительно-риторических синтагмах

Для поэтического текста чрезвычайно важна звуковая сторона: она усиливает его суггестивность, акцентирует элементы смысла, отражает эмоциональное состояние пишущего, его стремление к эстетическому воздействию, рассчитанному на эстетическую реакцию воспринимающего текст.

Автор придает значение звучанию фразы, особенностям мелодики и ритма, ее верному, живому воспроизведению. Звучание стиха зашифровано в пунктуации, которая расставляет эмоционально-смысловые акценты, внося коррективы в интонацию, преобразуя ее из нейтральной в аффективную.

«Интонация в художественном тексте может быть столь же многообразной, сколь многообразен и индивидуален слог писателя, его стиль. А это не может не отразиться и на

пунктуации, которая, опираясь на общественную практику, все же отражает индивидуальность пишущего» (Валгина, 2003, с. 276).

По этой причине попытки закрепить за тем или иным знаком поэтического текста определенную функцию являются по преимуществу неудачными.

Авторской интерпретацией обусловлен даже выбор знака конца предложения, связанный с его отнесенностью к тому или иному функциональному типу. Автор интерпретирует знак по-своему, превращая его в один из инструментов воплощения художественного замысла.

К примеру, точка, которой разделяются на письме парцелляты, не только фиксирует их границы, выполняя формальную функцию, но и служит знаком интонационной эмфазы, когда «иерархически организованная цепочка распадается на сегменты, обладающие, каждый, законченной интонацией предложения» (Арутюнова, 1999, с. 482).

Парцелляция как художественно-поэтический прием способствует акцентированию смысловых деталей, приданию значимости каждой из них.

К парцелляции как художественно-экспрессивному приему прибегают далеко не все авторы, что свидетельствует об особенностях индивидуально-авторского почерка, связано с чертами языковой личности создателя поэтического текста.

Парцелляты довольно часто функционируют как компоненты однородных рядов, разделенные точкой. Этот знак полифункционален: он служит средством оформления границ парцеллятов; смыслового акцентирования каждого из парцеллированных компонентов; нацеливает воспринимающего текст на особую интонацию во всех ее деталях (паузы, темп, ритм, тон):

Зенитчицы кричали и стреляли, // размазывая слезы по щекам. // и падали. // И поднимались снова. // Впервые защищая наяву // и честь свою // (в буквальном смысле слова!). // И Родину. // И маму. // И Москву; Я знал, в чем ты права. // О чем мечтаешь ты. // Знал все твои слова. // И платья. // И цветы. // И абажур в окне. // И скверик на пути, // где предстояло мне // «люблю» - // произнести... (Рождественский, 2000).

Интонационно обусловленным, интенционально мотивированным является вопросительный знак в конце несобственно вопросительных предложений (риторических высказываний). Риторические высказывания обнажают внутренний мир поэта, воспринимающий текст словно ощущает биение его сердца. На важность риторических высказываний в поэтическом тексте обращает внимание И.И. Ковтунова: «Вопрос вмещает в себя все выражаемые смыслы. То, что в разговорной речи вытекает из конситуации, то, что в нелирическом литературном изложении содержит окружающий текст (контекст), в лирике включается в вопросительные конструкции» (Ковтунова, 1986, с. 138).

Разнообразные модели риторических высказываний в поэтических текстах представляют собой эмоционально окрашенные единицы субъективного размышления, в которых заключены мысли, переживания, чувства говорящего (сожаление, разочарование, грусть, негодование и др.). В них отражается определенная жизненная философия автора, его сложное эмоциональное состояние, стремление постичь окружающее и ощущение невозможности сделать это.

Ими фиксируется когнитивная деятельность сознания личности: стремление постичь, понять сложные вопросы бытия, устройства мироздания, власть неведомых человеку сил, представляемых как высшее существо, волей которого осуществляются все земные движения:

*На чьем плече, как голубь, спит луна // и чья ладонь под облаком румяным? // Кем ставится
стеклянная стена // перед волной, на берегу песчаном? // Гул наших струн, и жизни каждый
вдох, // И бред земли – кто, кроме смертных слышит? (Набоков, 2000) Миры летят. Года
летят. Пустая // Вселенная смотрит в нас мраком глаз. // А ты, душа, усталая, глухая, // О
счастье твердишь, - в который раз? // **Что счастье? Вечерние прохлады // В темнеющем
саду, в лесной глуши? // Иль мрачные порочные улады // Вина, страстей, гибели души?
// Что счастье? Короткий миг и тесный, // Забвенье, сон и отдых от забот // И за сердце
хватящий полет...** (Блок, 2007) — концентрация мысли на одном вопросе: **Что есть
счастье?** И множество альтернатив при том, что у автора уже «запасен» ответ на этот вопрос,
ожидающий в конце поэтического текста. Ср. также: **Всегда с тобой: Какое счастье выше?
// Достался мне блаженнейший удел¹; Это время – // трудновато для пера, но скажите // вы,
// калеки и калекши, // где, // когда, // какой великий // выбирал // путь, // чтобы протоптанней
и легче?** (Маяковский, 1982); **В нас, в каждом есть Бог – // это стоило выстрадать. // Пусть
в панике мир от попытки второй // Так что же есть Истина? // Быть только собой!**
(Вознесенский, 2000).*

Риторические высказывания нередко являются единицами поэтических вопросно-ответных структур, представляющих собой «развернутое рассуждение, в результате которого рождается ответ», воспроизводящих динамику «эмоционального или мыслительного процесса, ход размышлений, вопросы, предложения, сомнения, возможные ответы, снова вопросы и т.д. Таким путем передается внутренняя работа мысли» (Ковтунова, 1986, с. 131).

Типичной особенностью поэтического текста является наличие в нем вопросительно-риторических синтагм с функцией акцентированного выделения душевного смятения, сомнений, колебаний. Примером может служить следующий текст: *Это просто, это ясно, // Это всякому понятно, // Ты меня совсем не любишь, // Не полюбишь никогда. // Для чего же так тянуться // Мне к чуждому человеку, // Для чего же каждый вечер // Мне молиться за тебя? // Для чего же, бросив друга // И кудрявого ребенка, // Бросив город мой любимый // И родную сторону, // Черной нищенкой скитаюсь // По столице иноземной? // О, как весело мне думать, // Что тебя увижу я!* (Ахматова, 1990)

Подобные синтагмы имеют трехчастное построение: 1) констатация факта, содержащаяся в первой части, отмеченная пунктуационно точкой конца предложения, являющаяся логическим обоснованием для следующих далее риторических высказываний; 2) усиленный повтором экспрессивный отрицательный вывод, заключенный в прономинально-инфинитивных риторических высказываниях, отмеченных вопросительным знаком, составляло (и, как оказывается, составляет!) смысл и содержание жизни; 3) неожиданное, нелогичное по сравнению с отрицательным смыслом предшествующих риторических высказываний эмоциональное заключение – радость от предвкушения встречи, от самой мысли об этой встрече. Эти синтагмы имеют особую модальность, сущностное содержание которой – противоречие чувства и рассудка. Оформляющие каждую из частей знаки подчинены этой динамике, смене настроения, чувств и восприятий лирического персонажа: *«Проходит все, и чувствам нет возврата», // Мы согласились мирно и спокойно, - // С таким суждением все выходит стройно, // И не страшна любовная утрата. // Зачем же я, когда Вас*

¹ Кузьмин М.А. Всегда с тобой: какое счастье выше?.. URL: <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/kuzmin/texts/vol1/274.htm> (дата обращения: 20.01.2026).

вижу снова, // Бледнею, холодею, заикаюсь, // Былым (иль не былым?) огнем терзаюсь // И нежные благодарю оковы? // Амур-охотник все стоит на страже, // Возвратный тиф опаснее и злее. // Проходит все, моя любовь – не та же, // Моя любовь теперь еще сильнее (М. Кузмин); Бесстыдство мое! Унижение мое! // Бродяга! Разбойник! Пастух! // Зачем же никто из придворных вельмож, // Увы, на него непохож? (Ахматова, 1990).

Полифункциональность многоточия

Чрезвычайно распространенным для выражения авторских интенций в поэтическом тексте является многоточие.

По мнению А.М. Пешковского, «многоточие всегда читается», «в случаях действительного перерыва речи и логической недостачи тех или иных слов просто имитируется тот жизненный случай, который вызвал эту недостачу (кашель, смущение, запомывание и «разыскивающий» запомыванное тон и т.д.), причем перерыв речи выражается... еще и перерывом самой интонации, обрывающейся на таких нотах, которые сами по себе осознаются нами как с р е д н и е, а не конечные (иногда с намеренной утрировкой этой «средности»)» (Пешковский, 1959, с. 324-325).

Употребление многоточия «не имеет или почти не имеет ограничений, оно не связано с грамматическими условиями» (Пеньковский, Шварцкопф, 1979, с. 10).

Многоточие может занимать любую позицию в предложении: в начале, внутри, в конце.

Многоточие начала предложения означает: а) возврат автора к предшествующему размышлению (рассуждению): *Пока эти пули летят, мы должны успеть вырастить хлеб, землю спасти, песню сложить. ...Пока эти пули летят В тебя и в меня...* (Рождественский, 2000); б) передает значение потрясения, прозрения автора после размышлений о чем-то важном, значительном, неподвластном человеческой воле: *Ты живешь, негодуешь, пророчишь. // Ты кричишь и впадаешь в восторг. ... // Так неужто малюсенький прочерк – // не простое тире, а итог?!* (Рождественский, 2000).

Многоточие, обозначающее незаконченность высказывания, – это смысловой знак. Его выбор – воля автора, который использует этот знак потому, что «словесная» картина представляется ему недостаточной. Говорить можно было бы и дальше, бесконечно, потому что описываемое неисчерпаемо... Благодаря этому знаку читатель воспринимает текст исходя из собственного жизненного опыта, мировосприятия.

Многоточие конца предложения часто является средством передачи речи, связанной со сложными эмоциональными переживаниями, когда «говорящий обычно не ограничивается лишь проявлением того или иного эмоционального состояния. Он стремится «перебросить» выражение своего переживания (истинного или наигранного) слушающему, воздействовать на его чувственную сферу в нужном для себя направлении» (Блох, Остапенко, 1985, с. 11).

В поэтическом тексте, отличающемся сжатостью, лапидарностью, автору непросто выразить всю гамму эмоций, он вынужден сделать паузу, обозначенную многоточием, что позволяет расширить смысловое пространство. Тем самым читатель вовлекается в совместное с автором переживание, размышление над сложными вопросами бытия, своими ощущениями, движениями человеческой души: *Не думай о секундах свысока... // Наступит время – сам поймешь, наверно: // свистят они, как пули у виска, - // мгновения, мгновения, мгновения...* (Рождественский, 2000); *То свадьбой, то поминками врезаются года...* (Рождественский,

2000); *Ты пришел меня утешить, милый, // Самый нежный, самый кроткий...* (Ахматова, 1990); *Конечно, мне радости мало // Такая сулила гроза, // Зато я случайно узнала, // Какие у счастья глаза...* (Ахматова 1990); *А юность была как молитва воскресная... // Мне ли забыть ее?* (Ахматова, 1990); *Посмеюсь над самим собой: // может, боль уйдет, может, стихнет боль! // А душа дрожит – обожженная... // Ах, какая жизнь протяженная!* (Рождественский, 2000). Неоконченность речи является «чисто психологической», «когда все слова налицо, но сказанное представляется лишь как слабое, неполное отражение переживаемого...» (Пешковский, 1959, с. 25).

Обращает на себя внимание частое употребление многоточия при обращении авторов к концептуально важным, определяющим понятиям, например, «Любовь»: *Не покидайте своих возлюбленных. **Былых возлюбленных на свете нет...*** (Вознесенский, 2000); *Да, было так, **хоть вой, хоть не дыши!** // Твой образ... Без телесности и речи... // И... никого... ни звука, ни души... // Лишь ты, да я, да боль нечеловечья...* (Асадов, 2020).

Н.С. Валгина отмечает, что «многоточие – знак достаточно емкий: он обладает способностью передавать еле уловимые оттенки значений <...> это знак **эмоционально наполненный**, показатель психологического напряжения, подтекста» (Валгина, 2004, с. 131).

Полифункциональность тире

Не меньшей выразительностью в поэтическом тексте отличается тире – знак, обладающий особой художественной гибкостью. Иногда его постановка является нормированной, предусмотренной правилами, иногда – факультативной или вариантной, но чаще – индивидуально-авторской. Тире позволяет автору выделить оттенки смысла, расставить необходимые акценты.

Эти функции тире были отмечены еще Гротом Я.К., который писал: «Черта» употребляется «для обозначения быстроты действия или перед неожиданною мыслью, перед разительным заключением предложения», «для обозначения резкой противоположности» (Грот, 1885, с.108).

Тире располагает большими возможностями для передачи отношений сопоставления, противопоставления, резкой противоположности, следствия, акцентирующего выделения отдельных компонентов, эмоционально-экспрессивных отношений и оценок. Он является средством актуализации имплицитных смысловых оттенков в поэтическом тексте.

Его индивидуально-авторское использование отмечается для:

а) выражения контрастов: *Скудной правды – нет!* (Брюсов, 1999); *Как много всех, и все же я – единый!* (Брюсов, 1999);

б) создания эффекта неожиданности и резкой смены повествования: *Любовь должна быть счастливой – // Это право любви. // Любовь должна быть красивой – // Это мудрость любви. // Где ты видел такую любовь?* (Черный, 2002).

Способность тире акцентировать самое важное в высказывании приводит к тому, что авторами художественных текстов снимаются «запреты» официальных правил на тире в следующих позициях:

а) перед именной частью составного именного сказуемого, которой предшествуют сравнительные союзы *словно, будто, как*: *Ее глаза – как два тумана, // Полуулыбка, полуплач, // Ее глаза – как два обмана, // Покрытых мглой неудач* (Н. Заболоцкий); *Слова – как светляки*

с большими фонарями (Заболоцкий, 1989); *Монета – будто чье-то подаяние* (Рождественский, 2000);

б) перед отрицательной частицей *не*: *Ежедневное чудо – // не чудо. // Ежедневное горе – // не горе* (Рождественский, 2000); *Все бросить вдруг. А где нас ждут, // Где спросят? Свет – не хата* (Твардовский, 2003);

в) после подлежащего – личного местоимения: *Вы – владыки // их души и тела, // С вашей воли // встречаются восход.* (Маяковский, 1982); *Мне там каждая знакома // Борозденка под метой. // Я – смоленский. Я там дома. // Я там – свой, а он – чужой* (Твардовский, 2003).

Наряду с формально-смысловой функцией тире является показателем особого ритмического строя поэтической строки. При всем разнообразии индивидуальных ритмических форм перед тире читающий должен будет повысить тон, в месте тире сделать значительную паузу, а часть, следующую за ним, произнести резко и внушительно. Обилие тире у одних авторов и ограниченное его употребление другими – отражение индивидуальных стилистических особенностей поэтического языка. Например, поэзия В. Маяковского, «агитатора, горлана, главаря», отличается строгим, стройным, чеканным ритмом, при котором каждое слово звучит как металл, «весомо, грубо, зримо». Ритму автор придавал огромное значение, «обстругивая и оформляя его» как «основу всякой поэтической вещи, проходящую через нее гулом». Тире в стихах Маяковского очень часто неожиданное, как неожиданны его неологизмы, сочетаемость словоформ, синтаксические структуры и многое другое. Тире у Маяковского – дань ритму, интонации, которые, в свою очередь, помогают декодированию смысла поэтических строк: *Хотите – // буду от мяса бешеный // – и, как небо, меняя тона – // хотите – // буду безукоризненно нежный, // не мужчина, а – облако в штанах //); А зачем / // вообще // эта шахта Сене? // Чтобы – целься рифмой // И ритмом ярись? (Маяковский, 1982); Вот – // Пустили сплетню, // мешат душу ей (Маяковский, 1982).*

Функции знаков препинания нередко совмещаются, переплетаются. Знаки конца предложений, выполняя формальную функцию, являясь разделительными в структуре текста, вместе с тем выражают и интонационные особенности разных функциональных типов предложений: точка в повествовательном предложении; вопросительный знак в вопросительном предложении; восклицательный знак и его сочетание с вопросительным или с многоточием в эмоционально окрашенном предложении.

Интонация может быть средством передачи смысловых значений, но отражать лишь эмоциональные качества речи. Интонационный принцип пунктуации сопутствует смысловому, накладывается на него и отражается на структуре текста, если интонация является способом отражения смысловой значимости речи. Когда же интонация отображает лишь эмоциональную окраску, мы имеем дело с интонационным принципом в чистом виде. Обусловленные интонационно знаки препинания являются показателями экспрессивности речи, что в первую очередь относится к тире и многоточию, отражающим эмоциональную, прерывистую, взволнованную речь.

О комбинированных знаках

Пользуясь имеющимся в русском языке пунктуационным «инвентарем», авторы нередко используют комбинированные пунктуационные знаки: запятая – тире; вопросительный знак –

восклицательный знак; восклицательный знак – тире; восклицательный знак – многоточие и др. Каждый из знаков вносит свой вклад в раскрытие закодированного во фразе смысла.

Вопросительный знак стремится «к союзу» с другими пунктуационными средствами, образуя комбинированные знаки. Многозначительность «вопроса» подчеркивается сочетанием вопросительного знака с многоточием: *Зачем мне – скажи на милость – знать запах ее волос?..* (Рождественский, 2000); *Ты – рядом. А как достучаться? А как дотянуться? А как до тебя докричаться?..* (Рождественский, 2000). Эмоционально-оценочные компоненты в семантике подчеркиваются сочетанием вопросительного знака с восклицательным: *Всемогущий, ты выдумал пару рук, сделал, что у каждого есть голова, - отчего ты не выдумал, чтоб было без мук целовать, целовать, целовать?!* (Маяковский); *Да какой же ты русский, Раз не любишь стихи?!* (А. Вознесенский); *Пойми разумом: неужели это жизнь – быть привязанным?! Неужели в этом есть своя логика?!* (Рождественский, 2000). Характерно наличие в приведенных выше и во множестве других текстах типизованных двучастных построений, содержащих констатацию сложившегося и его негативную оценку автором.

Например, в поэтическом тексте запятая и тире как единый знак употребляется в сложноподчиненных предложениях: *Взрывают весенние плуги // Корявую кожу земли, – // Чтоб осенью снежные вьюги // Пустынный простор занесли* (Брюсов, 1999); *Пусть непрочны домашние стены, // Пусть дорога уводит во тьму, - // Нет на свете печальней измены, // Чем измена себе самому* (Заболоцкий, 1989); при однородных членах предложения: *Гудки авто, звонки трамвая, // Стук, топот, ропот, бег колес, – // В поэмы страсти, в песни мая // Вливали смутный лепет грез* (Брюсов, 1999).

Этот комбинированный знак используется в создании параллелизма строф: *Я люблю большие дома // И узкие улицы города, – // В дни, когда не настала зима, // А осень повеяла холодом. // Пространства люблю площадей, // Стенами кругом огражденные, – // В час, когда нет еще фонарей, // А затеплились звезды смущенные. // Город и камни люблю, // Грохот его и шумы певучие, – // В миг, когда песню глубоко таю, // Но в восторге слышу созвучия* (Брюсов, 1999).

Сочетание этих знаков используется при противопоставлении: *Им, как и мне, невмочь с весною свыкнуться, Не в первый раз стараюсь, – не привык* (Пастернак, 1999); неожиданном следствии: *Кусты обгоняют тебя, и пока С родимую чащей сроднишься с отвычки, – Она уж безбрежна: ряды кругляка, И роца редееет, и птичка – как гичка. И песня – как пена, и – наперерез, Лазурь забирая, нырком, душегубкой И – мимо... И долго безмолвствует лес, Следя с облаков за пронесшейся шлюпкой* (Пастернак, 1999); *Он к нам катил свои вершины И, – черный сверху до подошв, Так и рвался принять машину Не в лягз кинжалов, так под дождь* (Пастернак, 1999).

Восклицательный и вопросительный знаки сочетаются с многоточием.

Сочетание восклицательного знака и многоточия характеризует эмоционально окрашенное, страстное, взволнованное и одновременно неоконченное высказывание, когда за словами остается бездна невысказанного: *Но море всей своей водой // Тебя из сердца смыть не может!..* (М. Горький); *Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, - // Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..* (Высоцкий, 2003); *Мы не верили, что состаримся. // И что однажды // на сердце у каждого // истина выжжется: // никогда не бывает **Счастье** // конечной станцией!..*

// ...Потому-то и кружится этот мир. // Потому он //И движется. (Рождественский, 2000);
А я провозглашаю снова: // Все начинается // с любви!.. (Рождественский, 2000).

Анализ пунктуационной системы художественных текстов отдельных авторов приводит к выводу об их значительной роли в эмоциональной концептуализации внутренней жизни человека.

Пример виртуозного использования пунктуационных знаков в репрезентации концепта «Любовь» дает следующий текст: Люб- // (Воздуха! // Воздуха! // Самую малость бы! // Самую-самую...) // лю! // (Хочешь, - // уедем куда-нибудь // заново, // замертво, // за море?..) // Люб- // (Богово – богу, // а женское – // женщине // сказано, // воздано.) // лю! (Рождественский, 2000).

Весь текст – это сила эмоции признания в любви. Люб-лю, разделенное эмфатическим дефисом, а между двумя этими слогами – вставные конструкции, оформленные скобками, заключающие в себе целый «водоворот» чувств решившегося признаться в любви человека. Это состояние потрясения отражают и знаки внутри вставных конструкций: восклицательный, многоточие, сочетание вопросительного и многоточия, выбранные автором, расставленные по местам, подчиненные его авторскому замыслу.

Заключение

Анализ поэтических текстов приводит к выводу о том, что пунктуация является характерной чертой идиостиля, одним из средств репрезентации концептосферы отдельного автора. Специальными функциями выбранных им знаков препинания являются и смысловое акцентирование; и усиление экспрессивно-эмоционального воздействия; и оформление основных компонентов интонационной структуры, ритмико-мелодического рисунка; и передача особенностей звучания живой речи, ориентированных на воспринимающего текст в нужном автору направлении.

Список источников / References

1. Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры.
Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture (In Russ.).
2. Асадов, Э.А. (2020). *Полное собрание стихотворений в одном томе*. М.: Эксмо.
Asadov, E.A. (2020). *The complete collection of poems in one volume*. Moscow: Eksmo (In Russ.).
3. Ахматова, А.А. (1990). *Сочинения в двух томах*. М.: Правда.
Akmatova, A.A. (1990). *Essays in two volumes*. Moscow: Pravda (In Russ.).
4. Блок, А.А. (2007). *Стихотворения и поэмы*. М.: Эксмо.
Blok, A.A. (2007). *Poems*. Moscow: Eksmo (In Russ.).
5. Блох, М.Я., Остапенко, Л.А. (1985). Функциональная семантика синтаксических конструкций. *Межвуз. сборник научных трудов*, 4-12.
Bloch, M.Ya., Ostapenko, L.A. (1985). Functional semantics of syntactic constructions. *Interuniversity Collection of scientific papers*, 4-12 (In Russ.).
6. Брюсов, В.Я. (1999). *Лирика*. Минск: Харвест.
Bryusov, V.Ya. (1999). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).

7. Валгина, Н.С. (2007) *Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие*. М.: Высш. шк.
Valgina, N.S. (2007) *Actual problems of modern Russian punctuation: Textbook*. Moscow: Higher School (In Russ.).
8. Валгина, Н.С. (2003). *Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие*. М.: Логос.
Valgina, N.S. (2003). *Active processes in modern Russian. Textbook*. Moscow: Logos (In Russ.).
9. Вознесенский, А.А. (2000). *Лирика*. М.: Астрель.
Voznesensky, A.A. (2000). *Lyrics*. М.: Astrel (In Russ.).
10. Высоцкий, В.С. (2003). *Избранное*. Смоленск: Русич.
Vysotsky, V.S. (2003). *Favourites*. Smolensk: Rusich (In Russ.).
11. Грот, Я.К. (1885). *Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук*.
Grot, Ya.K. (1885). *Russian spelling. The manual, compiled on behalf of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences* (In Russ.).
12. Заболоцкий, Н.А. (1989). *Стихотворения. Поэмы*. Тула: Приокское книжное издательство.
Zabolotsky, N.A. (1989). *Poems*. Tula: Priokskoye Book Publishing House (In Russ.).
13. Канафьева, А.В. (2000). *Функции авторской пунктуации в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва*.
Kanafieva, A.V. (2000). *The functions of author's punctuation in a literary text: Diss. Cand. Sci. (Philology)*. Moscow (In Russ.).
14. Ковтунова, И.И. (1986). *Поэтический синтаксис*. М.: Наука.
Kovtunova, I.I. (1986). *Poetic syntax*. Moscow: Nauka (In Russ.).
15. Маяковский, В.В. (1982). *Избранные сочинения в двух томах. Т. 2*. М.: Художественная литература.
Mayakovsky, V.V. (1982). *Selected Works in Two Volumes. Vol. 2*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (In Russ.).
16. Набоков, В.В. (2000). *Лирика*. Минск: Харвест.
Nabokov, V.V. (2000). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).
17. Пастернак, Б.Л. (1999). *Лирика*. Минск: Харвест.
Pasternak, B.L. (1999). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).
18. Пеньковский, А.Б., Шварцкопф, Б.С. (1979). Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы. *Современная русская пунктуация*. М.: Наука.
Penkovsky, A.B., Shvartskopf, B.S. (1979). An Attempt to Describe Russian Punctuation as a Functional System. *Modern Russian Punctuation*. Moscow: Nauka (In Russ.).
19. Пешковский, А.М. (2007). Интонация и грамматика. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: Учеб. пособие*. М.: Высшая школа.
Peshkovskiy, A.M. (2007). Intonation and grammar. *Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected works: Textbook*. Moscow: Higher School (In Russ.).
20. Рождественский, Р.И. (2000). *Лирика*. М.: Олимп.
Rozhdestvensky, R.I. (2000). *Lyrics*. Moscow: Olimp (In Russ.).
21. Твардовский, А.Т. (2003). *Стихотворения. Поэмы*. М.: Дрофа.
Tvardovsky, A.T. (2003). *Poems*. Moscow: Drofa (In Russ.).

Канафьева А.В. (2026)
Полифункциональность пунктуационных средств
поэтического текста
Язык и текст, 13(1), 66—76.

Kanafieva A.V. (2026)
The polyfunctionality of punctuation marks in
poetic text
Language and Text, 13(1), 66—76.

22. Черный, С. (2002). *Лирика*. Минск: ООО Харвест.
Cherny, S. (2002). *Lyrics*. Minsk: LLC Harvest (In Russ.).

Информация об авторе

Аля Васильевна Канафьева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Information about the author

Alya V. Kanafieva, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Modern Russian Language named after Prof. P.A. Lekant, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.25
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Плеонастическая интенсификация слов с исчерпывающей
семантикой

Е.А. Козлова✉

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская
Федерация

✉ ek.aleks061218@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Интенсификация вербальных сообщений играет важную роль в коммуникации, так как помогает передать не только информацию, но и эмоции, без которых общение нельзя считать полноценным. Научной основой исследования послужила теория интенсификации, сложившаяся благодаря Charles Bally, Edward Sapir и трудам многих отечественных ученых. **Цель.** Выявление, изучение особенностей бытования и прогнозирование развития явления плеонастической интенсификации слов с исчерпывающей семантикой. **Гипотеза.** Полагаем, что возникновение плеонастической интенсификации слов с исчерпывающей семантикой связано не столько с окказиональным употреблением, сколько с развитием семантической системы языка. **Методы и материалы.** Исследование проводилось статистическими и математическими методами на материале Национального корпуса русского языка, лингвистический семантический анализ осуществлялся на основании словарных статей толковых словарей русского языка разных авторов, лингвистическое моделирование производилось по методу Е.В. Терентьевой. **Результаты.** Гипотеза исследования подтвердилась частично, так как была выявлена множественность мотивации возникновения плеонастических сочетаний интенсификаторов и слов с исчерпывающей семантикой. **Выводы.** Проблема плеонастической интенсификации слов с исчерпывающей семантикой представляется перспективной для дальнейшего научного рассмотрения вследствие активности самого процесса, большого числа языковых фактов, множественности мотивации.

Ключевые слова: семантика, квантитативное значение, интенсификатор, плеоназм, спецификация денотата

Козлова Е.А. (2026)
Плеонастическая интенсификация слов с исчерпывающей семантикой
Язык и текст, 13(1), 77—89.

Kozlova E.A. (2026)
Pleonastic intensification of words with exhaustive semantics
Language and Text, 13(1), 77—89.

Для цитирования: Козлова, Е.А. (2026). Плеонастическая интенсификация слов с исчерпывающей семантикой. *Язык и текст*, 13(1), 77—89. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130106>

Pleonastic intensification of words with exhaustive semantics

Е.А. Kozlova✉

Kaluga State University by K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation

✉ ek.aleks061218@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Intensification of verbal messages plays an important role in communication, as it helps to convey not only information, but also emotions, without which communication cannot be considered complete. The scientific basis of the study was the theory of intensification, developed thanks to Charles Bally, Edward Sapir and the works of many Russian scientists. **Objective.** Identification, study of the features of existence and forecasting the development of the phenomenon of pleonastic intensification of words with exhaustive semantics. **Hypothesis.** We believe that the emergence of pleonastic intensification of words with exhaustive semantics is associated not so much with occasional use, as with the development of the semantic system of the language. **Methods and materials.** The study was conducted using statistical and mathematical methods on the material of the National Corpus of the Russian Language, linguistic semantic analysis was carried out based on dictionary entries of explanatory dictionaries of the Russian language by different authors, linguistic modeling was carried out according to the method of E.V. Terentyeva. **Results.** The hypothesis of the study was partially confirmed, as the multiplicity of motivations for the emergence of pleonastic combinations of intensifiers and words with exhaustive semantics was revealed. **Conclusions.** The problem of pleonastic intensification of words with exhaustive semantics seems promising for further scientific consideration due to the activity of the process itself, many linguistic facts, and the multiplicity of motivations.

Keywords: semantics, quantitative meaning, intensifier, pleonasm, specification of denotation

For citation: Kozlova, E.A. (2026). Pleonastic intensification of words with exhaustive semantics. *Language and Text*, 13(1), 77—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130106>

Введение

Человек – существо легко уязвимое, физически слабое, а потому – социальное. Его жизнь, самоопределение, самореализация как личности возможны только в пределах коллектива, в условиях взаимодействия, взаимопомощи, что – в свою очередь – непосредственно зависит от успешной коммуникации с сородичами.

Проблема успешности коммуникации занимает ученых многих отраслей знания: психологии, социологии, культурологии, педагогики, лингвистики и др. Значительное

количество открытий в коммуникации совершенно на стыке научных областей, например, в психо-, нейро- и социолингвистике, лингводидактике, педагогической психологии и пр.

Актуальность настоящего исследования определяется неугасающим интересом научного сообщества к вопросам успешной коммуникации вообще и проблемам интенсификации и избыточности речи в частности.

Интенсификация речи является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Ей посвящены научные труды Ш. Балли (Bally), Э. Сепира (Sapir), Н.Б. Шипуновой (1990), С.Е. Родионовой (2004), В.Н. Егоровой (2009), Р.Г. Гатауллина (2013), Е.В. Терентьевой (2014, 2015), А.А. Ефимовой (2015). И.В. Ревенко (2004) изучены интенсификаторы в художественной речи. К.М. Суворина (1976), Е.И. Шейгал (1981), И.И. Туранский (1990), В.В. Безрукова (2004) анализировали это явление в английском языке.

Ш. Балли (Bally) дал понятие интенсивности – как «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях (Балли, 2001, с. 207). С.Е. Родионова несколько уточнила понятие: «Категория интенсивности находится между категориями качественности и количественности» (Родионова, 2004, с. 300–313). Н.А. Лукьянова заметила, что интенсивность следует связывать не с любой количественной характеристикой предмета или явления, а только с той, которая демонстрирует отклонение от нормы, что приводит к восприятию высказывания как требующего повышенного внимания, не обычного (Лукьянова, 1986, с. 56). Е.И. Шейгал указала на то, что «компонент интенсивности является ядерным, и он наряду с лексико-грамматическими компонентами практически исчерпывает денотативный аспект значения» (Шейгал, 1981, с. 131).

Большая работа была проведена по определению шкал интенсивности, в частности Э. Сепиром (Sapir) обозначены для интенсификации пять кванторов: *наиболее–больше, чем–равный–меньше, чем, наименее* (Сепир, 1988, с. 43–78). К.М. Суворина отметила, что интенсификаторы лишены конкретного предметно–логического значения, а значит, их семантика носит абстрактный характер и заключается в выражении большей по сравнению с нормой степени признака, обозначенного знаменательным словом, которому подчиняется интенсификатор (Суворина, 1976, с. 7). Е.В. Терентьева несколько расширила данное положение, указав, что «интенсификаторы, служащие исключительно целям усиления, отражают количественное изменение признака от нуля до максимума (постепенно). Дополнительно они могут сочетаться со словами, имеющими в своей семантике как оценочную сему со знаком "–", так и со знаком "+"» (например, *ужасно холодный – ужасно горячий*) (Терентьева, 2014, с. 136). Кроме того, она отметила, что усилители со знаком «←» «указывающие на малую степень проявленности признака <...> являются самой малочисленной и редко употребляемой из всех групп собственно интенсификаторов» (Терентьева, 2014, с. 138).

Также Е.В. Терентьева наиболее точно определила интенсификаторы: это «семантическая языковая категория, служащая для отражения градации степени проявленности признака» (Терентьева, 2015, с. 315), кроме того, она указала, что категория интенсивности «тесно связана с такими явлениями, как экспрессивность и оценочность (Там же). В другой своей работе Е.В. Терентьева указала еще одну важную особенность интенсификаторов: «Имея

ослабленное качественно-оценочное значение, они обладают большой валентностью» (Терентьева, 2014, с. 139).

Целью нашего исследования мы ставим обнаружение плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику, выявление причин их возникновения и тенденций явления.

Объектом нашего исследования являются плеонастические сочетания интенсификаторов со словами, имеющими исчерпывающую семантику. Предметом – причины и механизмы возникновения таких сочетаний, прогноз их жизнеспособности.

Задачи исследования:

- обнаружение плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику;
- анализ плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику;
- выявление частотности употребления в речи плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику;
- определение причин и механизмов возникновения плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику, прогнозирование.

В рамках нашей работы мы будем рассматривать интенсификаторы как слова с ослабленной семантикой, позволяющие, отталкиваясь от условной нормы, выстраивать градацию явлений, действий и признаков в зависимости от силы их проявления.

Термином «слова с исчерпывающей семантикой» мы решили обозначить слова, денотат которых предполагает максимальное проявление признака, действия, явления, ср.: в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – исчерпывающий – «всесторонний, полный, законченный» (Ожегов, Шведова). Примерами могут быть следующие единицы: среди существительных – *мертвец, негодяй, предатель*; среди глаголов – *умереть, закончить*; среди прилагательных – *исчерпывающий, мертвый, лысый*; среди местоимений – *тот, так* и т.п.

Под плеонастической интенсификацией – следуя сложившейся научной традиции – мы будем понимать соединение в потоке речи слов с исчерпывающей семантикой и слов с квантитативным значением, т.е. интенсификаторов, в результате чего возникает наложение эксплицитного и имплицитного выражения интенсивности (Шипунова, 1990, с. 151), например, *огромная машина, совсем мертвый, абсолютно голая* и под.

Новизна нашего исследования определяется его объектом – нас интересует избыточная интенсификация, возникающая в результате наложения эксплицитного и имплицитного выражения интенсивности.

Мы не ставим перед собой цели обнаружить в языке все плеонастические сочетания со словами, имеющими исчерпывающую семантику. Наша цель – на нескольких показательных примерах рассмотреть указанное явление и попытаться уловить тенденции.

Гипотеза нашего исследования такова: мы предполагаем, что плеонастические сочетания со словами, имеющими исчерпывающую семантику, возникают не столько в результате единичных непреднамеренных отклонений от нормы, сколько по причине развития семантики слов.

Материалы и методы

Материалами исследования выступают

– в качестве отправной точки поисков плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику, – разговорная речь;

– для уточнения значения слов – толковые словари русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; Д.Н. Ушакова; Т.Ф. Ефремовой;

– с целью сбора статистики употребления единиц – Национальный корпус русского языка.

В процессе проведения исследования использовались такие методы: анализ, индукция, синтез теоретических оснований проблемы; скрытое несистемное естественное включенное и невключенное наблюдение за речью носителей русского языка; анализ, синтез, классификация лингвистического материала; лингвистическое моделирование возможных при спецификации денотата конструкций; статистические и математические методы определения частотности употребления тех или иных плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику; индуктивный метод обобщения, прогнозирование.

На первом этапе исследования было собрано 75 плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающую семантику. В результате произвольного отбора из них было оставлено для анализа 9 показательных сочетаний, которые в дальнейшем были подвергнуты анализу в настоящей статье.

Результаты

Статистические данные Национального корпуса русского языка о частотности употребления словосочетания

Statistical data from the National Corpus of the Russian Language on the frequency of use of the phrase

Таблица 1 / Table 1

	уничтожить / destroy	уничтожил / destroyed (he)	уничтожила / destroyed (she)	уничтожили / destroyed (they)	уничтожило / destroyed (it)
полностью / fully	27	25	8	22	2
совсем /	40	7	4	7	3
вовсе / at all	31	4	1	1	0

Таблица 2 / Table 2

	голый / naked (he)	голая / naked (she)	голое / naked (it)	голые / naked (they)
совсем / at all	72	33	13	66
совершенно / absolutely	123	93	11	85
абсолютно / absolutely	20	15	2	12

Таблица 3 / Table 3

	нагой / naked (he)	нагая / naked (she)	нагое / naked (it)	нагие / naked (they)
совсем / at all	3	8	0	10
совершенно / absolutely	17	25	1	24
абсолютно / absolutely	2	0	0	2

Таблица 4 / Table 4

	обнаженный / naked (he)	обнаженная / naked (she)	обнаженное / naked (it)	обнаженные / naked (they)
совсем / at all	2	2	1	2
совершенно / absolutely	15	16	4	11
абсолютно / absolutely	0	1	0	0

Примечание: «*» – значимыми показателями следует считать употребления более 20 раз
 Note: «*» – significant indicators should be considered as consumption more than 20 times.

Обсуждение результатов

Для исследования были выбраны следующие слова-интенсификаторы: *полностью*, *совсем*, *вовсе*, *совершенно*, *абсолютно*. Специфика значений интенсификаторов подтверждается словарными статьями:

полностью, нареч. «1. До конца, сполна. 2. Совершенно, вполне» (Ожегов, Шведова);

совсем, нареч. «1. Совершенно, вполне. 2. перед отриц. Ни в какой степени, нисколько (разг.)» (Ожегов, Шведова);

вовсе, нареч. (разг.). – «совсем, совершенно» (Ушаков);

совершенно, нареч. – «полностью, в полной мере» (Ожегов, Шведова);

абсолютно, нареч. – «совершенно, совсем» (Ефремова, 2000).

По утверждению Е.В. Терентьевой, показателем интенсификатора является «возможность указывать лишь на степень проявленности признака разнообразных предметов и явлений. Отсутствие предметного значения легко обнаруживается при изъятии прилагательного, элиминация которого в этом случае не ведет к изменению смысла предложения, а лишь к утрате им усилительного значения» (Терентьева, 2015, с. 315).

В живой речи носителей русского языка при использовании слов с исчерпывающей семантикой отмечаются случаи плеонастической интенсификации. Применим данное положение к некоторым из них: *полностью / совсем / вовсе уничтожил = уничтожил*; *совсем голый = голый*, *совершенно нагая = нагая*, *абсолютно обнаженные = обнаженные*.

Попытаемся проанализировать мотивы, побуждающие носителей языка интенсифицировать слова с исчерпывающей семантикой.

Полностью / совсем / вовсе уничтожить

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дается следующее толкование: «*Уничтожить* 1. Прекратить существование кого–чего–н., истребить. 2. перен. Унизить, оскорбить, поставить в безвыходное положение» (Ожегов, Шведова).

Значения подтверждают контексты из НКРЯ:

значение 1 – «*Люди не должны жить. Всех нас надо **уничтожить**. Нет, не по отдельности, чтоб кто–то оставался, а всех разом*» (Павлов О. *Карагандинские девятины, или Повесть последних дней* // «Октябрь», 2001);

значение 2 – «*Я не знаю, как мне дальше быть, Макс, он мне жизнь погубил... **он меня уничтожил**... я... я в жалкую дрянь превратилась*» (Володарский Э. *Дневник самоубийцы*)

В таком случае возникает вопрос о причинах возникновения избыточного сочетания «*уничтожить полностью*». Как видно в табл. 1 словосочетания *уничтожить полностью*, *уничтожить совсем*, *уничтожить вовсе* имеют высокую частотность употребления. Обратимся к примерам:

«*Более того — победив хищников, человек кого–то из них **уничтожил полностью** как биологический вид*» (Сворень Р.А. *Самое главное — понять самое главное*).

«***Совсем уничтожить** клопов мы не могли: слишком быстро они размножались и приползали из соседних помещений*» (Аничков В.П. *Екатеринбург – Владивосток*);

«*Армия, центр которой был в Уральске, предполагала на ближайшее время открыть общее наступление и путем комбинированных действий отогнать сначала казаков от Уральска возможно дальше, а потом и **вовсе уничтожить** белую казацкую армию*» (Фурманов Д.А. *Чапаев*).

Такие сочетания могли стать необходимыми в результате спецификации денотата, поскольку в НКРЯ отмечаются и такие употребления:

«*В июле 1961 г. здание епархиального управления в Александро–Невской Лавре было передано вечерней школе, уникальную библиотеку вытащили во двор и **частично уничтожили***» (Маслова И.И. *Исторический портрет святейшего патриарха Пимена (Извекова)*);

«*На то есть две причины: летние пожары, которые **почти уничтожили** и без того небогатый урожай нашей собственной картошки, и подорожание европейских продуктов, в том числе овощей*» (Цыбульская О. *Колбаса праздничная. Дорого*).

Фраза «град уничтожил посевы» чаще всего говорит о том, что посевам нанесен значительный урон, но не о том, что ни одно растение не выжило. Аналогичная гиперболизация события, как правило, наблюдается и в случае, когда говорят о моральном уничтожении: человек подавлен, в крайней степени расстроен, однако далеко не в каждом случае можно говорить о полном разрушении психики, личности человека, ср.

«*И вдруг дошло: ведь Саша + Маша = любовь? Вот тебе и плюс! Ишь, как **он меня уничтожил**. Он бы, видите ли, плюса не поставил. Ах ты ж боже ж ты мой! Ну, подождите, товарищ артист, уж в следующий раз я вам не спущу!*» (Гурченко Л. *Аплодисменты*).

Количество примеров в НКРЯ говорит о низком распространении у слова «уничтожили» конкретизаторов «частично» – 2; «почти» – 25 случаев. Вероятно, в данных контекстах имеется в виду, что уничтожается какая-то часть предмета мысли: если «частично уничтожили», то часть меньше половины, если «почти уничтожили», то часть больше половины, ср.:

*«Вырвавшись на простор долины, грязекаменный поток **частично уничтожил** город-спутник Алма-Аты Иссык» (Мезенцев В.А. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 1). Очевидно, грязевой поток разрушил какую-то часть города Иссык.*

*«Получил тяжелое известие из 2-й армии, что германцы обрушились с подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии **почти уничтожили** их» (Николай П. Дневники). – 13 и 15 корпуса понесли серьезные потери, однако незначительная часть бойцов осталась в живых.*

В НКРЯ отмечаются примеры с несомненной семантической избыточностью:

*«На Восточном фронте в районе севернее Янгу части Народной армии **полностью уничтожили большую часть** одного полка американской 2-й дивизии и два батальона 8-й дивизии лисынмановской армии, предпринимавших ожесточенные атаки с целью прорыва оборонительных линий Народной армии» (События в Корее (1951) // «Сталинское знамя», 15.09.1951);*

*«Опрокинув врага и неотступно преследуя его до села Прудки, он **почти полностью уничтожил** красную пехоту, взяв несколько тысяч пленных и много трофеев» (Врангель П.Н. Записки);*

*«Открыли настежь все границы для импорта продовольствия и ширпотреба и **практически полностью уничтожили** производство конечного продукта» (Зюганов Г.А. Спасение страны — в смене власти // «Советская Россия», 15.06.2003).*

Последний пример демонстрирует разговорное значение слова «практически» = «почти» (Ефремова, 2000). Во всех приведенных случаях избыточным представляется компонент «полностью».

Значимая частотность использования словосочетаний *уничтожить полностью, уничтожить совсем, уничтожить вовсе* позволяет говорить о тенденции к закреплению в языке, причиной чего может быть, с одной стороны, окказиональная спецификация денотата (*частично уничтожить, практически уничтожить, почти уничтожить*), отражающая существующую в сознании носителей языка градуированную шкалу, а не оппозицию (*уничтожить – не уничтожить*) (Козлова, 2025); с другой стороны, не следует исключать влияние на значение № 1 значения № 2, которое предполагает значительный моральный ущерб, но не исчерпывающую интенсивность действия «уничтожить».

Совсем / совершенно / абсолютно голый / обнаженный / нагой

Согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой,

голый «1. Не имеющий на себе одежды, покровов, нагой. 2. О местности: лишенный растительности. 3. перен. Взятый сам по себе, без добавлений, без прикрас. 4. полн. ф. Чистый, без всяких примесей (разг.)» (Ожегов, Шведова);

обнаженный – «от обнажить. 1. Освободить от покровов, оставить нагим» (Ожегов, Шведова);

нагой – «не имеющий на себе одежды, покровов, голый» (Ожегов, Шведова).

При этом в НКРЯ (см. табл. 2, 3, 4) очень часто встречаются словосочетания «*совсем голый*», «*совершенно голый*», реже, но в значительном количестве – «*совсем нагой*», «*совершенно обнаженный*», «*абсолютно голый*», «*совершенно нагой*»; в незначительном количестве, но отмечаются сочетания «*совсем обнаженный*», «*абсолютно нагой*», «*абсолютно обнаженный*». Рассмотрим примеры:

«Голый, голый, **совсем голый!** Как не стыдно!» (Кунгурцева В.Ю. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного);

«Наконец Кокотов затих, и ему приснилось, как он, молодой, стройный, **совершенно голый** и готовый к немедленной любви, стоит почему-то в Третьяковской галерее, в зале Врубеля, напротив панно "Принцесса Греза"» (Поляков Ю.М. Гипсовый трубач, или Конец фильма);

«Внезапно двери бокового входа растворились и в зале для зрителей появился **совершенно обнаженный** человек» (Нагишом в театре // газета «Раннее утро», 1913);

«Я стою **абсолютно голый** на балконе и вдыхаю ночную свежесть» (Евтушенко А.Г. Дневник);

«Войдя в комнату и заперев на защелку дверь, девушка быстро скинула с себя всю одежду и осталась **совершенно нагой**» (Ростовский А. По законам волчьей стаи);

«Будешь мне позировать? **Совсем обнаженная** и с ружьем?» (Дивов О. Молодые и сильные выживут);

«Благоухая, как свежесрезанный нарцисс, и **абсолютно нагой**, я вышел в коридор» (Бахтина И. По пути в никуда);

«А простой народ ходит, когда солнце греет, **совсем нагой**, а в холод накидывает на плечи какую-то тряпицу» (Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»);

«Лиза сидела **абсолютно обнаженная**, кокетливо выпячивая грудь» (Липскеров Д. Сорок лет Чанчжозэ).

Вероятно, признак «голый» («нагой», «обнаженный») предполагает некую градацию. Это суждение находит подтверждение в НКРЯ:

«Он сидел под березой рядом с собакой, **голый, в одних трусах**» (Петкевич Ю. Живые цветы зимой).

Предположим, что такая дифференциация стала возможной, так как, например, человек может быть голый снизу (до пояса), голый сверху (торс):

«Высокий, ладно скроенный Феохтистов лежал на траве, **голый по пояс**, под проливным дождем» (Козакевич Э.Г. Звезда).

«Длинный, с искусственной проседью, хвост из африканских косичек, белые джинсы, **голый торс**» (Русских А. Не спрашивай почему, или дождливое лето).

Однако НКРЯ демонстрирует и такие варианты:

«А Гнатюк, сидя на лавке в мужской бытовке (после душа, **абсолютно голый, но уже в кепке**), стал долго и смачно рассказывать целую басню про то, как в молодости помногу и подолгу любил деревенских девушек в стогу сена... и как это сено пахнет... и как колетса в неподходящий момент...» (Каминский С. Отрава);

«Теперь солдаты большею частью выходят в строй совсем нагие, с одною только повязкою по поясу и с сумкою для патронов, прочие же — кто в жилете без всякого другого платья или в одних панталонах, некоторые щеголяют в рубашках, один был **совсем нагой, но в колпаке или в шляпе и проч.**» (Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным);

«Ты был такой замечательный, **совсем голый, но в шапочке и перчатках**, — захихикала Зайка» (Донцова Д. Уха из золотой рыбки).

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово *одежда* определено как «совокупность предметов, к-рыми покрывают, облачают тело»; покров — как «1. Верхний слой, покрывающий что-н. (книжн.)». Судя по приведенным примерам, *одеждой* или *покровом* не может считаться головной убор или аксессуар, например, перчатки, закрывающие руки, т.е. конечности (не тело). Косвенно это подтверждает классификация одежды «по опиранию на тело человека: плечевые и поясные вещи, грубо говоря то, что надевается на верхнюю часть тела, и то, что надевается на нижнюю»¹. Противительная конструкция во всех приведенных примерах подчеркивает неуместность головного убора и / или аксессуара при наготе, так как эти элементы должны дополнять одежду.

При этом в НКРЯ отмечаются и такие примеры:

«Опять взвыли скрипки, и на эстраду легко выпорхнула из-за кулис пышная, розовая, **почти совершенно обнаженная женщина в легком голубом газе, залитом сверкающими блестками**» (Лавренев Б.А. Ветер).

«Лес уже **совсем голый, лишь на некоторых деревьях остатки желтой листвы**» (Харитонов М.С. Стенография конца века. Из дневниковых записей)

Таким образом, *покровом*, *одеждой* в сознании носителя языка не может считаться и элемент, прикрывающий незначительно или не прикрывающий тело или — как в последнем примере — лес.

В случае со словосочетаниями *совсем / совершенно / абсолютно голый / нагой / обнаженный* спецификации денотата как таковой не происходит, возникновение избыточности спровоцировано смешением в сознании носителя языка предметов одежды, аксессуаров, головных уборов и пр. элементов сферы моды. Одеждой, покровом не считается то, что не закрывает большую часть тела, в первую очередь того, что и должна прикрывать одежда со времени изгнания человека и Рая, — половые признаки. В связи с чем можно говорить о тенденции к активному употреблению данной группы избыточных словосочетаний.

Кроме того, полагаем, что показатели частотности стилистически обусловлены, книжные слова *нагой* и *обнаженный* как элементы большого словарного запаса человека с предположительно высоким уровнем общей культуры и широким кругозором значительно реже встречаются в избыточных конструкциях (см. табл. 3, 4). Высокий уровень использования в плеонастических словосочетаниях имеет общеупотребительное и стилистически нейтральное слово «голый».

¹ <https://bobo-team.ru/stati/odezhda>

Заключение

В процессе исследования нами были собраны, отсортированы и проанализированы плеонастические сочетания интенсификаторов со словами, имеющими исчерпывающую семантику. Отметим наличие большого количества таких словосочетаний в речи, что говорит о необходимости исследования этих языковых фактов и самой тенденции их возникновения и распространения.

В результате анализа словарных статей была доказана избыточность сочетаний интенсификаторов со словами *уничтожить*, *голый*, *нагой*, *обнаженный*. Статистический и математические методы сбора данных в НКРЯ позволили установить большую (более 40 примеров) и значительную (более 20 примеров) степени распространенности в речи носителей языка рассматриваемых словосочетаний.

При анализе примеров НКРЯ были выявлены причины возникновения плеонастических словосочетаний интенсификаторов и слов с исчерпывающей семантикой: сочетания *полностью* / *совсем* / *вовсе уничтожить* возникли в результате спецификации денотата (*частично уничтожили*, *почти уничтожили*), а также под влиянием переносного значения, которое лишено компонента «максимальная интенсивность действия»; сочетания *совсем* / *совершенно* / *абсолютно голый* / *обнаженный* / *нагой* образовались вследствие неразличения носителями языка групп терминов моды, а также отсутствия в обществе конвенционального понимания того, что следует считать одеждой. Таким образом, наша гипотеза о том, что плеонастические сочетания со словами, имеющими исчерпывающую семантику, возникают по причине развития семантики слов, подтвердилась лишь отчасти. Целесообразно говорить о множественности мотивации.

По итогам анализа семантики изучаемых речевых комплексов были определены следующие тенденции: словосочетания *полностью* / *совсем* / *вовсе уничтожить* представляются вполне жизнеспособными, однако дальнейшего дробления возникшей шкалы градации *частично уничтожили* – *почти уничтожили* – *совсем уничтожили* ожидать не приходится вследствие отсутствия необходимости такого дробления; слова *нагой*, *обнаженный*, вероятно, будут сохранять окказиональную избыточную сочетаемость в связи со своей стилистической окраской, прилагательное *голый* более перспективно для использования в плеонастических конструкциях, так как вопрос, что считать одеждой, не решен.

Исследуемая проблема возникновения и бытования плеонастических сочетаний со словами, имеющими исчерпывающее значение, представляется остро актуальной. Обнаруженные факты демонстрируют богатый потенциал языка, отражают активную фазу его развития, множественность мотивации возникновения таких явлений, что, несомненно, требует пристального внимания лингвистов.

Ограничения. 1. Интенсификатор «*полностью*» не дал показательных результатов в словосочетаниях со словами *голый* / *нагой* / *обнаженный*; интенсификатор «*абсолютно*» не имеет в НКРЯ примеров сочетаемости со словом *уничтожить* – что вызвало необходимость исключить их из демонстрационных таблиц. 2. Для иллюстрации сочетаемости слова «*уничтожить*» были выбраны формы инфинитива, родовые формы прошедшего времени и множественного числа прошедшего времени; для иллюстрации сочетаемости слов «*голый*»,

«нагой», «обнаженный» использовались формы именительного падежа единственного и множественного числа как наиболее показательные и часто используемые в речи.

Limitations. 1. The intensifier "completely" did not give any indicative results in phrases with the words naked / nude / naked; the intensifier "absolutely" has no examples of compatibility with the word "destroy" in the RNC, which necessitated excluding them from the demonstration tables. 2. To illustrate the compatibility of the word "destroy", the infinitive forms, the past tense gender forms and the past tense plural were selected; to illustrate the compatibility of the words "naked", "naked", "naked", the nominative singular and plural forms were used as the most indicative and frequently used in speech.

Список источников / References

1. Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика*. М.: Эдиториал УРСС.
Balli, Sh. (2001). *French stylistics*. Moscow: Editorial URSS (In Russ.).
2. Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык.
Efremova, T.F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation*. Moscow: Russkij jazyk (In Russ.).
3. Козлова, Е.А. (2025). Нейтрализация речевой избыточности как результат спецификации денотата. В: *Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных*, 213-219.
Kozlova, E.A. (2025). Neutralization of speech redundancy because of denotation specification. In: *Problems of semantics and pragmatics of linguistic units of different levels in the era of big language data*, 213-219. (In Russ.).
4. Лукьянова, Н.А. (1986). *Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики*. Новосибирск: Наука.
Luk'janova, N.A. (1986). *Expressive vocabulary of colloquial use: problems of semantics*. Novosibirsk: Nauka (In Russ.).
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.07.2025).
National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (viewed: 22.07.2025). (In Russ.).
6. Родионова, С.Е. (2004). Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий. *Славянский вестник*, 2, 300–313.
Rodionova, S.E. (2004). Intensity and its place among other semantic categories. *Slavjanskij vestnik*, 2, 300–313 (In Russ.).
7. Сепир, Э. (1988). Градуирование. *Новое в зарубежной лингвистике*, XVI, 43–78.
Sepir, Je. (1988). Graduation. *New in Foreign Linguistics*, XVI, 43–78 (In Russ.).
8. Словарь синонимов онлайн. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 25.07.2025).
Online dictionary of synonyms. URL: <https://sinonim.org> (viewed: 25.07.2025). (In Russ.).
9. Суворина, К.М. (1976). *Интенсивы в современном английском языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
Suvorina, K.M. (1976). *Intensives in Modern English*: Extended abstr. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow (In Russ.).

10. Терентьева, Е.В. (2014). Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 5, 134–139.
Terent'eva, E.V. (2014). Semantic content of adjectives in the function of proper intensifiers. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University by N.I. Lobachevsky*, 5, 134–139 (In Russ.).
11. Терентьева, Е.В. (2015). Интенсификация прилагательных, обозначающих собственный признак предмета. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3, 307–313.
Terent'eva, E.V. (2015). Intensification of adjectives denoting the proper attribute of an object. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University by N.I. Lobachevsky*, 3, 307–313 (In Russ.).
12. Толковый словарь русского языка. Д.Н. Ушаков. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 25.07.2025).
Explanatory Dictionary of the Russian Language. D.N. Ushakov. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (viewed: 25.07.2025). (In Russ.).
13. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 25.07.2025).
Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (viewed: 25.07.2025). (In Russ.).
14. Шейгал, Е.И. (1981). *Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке*: Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
Shejgal, E.I. (1981). *Intensity as a component of word semantics in modern English*: Diss. Cand. Sci. (Philology). Moscow (In Russ.).
15. Шипунова, Н.Б. (1990). К проблеме семантического значения интенсификаторов. В: *Логико-семантическая структура текста: межвуз. сб. науч. тр.*, 151–157.
Shipunova, N.B. (1990). On the problem of semantic meaning of intensifiers. In: *Logical-semantic structure of the text: interuniversity collection of scientific papers*, 151–157 (In Russ.).

Информация об авторе

Екатерина Александровна Козлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4139-6429>, e-mail: ek.aleks061218@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Kozlova, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Kaluga State University by K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4139-6429>, e-mail: ek.aleks061218@gmail.com

Поступила в редакцию 28.08.2025
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2025.08.28
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа
Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика
межъязыковой передачи

А.А. Щербинина✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ aa_shcherbinina2@student.mpgu.edu

Резюме

Контекст и актуальность. Перевод интертекста литературно-художественного дискурса, в частности, такой его разновидности, как новозаветные интертекстуальные маркеры, представляет собой особую сложность. При этом адекватная межъязыковая и межкультурная передача данных элементов является ключевым условием сохранения структурных уровней глубокого текста и религиозно-философского подтекста произведения. Очевидна необходимость анализа и верификации перевода новозаветных интертекстуальных маркеров. Теоретической основой исследования послужили теория интертекстуальности и теория перевода, которая способствует повышению качества межкультурной коммуникации в контексте художественного перевода культурно-специфических и религиозно-маркированных текстов. **Цель.** Ввести в научный оборот анализ нового перевода романа. Выявить и сопоставить переводческие трансформации и коррелирующие стратегии перевода, использованные при передаче новозаветных интертекстуальных маркеров в аспекте диахронии. **Гипотеза.** Переводческие трансформации, используемые для межъязыковой и межкультурной передачи интертекстуальных маркеров, коррелируют с выбранной переводческой стратегией, при этом в ряде случаев перевод, независимо от выбранной стратегии, сопровождается полной/частичной утратой интертекстуальных связей. **Методы и материалы.** Методы включают сплошную выборку новозаветных интертекстуальных маркеров и сравнительно-сопоставительный анализ переводческих трансформаций. Материал – оригинальный текст романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (по академическому изданию 1972–1990 гг.) и три перевода, выполненные Констанс Гарнетт, Р. Пивером и Л. Волохонской, Майклом Р. Катцем. **Результаты.** Составлен перечень выявленных новозаветных интертекстуальных маркеров

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

(далее - НИМ) и релевантных им отрывков Нового Завета на русском и английском языках, сопоставительная таблица НИМ и их переводов в трех версиях. Определен корпус прецедентных новозаветных текстов. Предложена классификация НИМ по типу и способу репрезентации. Выявлены переводческие трансформации и коррелирующие стратегии перевода. Определена основная причина утраты интертекстуальных связей. Предложена оптимизированная стратегия перевода НИМ. **Выводы.** Показано, что структура НИМ коррелирует с фактом его сохранения/утраты при переводе. Доминирующий способ перевода эксплицитных НИМ - использование канонического аналога, имплицитных НИМ - нулевая трансформация, в ряде случаев приводящая к утрате НИМ во вторичном тексте. Базовой стратегией перевода на протяжении всей истории бытования романа «Братья Карамазовы» в англо-американской среде является доместификация с элементами адаптации, при этом отражающая переводческие и литературные тенденции эпохи. В аспекте диахронии наблюдается прогрессирующее увеличение степени экспликации новозаветных интертекстуальных маркеров в результате использования переводчиками метадискурсивных элементов (сносок и комментариев), что нарушает интенцию автора оригинального произведения. Рекомендовано использование концептуально-ориентированной стратегии с опорой на экспертное (филологическое и богословское) знание для выявления и адекватной передачи интертекстуальных связей, а, следовательно, всех структурных уровней произведения.

Ключевые слова: интертекстуальный маркер, перевод культурно и религиозно маркированных текстов, Достоевский, Новый Завет

Для цитирования: Щербинина, А.А. (2026). Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи. *Язык и текст*, 13(1), 90—107. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130107>

Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation

A.A. Shcherbinina✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ aa_shcherbinina2@student.mpgu.edu

Abstract

Context and relevance. The translation of the intertext of literary and artistic discourse, in particular its varieties, such as New Testament intertextual markers, poses a particular difficulty. At the same time, adequate cross-lingual and cross-cultural transmission of these elements is a key condition for preserving the structural levels of the deep text along with religious and philosophical subtexts of the literary work. The

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

necessity to analyze and verify the translation of New Testament intertextual markers is obvious. The theoretical basis of the study were the theory of intertextuality and the translation theory, which contributes to improving the quality of cross-cultural communication in the context of literary translation of culturally specific and religiously marked texts. **Goal.** To introduce the analysis of a new translation of the novel into the scientific circulation. To identify and compare translation techniques and correlating translation strategies used in the transmission of New Testament intertextual markers in the aspect of diachrony. **Hypothesis.** The translation techniques used for cross-lingual and cross-cultural transmission of the intertextual markers correlate with the chosen translation strategy, and in some cases translation, regardless of the chosen strategy, is accompanied by a total/partial loss of intertextual links. **Methods and materials.** The methods include continuous sampling of the New Testament intertextual markers and comparative analysis of translation techniques. The material is the original text of the F.M. Dostoevsky's novel «Brothers Karamazov» (according to academic edition 1972-1990) and its three translations by C. Garnett, R. Pevear and L. Volokhonsky, Michael R. Katz. **Results.** A list of identified New Testament intertextual markers (hereinafter referred to as NIM) and relevant New Testament passages in Russian and English has been compiled, as well as a comparative table of NIM and their translations in three versions. The corpus of precedent New Testament texts is determined. The classification of NIM by type and mode of representation is proposed. Translation techniques and correlated translation strategies are identified. The main cause of loss of intertextual links is revealed. An optimized NIM translation strategy has been proposed. **Conclusions.** The structure of NIM has been shown to correlate with the fact of its preserving/loss during translation. The dominant translation technique of the explicit NIM transmission is to use a canonical analog, while the one of the implicit NIM transmission is a zero transformation, in some cases leading to the loss of NIM in the secondary text. The basic translation strategy throughout the existence of the novel "The Brothers Karamazov" in the British-American environment is domestication with elements of adaptation reflecting the translation and literary trends of the era. In the aspect of the diachrony, there is a progressive increase in the degree of explication of the NIM due to the use of metadiscourse elements (footnotes and comments) by translators that violates the intention of the original literary work's author. It is recommended to use a concept-oriented strategy based on expert (philological and theological) knowledge in order to identify and adequately transmit intertextual links, and therefore all structural levels of a literary work.

Keywords: intertextual marker, translation of the culturally and religiously marked texts, Dostoevsky, New Testament

For citation: Shcherbinina, A.A. (2026). Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation. *Language and Text*, 13(1), 90—107. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130107>

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

Введение

В современной гуманитарной науке наблюдается устойчивый интерес к феноменам интертекстуальности и прецедентности. Евангельский текст, являясь универсальным культурным архетипом, выступает в качестве прецедентного и детерминирует смысловую организацию многих художественных произведений. Идеальным примером служит роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», пронизанный многослойными новозаветными элементами, что обусловлено центральностью евангельских сюжетов и образов для творчества писателя.

Произведения Ф.М. Достоевского переведены за всю историю более чем на 170 языков мира¹, при этом продолжают появляться новые переводы: «Достоевский современен», следовательно, «переводы неизбежны» (Захаров, 2024). Тексты романов и их переводов представляют собой богатый материал для исследования с позиций разнообразных гуманитарных наук, включая лингвистику и переводоведение, и позволяют проследить как общие, так и частные тенденции развития языка и переводческой мысли.

В связи с вышесказанным остро стоит проблема перевода таких «глубоких текстов» как достоевский роман, особенность которых заключается в том, что связи между словами в них формируются на разных уровнях, и несовпадение смысловых полей слов в различных языках приводит к изменению или утрате этих связей (Касаткина, Кузнецова, 2020), а также смыслообразующих интертекстуальных элементов, входящих в состав вышеуказанного типа текстов. Неадекватная межъязыковая и межкультурная передача интертекстуальных маркеров Нового Завета влечет за собой утрату одного или нескольких структурных уровней произведения, искажение смысла (семантические сдвиги), а также нарушение авторской интенции. По мнению исследователя Литинской Е.П. «Переводчики, выступая интерпретаторами авторской идеи, нередко нарушают стратегию Достоевского, основанную на сотрудничестве с читателем» (Литинская, 2024).

Проблематика евангельского подтекста у Достоевского получила широкое освещение в трудах российских и зарубежных исследователей. Борисова В.В. приводит библиографию работ, посвященных роли Евангелия в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского, выделяя следующие: Плетнев Р. «Достоевский и Евангелие» (1930); Коган Г.Ф. «Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя)» (1966); Kjetsaa G. «Dostoevsky and his New Testament.» (1984); Балашов Н.В. «Спор о русской Библии и Достоевский» (1996); Тихомиров Б.Н. «Достоевский цитирует Евангелие (заметки текстолога)» (1996); Сальвестрони С. «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского» (2001); Касаткина Т.А. «О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» (2004); Захаров В.Н. «Достоевский и Евангелие» (2010); Касаткина Т.А. «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» (2019) и др., и анализируя с позиций текстологии евангельские источники произведений, констатирует существование «объединяющего все переводные варианты евангельского интертекста Достоевского», неизбежно включающего вариативное представление различных библейских переводов, пересказов и переложений, их

¹ По данным «Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского» на 2023 г. <https://dostoevsky.kz/dostoevskij-na-yazykah-mira/>

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

контаминацию, а также важность для полноценной интерпретации произведений указание как на библейский источник, так и на конкретное издание Нового Завета (Борисова, 2024).

Остановимся подробнее на узкоспециальных работах, в которых осмысляется новозаветный интертекст рассматриваемого нами произведения Ф.М. Достоевского.

Исследованием прецедентного интертекста в романе «Братья Карамазовы», а именно в поэме «Великий Инквизитор», являющейся его частью, занималась Дергачева И.В. На примере интертекстуального анализа и интерпретации новозаветных цитат показано, как «прямое и косвенное цитирование текстов, вошедших в наследие мировой культуры, создает насыщенный аксиологическими смыслами текст, призванный воздействовать на духовное пространство читателя, обогащая его и ориентируя на правильное понимание вечных истин» (Дергачева, 2021).

Гумерова А.Л. отмечает особую роль библейских цитат в композиционном построении произведений Ф.М. Достоевского. По мнению исследователя, каждая цитата организует роман «Братья Карамазовы» и «притягивает» в него «сакральный текст Священного писания». Вследствие чего роман приобретает свойство «сплошного контекста», в котором постоянно взаимодействуют, образуя сложные переплетения, цитаты из Священного Писания, «формируя образ мира как христианской мистерии» (Гумерова, 2022).

Сиганова В.В. в диссертационном исследовании, посвященном новозаветным репрезентациям в романе «Братья Карамазовы» детально рассматривает присущие им следующие лингвориторические функции: инвентивную, диспозитивную, элокутивную, и приходит к выводам о том, что во-первых, репрезентации в динамике играют первостепенную роль в создании первичного сюжета и формировании архетипического ядра романа, а не «вспомогательных иллюстраций проповеднического характера»; во-вторых, текст романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» представляет собой «семиотическую фиксацию» художественно-религиозного, проповеднического типа дискурса (Сиганова, 2007).

Следует заметить, что большинство работ сосредоточено на литературоведческом и философском анализе, тогда как лингвистический аспект интертекстуальных маркеров, особенно в контексте перевода, остается недостаточно изученным.

Вопросы перевода интертекста рассматриваются в рамках современного переводоведения. Рыжаковым В.С. предлагается библиография работ, посвященных теории перевода интертекста: Г.В. Денисовой «В мире интертекста: язык, память, перевод» (2003 г.), М.Л. Малаховской «Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте» (2007 г.), А.А. Гусевой «Интертекстуальность как переводческая проблема» (2009 г.), Л.Н. Луньковой «Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод» (2011 г.), М.В. Игнатович «Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века» (2011 г.), Н.А. Солуяновой «Проблема интертекстуальности в переводе» (2013 г.) и др. (Рыжаков, 2025). При этом применительно к достоевским текстам системных исследований почти не существует.

Васильченко Т.В. монографически описала все 7 существовавших на момент исследования (2007 г.) англоязычных переводов романа «Братья Карамазовы» как целостную динамическую систему в контексте переводческих тенденций англоязычной культуры XX в.

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

Исследователь выявила общую тенденцию адаптации текста романа, ведущую к потере того или иного смыслового пласта, вследствие чего актуализируется другой: «Специфика бытования романа «Братья Карамазовы» в англоязычной культуре XX в. определяется ее особым вниманием к социально-политическим, юридическим, морально-этическим вопросам, поставленным Достоевским в его последнем романе» (Васильченко, 2007).

Захаров В.Н. постулирует тезис о «неизбежности» появления новых переводов произведений Ф.М. Достоевского, каждый из которых – «интерпретация», имеющая последствием дополнение и расширение семантики оригинального текста и увеличивающая корпус текстов Ф.М. Достоевского. Особого внимания заслуживает отмеченный исследователем парадокс: «даже в неудачных переводах Достоевский оставался Достоевским» (Захаров, 2024).

Материалы и методы

На сегодняшний день более чем столетняя история переводов произведения на английский язык насчитывает 8 вариаций. Далее представлен список переводчиков с указанием года публикации в хронологическом порядке:

1. Констанс Клара Гарнетт (Constance Clara Garnett) (1912 г.), редакции: Авраам Ярмолинский (1933 г.), Александра Кропоткина (1949 г.), Ральф Метлоу (Ralph E. Matlaw) – статус учебной литературы (1976 г.), Сьюзан МакРейнолдс (Susan McReynolds (2011)),
2. Дэвид Магаршак (David Magarshack) (1958 г.),
3. Эндрю Р. МакЭндрю (Andrew R. MacAndrew) (1970 г.), США,
4. Ю. Кацер (1980 г.),
5. Ричард Пивер (Richard Pevear) и Лариса Волохонская (Larissa Volokhonsky) (1990 г.),
6. Дэвид МакДафф (David McDuff) (1993 г.), Англия,
7. Игнат Авсей (Ignat Avsey) (1994 г.),
8. Майкл Р. Катц (Michael R. Katz) (2023 г.).

Для целей анализа в аспекте диахронии в качестве материала для исследования нами были выбраны три ключевых перевода произведения: первый, выполненный английской писательницей Констанс Кларой Гарнетт в 1912 году, особенностью которого является актуализация социально-политической проблематики, обусловленная исторической ситуацией и персональными интересами переводчицы. Евангельский эпиграф и предисловие от автора были полностью исключены Гарнетт из текста перевода, что расценивается в качестве «принципиальной позиции» (Васильченко, 2007). Как отмечают исследователи, в целом для англо-американской переводческой мысли начала 20 века характерна тенденция вольного обращения с оригиналом при отсутствии развитой теоретической базы. Тем не менее, перевод К. Гарнетт имеет статус классического и с момента своего появления неоднократно редактировался на протяжении 20 века, а также в 21, причем сравнительно недавно – 2011 г., что подтверждает его актуальность.

Второй перевод, избранный для анализа, - наиболее популярная и получившая широкое международное признание за точность и близость к оригиналу работа русско-американского тандема Р. Пивера и Л. Волохонской, опубликованная в 1990 году. Отличительной чертой

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

является ориентация на труды М. Бахтина, исследовавшего феномен Достоевского как художника. Применение методологии, сосредоточенной на «проблемах поэтики» (Бахтин, 1972) Достоевского, позволило переводчикам выйти на новый уровень рецепции произведения, охватывающий не только социально-политическую, но и религиозно-философскую проблематику романа «Братья Карамазовы». Тексту перевода сопутствуют развернутое предисловие, список персонажей, многочисленные комментарии, а также объемный раздел примечаний, посредством которых Р. Пивер и Л. Волохонская акцентируют «полифоническую сущность» произведения (Васильченко, 2007).

Третий и последний из современных переводов выполнил в 2023 году почетный профессор русистики и восточноевропейских исследований Миддлбери колледжа США Майкл Р. Катц, известный своими переводами произведений русской классической литературы на английский язык (более 15 романов). Как отмечает Майкл Р. Катц, во время создания нового перевода он стремился найти баланс между точностью и доступностью для целевой аудитории – широкой публики и учащихся средних и высших учебных заведений. При этом, в примечании к переводу автор указывает на свою попытку передать речевой идиостиль каждого персонажа и «риторическое красноречие особо значимых отрывков, в которых герои выражают свои глубочайшие религиозные убеждения» (Катц, 2023), в частности – главы о жизни и учении старца Зосимы. Переводчик исключает «ненужные, на его взгляд, повторы», фамилии, отчества, уменьшительно-ласкательные формы русских имен, но сохраняет смыслообразующие повторы. Таким образом, переводчик продолжает традиционное для бытования романа в англоязычной среде на протяжении 20 века следование стратегии адаптации и доместификации.

В ходе исследования экспозиционной части романа, включающей книги «История одной семейки», «Неуместное собрание» и «Сладострастники», в которых закладывается матрица всех будущих конфликтов романа, а также его религиозно-философская проблематика, на предмет присутствия новозаветного интертекста выявлены и отобраны методом сплошной выборки 22 интертекстуальных маркера. Далее выполнен поиск релевантных стихов в тексте Нового Завета (Синодальный перевод) и параллельных им в тексте англоязычного Нового Завета (Библия короля Иакова (King James Version)), идентифицирован корпус прецедентных новозаветных текстов: Четвероевангелие (Евангелие от Матфея – 8, от Марка – 4, от Луки – 5, от Иоанна – 4), Апостольские послания (Послание св. апостола Павла к Римлянам, Колоссянам, Филиппийцам), Деяния. На следующем этапе проведен сравнительно-сопоставительный анализ переводческих трансформаций и стратегий, к которым прибегали авторы исследуемых англоязычных версий романа.

Результаты

В результате исследования составлен перечень выявленных НИМ и релевантных им отрывков Нового Завета на русском и английском языках, сопоставительная таблица НИМ и их переводов в трех версиях. На основании структурных характеристик НИМ были распределены на два вида: эксплицитные и имплицитные. Также проведена классификация в зависимости от способа репрезентации (точная цитата, трансформированная цитата (в т.ч. намеренно искаженная), контаминированная цитата (контаминация), реминисценция, парафраз (перифраз), аллюзия, антропоним (фондовый оним), топоним (Федорова, Дробинина,

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

2023). В данном исследовании мы опираемся на определение понятие «цитата» Фатеевой Н.А. - «воспроизведение двух и более компонентов текста-донора с собственной предикацией». (Фатеева, 2007). Базой послужили классификации Тихомирова Б.Н. и Гумеровой А.Л., дополненные нами с учетом цели данного исследования.

Общее количество эксплицитных новозаветных маркеров составляют 9 интертекстуальных элементов, 3 из которых репрезентированы в виде точных цитат, 2 облечены в форму трансформированных цитат, 2 парафраза (перифраза), 1 представляет собой контаминацию и 1 - фоновый оним;

Имплицитные НИМ превышают количество эксплицитных более, чем в 1.5 раза и составляют 14 элементов: 1 точная цитата, 4 трансформированные (в т.ч. 3 искаженные), 5 реминисценции, 3 аллюзии, 1 парафраз (перифраз).

Всего идентифицировано 4 точные цитаты, 6 трансформированных цитат, 5 реминисценции, 3 аллюзии, 3 парафраза (перифраза), 1 контаминация, 1 фоновый оним.

Новозаветные топонимы в анализируемой тексте первой части романа отсутствуют, при этом имеют место в тексте других частей (например, «Кана Галилейская» - название одной из ключевых глав романа и пр.)

Выявлено, что для передачи новозаветного интертекста переводчики прибегали к следующим приемам:

- использование канонического аналога;
- нулевая трансформация (дословный перевод);
- семантическая модуляция;
- добавление;
- опущение;
- генерализация;
- нейтрализация;
- экспликация посредством графического выделения (кавычки, в т.ч их перестановка);
- ссылки на источник с указанием библейского стиха;
- пояснительные комментарии;

Эксплицитные маркеры в зависимости от способа репрезентации передавались следующими способами:

Точная цитата - канонический аналог («Господь мой и бог мой!» - «**My Lord and my God!**»); расширенный канонический аналог, а именно восстановление усеченной цитаты («Ныне отпускаеши» - «**Lord, now lettest Thou Thy servant depart in peace**»), в том числе сопровождаемые сноской с указанием новозаветного стиха.

Трансформированная цитата - точный канонический аналог («Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет» - «**Rachel of old 'weeping for her children, and she would not be comforted, because they are not.'**»); трансформированный канонический аналог «-«**the story of Rachel in the Bible 'weeping for her children and who would not be comforted because they were no more'**», сопровождаемые сносками; нулевая трансформация («церковь есть царство не от мира сего» - «**the Church is a kingdom not of this world.'**»).

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

Антропоним - канонический аналог (**Апостол Фома - The Apostle Thomas**).

Перифраз - нулевая трансформация + комментарий; конкретизация-использование библейского образа (**самое малое даже зерно - mustard seed**).

Контаминация - опущение, добавление с комментариями, нулевая трансформация (см. пример 7), а также буквальный перевод с использованием канонического аналога, в том числе расширенного.

Парафраз - нулевая трансформация (**«Не поверю, пока не увижу» - «I will not believe until I see»**).

Для передачи имплицитных маркеров переводчики прибегали к следующим приемам:

Точная цитата - нулевая трансформация; частично трансформированный канонический аналог (см. пример 2).

Трансформированная цитата - собственно нулевая трансформация; нулевая трансформация с использованием канонических лексем и их сочетаний; графическое выделение (**И нечего смущать себя временами и сроками** - And there is no need to be troubled by 'the times and the seasons,'*).

Аллюзия - нулевая трансформация, в некоторых случаях сопровождаемая комментарием («От Востока звезда сия воссияет» - This is the star that will rise in the East. *See Matthew 2:2).

Парафраз - канонический аналог; канонический аналог с заменой лексики оригинала («Кто меня поставил **делиться** между ними - заявил он только с улыбкой Алеше» - «Who has made me **a judge** over them?» was all he said, smilingly, to Alyosha.»), комментарий.

Реминисценция - буквальный перевод, в т.ч. со ссылкой на Новозаветный стих (**Сделайте, что можете, и сочтется вам.** - Do what you can and it will be counted unto you. *See Romans 4:3), буквальный перевод с опущением.

Обсуждение результатов

Остановимся подробнее на некоторых примерах передачи НИМ.

1. «Может быть, на юношеское воображение Алеша сильно подействовала эта **сила и слава**, которая окружала непрерывно его старца <...>» Ч. 1, кн. 1, гл. 5, с. 28.

В данном фрагменте словосочетание «сила и слава» - имплицитный НИМ, репрезентированный в виде точной цитаты из молитвы «Отче Наш» (Евангелие от Матфея 6:13): «Ибо Твое есть Царство и **сила и слава** вовеки». Параллельный стих в Библии Короля Иакова выглядит следующим образом: «For thine is the kingdom, and **the power, and the glory**, for ever» (Matthew 6:13).

По мнению исследователей Т.А. Касаткиной и А.Б. Кузнецовой для правильной интерпретации важно учитывать, что в контексте Евангелия, «сила и слава» - это атрибуты Господа. Герой романа Алеша Карамазов, переносит их на старца Зосиму, в результате чего оказывается в духовном тупике и переживает острый кризис веры. «Достоевский, как всегда, ставит и решает задачу, определив для нее экстремальные параметры: самый идеальный старец может заслонить Бога самому идеальному послушнику» (Касаткина, Кузнецова, 2020).

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

Очевидно, для адекватной передачи и сохранения всех образных коннотаций переводчику следует использовать в качестве эквивалента канонический аналог лексем «сила и слава», т.е. «the power, and the glory».

Констанс Гарнетт использует слова соответственно «power» и «fame»: «Possibly his youthful imagination was deeply stirred by **the power** and **fame** of his elder.» Слово «fame» означает состояние известности, признания, имеет более широкую семантику, и в отличие от «glory» не употребляется в религиозном контексте. Таким образом, интертекстуальный маркер можно считать сохраненным частично.

Р. Пивер и Л. Волохонская выбрали аналогичные лексемы «power» и «fame» в качестве эквивалентов: «It may be that Alyosha's youthful imagination was deeply affected by **the power** and **fame** that constantly surrounded his elder».

В третьем переводе Майкл Р. Катц использует лексемы «strength» и «fame»: «Perhaps it was **the strength** and **fame** that constantly surrounded his own elder that made a strong impression on his youthful imagination.» «Strength» относится к способности совершать действия, требующие больших физических или ментальных усилий, в то время как power - к контролю над людьми или событиями, а также может означать государственную и иные органы власти. Интертекстуальная связь полностью утрачена.

В продолжении отрывка наблюдается неоднократный рефрен лексем «сила» и «слава», что является важным для развития концепта и мысли автора: «Алеша <...> вполне уже верил в **духовную силу** своего учителя, и **слава** его была как бы собственным его торжеством».

Майкл Р. Катц опускает лексему «слава» (вероятно, стремясь избавиться от лексического повтора), что приводит к семантическому сдвигу: торжеством становится не слава, а духовная сила: «Alyosha <...> believed completely in the **spiritual power** of his teacher, and even seemed to regard it as his own personal triumph.» (подстрочник: Алеша <...> верил полностью в духовную силу своего старца, и даже, казалось, расценивал ее как свое собственное торжество). Пример показателен, при этом проявляет авторскую стратегию адаптации.

2. «**Учитель!** — повергся он вдруг на колени, — что мне делать, чтобы **наследовать** жизнь вечную?» Ч. 1, кн. 2, гл. 2, с. 41

Данный фрагмент является имплицитным маркером, очевидной и точной цитатой из Евангелия от Луки (Лк. 10:25): «**Master**, what shall I do to **inherit** eternal life?» (Luke 10:25) - слова, с которыми законник обратился к Христу, и названные в Писании искушением. В романе Федор Павлович Карамазов адресует их старцу Зосиме. Во всех трех переводах эквивалентом слову учитель избрано «**teacher**», регулярное соответствие, не вызывающее ассоциаций с Евангельским текстом, в котором употреблена лексема «**Master**», охватывающая понятия «господин», «владыка», «наставник». Слово «teacher» имеет более узкое значение и не используется в Библии Короля Иакова. При этом в переводе Майкла Р. Катца обращение дополнено междометием «Oh» («**Oh, teacher!**» - «О, учитель!»), в современном английском языке выражающим эмоциональный возглас. В первом и третьем переводе использован прием генерализации: глагол «наследовать» заменен на «**gain**», имеющий более широкую семантику (получать, зарабатывать, добиваться и пр.), чем глагол «**inherit**» - наследовать, употребленный в Евангелии и во втором переводе. При этом, тексты переводов Р. Пивера и М.Р. Катца

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

сопровождаются сносками с указанием релевантного новозаветного стиха, из чего следует, что цитата была выявлена переводчиками.

3. **«В ту же меру мерится, в ту же и возмерится, или как это там... Одним словом, возмерится»** Ч. 1, кн. 3, гл. 8, с. 122

Указанная реплика Федора Павловича является имплицитным маркером, репрезентированным в форме искаженной цитаты. В Евангелии от Луки читаем: «ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лк 6:38), **«For with the same measure that ye mete withal it shall be measured to you again»** (Luke 6:38). Обратим внимание на использование Ф.М. Достоевским приема «ошибки героя» для создания образа и характеристики персонажа, что необходимо отражать в переводе. Тихомиров Б.Н. указывает на то, что подобные отступления от сакрального текста формируют функционально важный для художественного произведения смысловой сдвиг (Тихомиров, 2006).

Констанс Гарнетт использует канонический эквивалент, заменяя слово «the same» - *та же* словом «what» - *какой*, и исключая «withal» - *тою же*: **«For with what measure ye mete it shall be measured to you again,»** от *how does it go? Anyhow, it will be measured.*», при этом заключает часть фразы в кавычки, тем самым сохраняет интертекстуальную связь, но нарушает интенцию автора, эксплицируя цитату, намеренно имплицированную Ф.М. Достоевским.

Р. Пивер и Л. Волохонская также используют канонический эквивалент, при этом в примечании компенсируют лексико-стилистические потери посредством сноски с указанием на евангельские стихи и замечания-интерпретации: «Luke 6:38. Fyodor Pavlovich misquotes».

Майкл Р. Катц прибегает к использованию точного канонического эквивалента, при этом выделяя цитату и рефрен графически, а также дополняет перевод сноской с указанием евангельского стиха: **«For with the same measure that ye mete withal it shall be measured to you again,»*** or however it goes.... In a word, **«it shall be measured to you.»** Таким образом, исключается возможность правильной интерпретации читателем образа героя через речевой портрет, а также деформируется стратегия автора, основанная на сотрудничестве с читателем².

4. **«А об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно.»** Ч. 1, кн. 2, гл. 3, с. 48

Данная фраза, принадлежащая старцу Зосиме, - имплицитный НИМ, репрезентированный в форме трансформированной цитаты с заменой количественной лексемы «девятина девять» в тексте Евангелия от Луки на «десять» в тексте романа. Релевантный стих – «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девятинах девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.» (Лк 15:7), «I say unto you, that likewise joy shall be in heaven over one sinner that repenteth, more than over ninety and nine just persons, which need no repentance» (Luke 15:7).

Констанс Гарнетт переводит фразу дословно, при этом прибегает к грамматической перестановке: «сказано давно» («It has been said of old») переносит в начало предложения: **«It has been said of old that over one repentant sinner there is more joy in heaven than over ten righteous**

² «Его (Достоевского) тексты открыты для читательского сотрудничества, в записях для себя он прямо говорит об этом: «Пусть потрудятся сами читатели» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 303]» (Касаткина, Кузнецова, 2020).

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

men.», и использует устойчивый архаичный оборот «to be said of old», позволяющий передать стиль и эмоциональное воздействие оригинала.

Второй вариант перевода: «And there is more joy in heaven over one repentant sinner than over ten **righteous men** * — that was said long ago.» также является нулевой трансформацией, при этом с сохранением синтаксической последовательности. Переводчики используют сноску с указанием евангельского стиха для передачи НИМ: * And there is more joy ...: see Luke 15:7.

Третий перевод «Long ago it was said that there is more rejoicing in heaven over one repentant sinner than over ten men who are **righteous**.*» также сопровождается библиографической ссылкой (*See Luke 15:7.), при этом дополнен эксплицирующим комментарием с указанием ключа к интерпретации: «the parable of the prodigal son» (притча о блудном сыне).

Примечательно, что во всех трех переводах лексема «праведники» передана с помощью словосочетания «**righteous men**», отличного от канонического соответствия «**just men**». В современном английском лексема «**righteous**» в первом значении – *праведный, добродетельный*, во втором – *справедливый*. Лексема «**just**» также имеет значение «праведный», но обозначенное в словаре устаревшим, современными являются: 1) «обоснованный», «законный»; 2) «справедливый». В контексте Нового Завета прилагательные не являются абсолютными синонимами. Разница в коннотативных оттенках критически важна, т.к. отличает формальную праведность («just»), заключающуюся в следовании букве Закона, от истинной праведности («righteous»), фундаментом которой являются вера во Христа и деятельная любовь (Бухарев, 2013).

Таким образом, при передаче интертекстуального маркера наблюдаются деформации на уровне семантики и символики.

5. Старец Зосима в развернутом споре о церковном суде выражает идеал «Вселенской Церкви» и заключает словами: «Сие и буди, буди, хотя и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! **И нечего смущать себя временами и сроками**, ибо тайна времен и сроков в мудрости божией, в предвидении его и в любви его.» *Ч. 1. Кн. 2, гл. 5, с. 61* - *имплицитный маркер, трансформированная цитата* отсылает к евангельскому «Он же сказал им: **не ваше дело знать времена или сроки**, которые Отец положил в Своей власти, <...>» (Деяния апостолов 1:7), And he said unto them, **It is not for you to know the times or the seasons**, which the Father hath put in his own power (Acts 1:7).

В каждом из трех переводов используется канонический аналог из Библии Короля Иакова – **times and seasons**, Р. Пивер и Л. Волохонская, М.Р. Катц сопровождают переводы ссылками с указанием евангельского отрывка, при этом М.Р. Катц графически выделяют словосочетание кавычками, тем самым дважды акцентирует интертекстуальную связь: «And there is no need to be troubled by '**the times and the seasons**,'* because the mystery of the times and the seasons is the wisdom of God, in His knowledge of the future, and His love.». Примечательным отличием третьего перевода является передача лексемы «**предвидение**» - «**knowledge of the future**»: при существовании регулярного словарного соответствия «**foresight**», использованного Констанс Гарнетт, Р. Пивером и Л. Волохонской, Майкл Р. Катц прибегает к описательному переводу, эксплицируя семантику слова стилистически нейтральными лексемами, которые при этом являются общеупотребительными, обиходными (high-frequency words), что характерно для

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

стратегии адаптации, включающую реализацию современной концепции «простого языка» (plain language) (Борисова, Космарская, 2024).

6. Следующая реплика старца «И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, **при дверях**. Сие последнее буди, буди.» *Ч. 1, кн. 2, гл. 5, с. 61* в контексте рассуждений о преображении общества в церковь – *имплицитный маркер, аллюзия* на новозаветный стих «так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, **при дверях**.» (Мф 24:33), «So likewise ye, when ye shall see all these things, know that it is near, **even at the doors**. (Matthew 24:33). В первом и третьем переводе используется идиома **be close at hand** – в буквальном значении «быть под рукой», в метафорическом- «очень близко в пространстве или времени», таким образом, семантически перевод точен, при этом образные коннотации, связанные с евангельским контекстом-ожиданием второго пришествия Христа, сохранение которых можно было бы обеспечить с помощью точного канонического соответствия «**even at the doors**», утрачиваются.

При передаче словосочетания «при дверях» Р. Пивером и Л. Волохонской наблюдаем трансформацию грамматической категории числа: множественное число в исходном тексте романа (и новозаветном стихе Библии Короля Иакова «**at the doors**») изменяется на единственное число. Вероятно, новозаветная аллюзия была интерпретирована в качестве устойчивого выражения/метафоры и переведена с помощью фразеологического эквивалента «**at the door**» - для которой характерно единственное число лексемы «**door**». Архаичный стиль оригинала не передан.

7. «Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться, **«горняя мудрствовати и горних искати, наше бо жительство на небесех есть»** - слова старца Зосимы, обращенные к Ивану Карамазову - эксплицитный маркер, контаминированная цитата - «акт экзегетики» (Тихомиров, 2006) восходит к следующим Посланиям апостола Павла:

1) «Итак, если вы воскресли со Христом, то **ищите горнего**, где Христос сидит одесную Бога;

о горнем помышляйте, а не о земном» (Кол 3:1-2), «If ye then be risen with Christ, If ye then be risen with Christ, **seek those things which are above**, where Christ sitteth on the right hand of God. **Set your affection on things above**, not on things on the earth. (Col. 3:1-2) и

2) «**Наше же жительство — на небесах**, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» (Фил 3:20), «**For our conversation is in heaven**; from whence also we look for the Saviour, the Lord Jesus Christ» (Phil 3:20).

Перевод Констанс Гарнетт выглядит следующим образом: «**of thinking and seeking higher things, for our dwelling is in the heavens**» - **буквальный перевод, за исключением опущения** – дважды повторяющаяся в исходном предложении лексема «горняя» употреблена только один раз – очевидно, автор избавляется от рефрена, следуя стратегии доместификации, т.к. лексический повтор в рамках одного предложения неестественен для английского языка, при этом утрачивается эффект усиления, достигнутый в исходном предложении в результате стилистического повтора. Реляция между НИМ и англоязычной версией библейского стиха трудна для восстановления, т.к. в Новом Завете Библии Короля Иакова используется

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

словосочетание **«set your affection»** - буквально: «сосредоточить свою привязанность», принадлежащее к полю эмотивной лексики высокого стиля, у К. Гарнетт - глагол **«think»** - думать, высокочастотная единица, нейтрального стиля, относящаяся к полю ментальной лексики. Также семантический компонент исходного церковнославянского глагола **«мудрствовати»** - думать, разбирать, сохраняется в отличие от стилистического компонента. Для передачи слова «жительство» переводчица использовала лексему **«dwelling»** – проживание, пребывание, относящееся к книжной, поэтической лексике, создающей стилистический эффект. В каноническом английском тексте употреблено слово **«conversation»** в значении «образ жизни», являющееся архаичным и контекстным для Нового Завета. Таким образом, близость к тексту романа сохранена, но интертекстуальная связь с Новым Заветом частично утрачивается.

Р. Пивер и Л. Волохонская прибегают к приему опущения - словосочетание «горних искати» не передано во вторичном тексте, глагол «мудрствовати» передан с помощью словосочетания **«to set your mind»** - буквально «сосредоточить свой ум», сохраняющим значение исходной единицы перевода, при этом вызывающим ассоциации с текстом Писания по причине сходства синтаксической конструкции и сохраненного смыслового глагола (**to set your affection**). Лексема «жительство» передана с помощью технического приема *добавление* - *true homeland* - буквально «истинное отечество», эксплицирующего теологические коннотации. Примечателен факт того, что лексема «небеса» передана с изменением категории числа: множественное число изменено на единственное в тексте перевода (**heaven**), грамматически соответствующее тексту Священного Писания. В дополнение авторы второго перевода указывают в комментарии на контаминацию и используют сноски с указанием новозаветных стихов: «to set your mind on things that are above, for our **true homeland** is in heaven. to set. ... in heaven: a conflation of Colossians 3:2 and Philippians 3:20». Таким образом, очевидна стратегия адаптации. Перевод Майкла Р. Катца совпадает с переводом Констанс Гарнетт, при этом дополнен библиографической сноской с указанием одного из двух новозаветных стихов-источников, что в целом соответствует стратегии адаптации при сохранении интертекстуального маркера.

Заключение

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Доминирующим приемом перевода эксплицитных НИМ является использование канонического соответствия, имплицитных – нулевая трансформация, что в ряде случаев приводит к утрате интертекстуальных связей, и как следствие - семантическим сдвигам и деформации и/или нивелированию значимых концептов. Для перевода конца 20 века и первой четверти 21 века в отличие от первого перевода характерно дополнительное графическое выделение интертекстуальных маркеров кавычками и систематическое включение метатекстовых элементов: сносок с указанием источника новозаветного интертекстуального элемента, а также информационно-пояснительных комментариев.

2) В текстах переводов Р. Пивера и Л. Волохонской, Майкла Р. Катца каждый случай выявления новозаветных маркеров сопровождается библиографической сноской и/или комментарием, что перегружает текст и нарушает стратегию Ф.М. Достоевского. В этой связи обоснованной представляется позиция, утверждающая отсутствие необходимости в

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

использовании подобных ссылок, т.к. Новый Завет – базовый и узнаваемый текст для большинства культурных ареалов человечества, в том числе англо-американского (Маццола, 2018). С другой стороны, необходимо констатировать, что знакомство современного читателя с текстом Нового Завета носит недостаточно глубокий для адекватной рецепции и декодирования интертекстуальных связей в текстах романов Ф.М. Достоевского характер, что детерминирует неизбежность комментирования с целью моделирования фоновых знаний читателя.

3) Для адекватной межъязыковой передачи НИМ необходимо применение концептуально-ориентированной стратегии с опорой на экспертное знание. Компетентность в области филологии и богословия критически важны для выявления евангельского интертекста, правильной интерпретации стоящих за ним концептов, а также сохранения и передачи всех уровней (сюжетного, исторического, символического, аналогического) переводимого произведения.

4) В аспекте диахронии наблюдается прогрессирующее увеличение степени экспликации новозаветных интертекстуальных маркеров, являющееся результатом использования переводчиками метадискурсивных элементов, а именно сносок и комментариев. Несмотря на очевидную интенцию переводчиков Р. Пивера и Л. Волохонской, а также М.Р. Катца, сохранить и акцентировать интертекстуальные связи, потери в текстах переводов составили 10% и 9% соответственно. Данный факт обусловлен тем, что скрытый интертекст не был идентифицирован. Количественный анализ позволил обнаружить факт утраты в тексте перевода романа, выполненном К. Гарнетт, 20% интертекстуальных элементов. Важно отметить, что во всех случаях потери составляют исключительно имплицитные маркеры.

5) Прослеживаемая на протяжении 20 века стратегия «доместификации» при переводе романа «Братья Карамазовы» на английский язык продолжается в 21 веке. При этом характерной особенностью новейшего из существующих на сегодняшний день переводов является адаптация текста романа посредством упрощения лексических и синтаксических структур оригинала, что делает произведение доступным и понятным широкому кругу читателей, а также отражает современную тенденцию перевода на «простой язык» (plain language), обусловленную эпохой цифровой коммуникации.

Список источников / References

1. Бахтин, М.М. (1972). *Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского*. М.: Худ. лит.
Bakhtin, M.M. (1972). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Art. lit. (In Russ.).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. (2017). М.: Эксмо.
The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with parallel passages and appendices. (2017). Moscow: Eksmo (In Russ.).
3. Борисова, В.В. (2025). Какие издания Нового Завета читал и цитировал Достоевский? Эдиционный и текстологический аспекты изучения присутствия Нового Завета в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 4 (32), 350—374. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-350-374>
Borisova, V.V. (2025). Which Editions of the New Testament Did Dostoevsky Read and Quote? Editorial and Textual Issues in Research on the Presence of the New Testament in Dostoevsky's

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

- Life and Work. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 4 (32), 350–374. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-350-374>
4. Борисова В.В., Космарская И.В. (2024). Достоевский на «простом языке»: проблемы современного художественного перевода. *Неизвестный Достоевский*, 11 (2), 196–215. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7243>
Borisova, V.V., Kosmarskaia, I.V. (2024). Dostoevsky in the Plain Language: The Problems of Modern Literary Translation. *The Unknown Dostoevsky*, 11 (2), 196–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7243>
 5. Бухарев, И. (2013). Толкование на Евангелие от Луки. https://bible.optina.ru/new:lk:15:07#prot_ioann_buxarev
Bukharev, I. (2013). Commentary on the Gospel of Luke. https://bible.optina.ru/new:lk:15:07#prot_ioann_buxarev (In Russ.).
 6. Васильченко, Т.В. (2007). Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в англоязычных переводах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск.
Vasilchenko, T.V. (2007). *Fyodor Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov" in English Translations: Extended abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Tomsk* (In Russ.).
 7. Гарбовский, Н.К. (2007). *Теория перевода*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
Garbovsky, N.K. (2007). *Translation Theory*. Moscow: Moscow University Press (In Russ.).
 8. Гумерова, А.Л. (2022). «Читающий да понимает»: библейский текст в произведениях Ф.М. Достоевского: монография. М.: Директ-Медиа.
Gumerova, A.L. (2022). *«Whoso readeth, let him understand: the Biblical text in the works of F. M. Dostoevsky: monograph*. Moscow: Direct-Media (In Russ.).
 9. Дергачева, И.В. [и др.] (2021). *Достоевский и Италия. Коллективная монография*. СПб.: Алетея.
Dergacheva, I.V. [et al.] (2021). *Dostoevsky and Italy. Collective monograph*. Saint Petersburg: Aleteia (In Russ.).
 10. Достоевский, Ф.М. (1972–1990). *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т.* Л.: Наука.
Dostoevsky, F.M. (1972-1990). *Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 volumes*. Leningrad: Nauka (In Russ.).
 11. Достоевский, Ф.М. (1976). Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Л.: Наука.
Dostoevsky, F.M. The Complete works: In 30 volumes / edited by V.G. Bazanov (ed.) and others; IRLI. Volume 14. The Brothers Karamazov: A novel in 4 parts with an epilogue. Leningrad: Nauka (In Russ.).
 12. Захаров, В.Н. (2024). Великое пятикнижие Достоевского: концепт, перевод, толкование. *Неизвестный Достоевский*, 11 (2), 5-15. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7321>
Zakharov, V.N. (2024). Dostoevsky's Great Pentateuch: Concept, Translation, Interpretation. *The Unknown Dostoevsky*, 11, 2, 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7321>
 13. Касаткина, Т.А., Кузнецова, А.Б. (2020). Проблемы перевода Достоевского. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 4 (12), 117–133. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133>

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте
романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the
text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers
Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

- Kasatkina, T.A., Kuznetsova, A.V. (2020). Dostoevsky: Translation Problems. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 4 (12), 117-133 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133>
14. Кремнева, А.В. (2019). *Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка)*: дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул.
Kremneva, A.V. (2019). *Intertextuality as one of the forms of intertextual interaction: cognitive and semiotic aspect (based on the material of the English language)*. Diss. Dr. Sci. (Philology). Barnaul (In Russ.).
15. Литинская, Е.П. (2024). Роман «Преступление и наказание» в новогреческих переводах. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 3 (27), 191–209. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-191-209>
Litinskaya, E.P., (2024) The Novel "Crime and Punishment" in Modern Greek Translations. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 3 (27), 191–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-191-209>
16. Мальчукова, Т.Г., Литинская, Е.П., Андрианова, А.Ю. и др. (2019). *Достоевский в новогреческих переводах. Коллективная монография. Т. Г. Мальчукова [и др.]*; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ.
Malchukova, T.G., Litinskaya, E.P., Andrianova, A.Yu. et al. (2019). *Dostoevsky in Modern Greek translations. Collective monograph by T. G. Malchukova [et al.]*; Petrozavodsk: PetrSU Publishing House (In Russ.).
17. Маццола, Е. (2018). Неизбежность комментария: «слепые места» переводчика. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 4, 107–147. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-107-147>
Mazzola, E. (2018). The Inevitability of Commentary: a Translator's "Blind Spots". *Dostoevsky and World Culture*, 4, 107–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-107-147>
18. Новый Завет. Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn>
The New Testament. The Bible. Synodal translation. URL: <https://bible.by/syn> (In Russ.).
19. Рыжаков, В.С. (2025). *Интертекстуальность в творчестве Х.-Л. Борхеса и Х. Кортасара и проблемы ее воспроизведения при переводе на русский язык*: дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
Ryzhakov, V.S. (2025). *Intertextuality in the works of H.L. Borges and H. Cortazar and the problems of its reproduction in translation into Russian*. Diss. Cand. Sci. (Philology). Moscow.
20. Сиганова, В.В. (2007). *Лингвориторические функции новозаветных репрезентаций в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: интертекстуальный аспект*: дисс. ... канд. филол. наук. Сочи.
Siganova, V.V. (2007). *Linguistic functions of New Testament representations in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": an intertextual aspect*. Diss. Cand. Sci. (Philology). Sochi.
21. Тихомиров, Б.Н. (2006). *Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии*: дисс. ... д-ра. филол. наук. Москва.

Щербинина А.А. (2026)
Интертекстуальные маркеры Нового Завета в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: специфика межъязыковой передачи
Язык и текст, 13(1), 90—107.

Shcherbinina A.A. (2026)
Intertextual markers of the New Testament in the text of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the specifics of translation
Language and Text, 13(1), 90—107.

- Tikhomirov, B.N. (2006). *Religious aspects of F.M. Dostoevsky's work. Problems of interpretation, commenting, and textual criticism*. Diss. Dr. Sci. (Philology). Moscow.
22. Фатеева, Н.А. (2007). *Интертекст в мире текстов: контрпункт интертекстуальности*. М.: КомКнига.
Fateeva, N.A. (2007). *Intertext in the world of texts: the counterpoint of intertextuality*. Moscow: KomKniga (In Russ.).
23. Федорова, Н.А., Дробинина, Ю.С. (2023). Топоним как маркер интертекстуальности. *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*, 10 (102).
Fedorova, N.A., Drobinina, Y.S. (2023). Toponym as a marker of intertextuality. *Philological aspect: an international scientific and practical journal*, 10 (102). (In Russ.).
24. Cambridge dictionary (2026). English Dictionary, Translation and Thesaurus. Cambridge University press and assessment. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
25. Garnett, C.K. (2014). *The Brothers Karamazov by Fyodor Dostoyevsky. Translated by Constance Garnett (1912)*. Memphis, TN: Bottom of the Hill Publishing.
26. Katz, M.R. (2023). *Fyodor Dostoevsky. The Brothers Karamazov. A new translation by Michael R. Katz*. New York: Liveright Publishing Corporation.
27. New Testament (KJV). URL: <https://bible.by/nkjv>
28. Pevear, R., Volokhonsky, L. (1990). *The Brothers Karamazov by Fyodor Dostoevsky. The award-winning new translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky*. URL: [https://dostoevskyworld.rhga.ru/upload/iblock/93e/%5bDostoevsky_Fyodor,_Pevear_Richard,_Volokhonsky_La\(BookFi\).pdf](https://dostoevskyworld.rhga.ru/upload/iblock/93e/%5bDostoevsky_Fyodor,_Pevear_Richard,_Volokhonsky_La(BookFi).pdf)

Информация об авторе

Алина Андреевна Щербинина, аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6035-0138>, e-mail: aa_shcherbinina2@student.mpgu.edu

Information about the author

Alina A. Shcherbinina, PhD student, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6035-0138>, e-mail: aa_shcherbinina2@student.mpgu.edu

Поступила в редакцию 05.02.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.02.05
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в творчестве А.А. Блока

И.В. Зенкевич, А.Р. Варламов✉

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ varlamov.andrey2018@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Концепт «Пустыня» является сквозным в мировой поэзии: т.е. появляется в разных литературных текстах в разные периоды и обладает схожими чертами. В статье представлен анализ концепта «Пустыня» и его семантического наполнения в творчестве поэта-символиста Александра Александровича Блока. Понятие «концепт» было раскрыто на примере работ Нины Сергеевны Болотновой. **Цель.** Выяснить, как в поэзии Блока преобразовывается концепт «Пустыня», как меняется его эстетическая сущность и как расширяется его образное наполнение на протяжении творческого пути автора. **Гипотеза.** Изменения концепта «Пустыня» тесно связаны с творческими этапами автора, которые он сам назвал «трилогией вочеловечения». **Методы и материалы.** Поэтические тексты брались в хронологическом порядке с привязкой к трем этапам творчества А.А. Блока, которые сам поэт обозначил в переписке с Андреем Белым. В статье также затрагиваются библейские мотивы и философия Владимира Сергеевича Соловьева о романтическом двоемирии, которые оказали существенное влияние на трансформацию концепта «Пустыня» в творчестве А.А. Блока. **Результаты.** Результаты показали, что концепт «Пустыня» преобразовывался, его семантическое наполнение углублялось, а его образные значения прямо отражали творческие искания автора в определенные промежутки времени. **Выводы.** В заключении статьи была представлена составленная авторами схема, которая отражает многообразие семантического наполнения концепта «Пустыня» в поэзии Александра Блока.

Ключевые слова: поэтическое произведение, творчество, А.А. Блок, концепт, пустыня, лирический герой, художественный образ, семантическое наполнение, мотив, эстетическая сущность, библейский мотив, трилогия вочеловечивания

Для цитирования: Зенкевич, И.В., Варламов, А.Р. (2026). Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в творчестве А.А. Блока. *Язык и текст*, 13(1), 108–120. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130108>

The concept of “Desert” and its semantic content in the works of A.A. Blok

I.V. Zenkevich, A.R. Varlamov✉

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ varlamov.andrey2018@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The concept of "Desert" is end-to-end in world poetry: that is, it appears in different literary texts in different periods and has similar features. The article presents an analysis of the concept of “Desert” and its semantic content in the work of the symbolist poet Alexander Alexandrovich Blok. The term of “concept” was revealed by the example of the works of Nina Sergeevna Bolotnova. **Objective.** To find out how the concept of “Desert” is transformed in Blok's poetry, how its aesthetic essence changes and how its imaginative content expands throughout the author's creative career. **Hypothesis.** The changes in the concept of "Desert" are closely related to the creative stages of the author, which he himself called the "trilogy of incarnation." **Methods and materials.** The poetic texts were taken in chronological order with reference to the three stages of A.A. Blok's work, which the poet himself outlined in correspondence with Andrei Bely. The article also touches upon the biblical motives and philosophy of Vladimir Sergeevich Solovyov about romantic dualism, which had a significant impact on the transformation of the concept of “Desert” in the works of A.A. Blok. **Results.** The results showed that the concept of “Desert” was transformed, its semantic content deepened, and its figurative meanings directly reflected the creative quest of the author at certain intervals of time. **Conclusions.** At the end of the article, the scheme drawn up by the authors was presented, which reflects the variety of semantic content of the concept of “Desert” in the poetry of Alexander Blok.

Keywords: poetic work, creative oeuvre, A.A. Blok, concept, desert, lyrical hero, artistic image, semantic content, motif, aesthetic essence, biblical motif, trilogy of incarnation

For citation: Zenkevich, I.V., Varlamov, A.R. (2026). The concept of “Desert” and its semantic content in the works of A.A. Blok. *Language and Text*, 13(1), 108—120. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130108>

Введение

Концепт «Пустыня» является сквозным в мировой поэзии: т.е. появляется в разных литературных текстах в разные периоды и обладает схожими чертами. Н.С. Болотнова определяет понятие «концепт» (художественный концепт) как единицу поэтической картины мира (Болотнова, 2005). Концепт характеризуется “эстетической сущностью” (описательными или пейзажными характеристиками) и “образными средствами выражения” (наделение концепта дополнительными, скрытыми смыслами) (Болотнова, 2007). По авторскому замыслу, концепт может как пронизывать всю структуру произведения, так и находить свое отражение в конкретных символах и образах. Болотнова также отмечает, что некоторые концерты

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of “Desert” and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

выходят за пределы произведения, связывают определенный художественный текст с другими произведениями не только одного писателя, но и всей художественной литературы в целом (Болотнова, 2005).

Любой концепт имеет свое семантическое наполнение: это система взаимосвязанных значений, символов и образов, которые формируют смысл концепта (Карпенко, 2015). Пространство для семантического наполнения образуется в результате взаимодействия самого концепта, обозначенного автором в тексте, и его интерпретацией читателем (актуальное семантическое пространство). Читатель создает свое представление о том, что автор имел в виду, и какие смыслы и мысли были закодированы в тексте. Часто семантическое наполнение концепта преобразуется по ходу творческого пути автора, когда изменения в мировосприятии влияют на осмысление семантического наполнения концепта (Васильева, Торшин, 2011).

Концепт «Пустыня» в истории мировой литературы имел разные семантические значения, которые преобразовывались, дополнялись и изменялись (Соловьев, 2023). Прежде всего, это географическая пустыня, с песком и зноем. Место, где нет ничего – ни людей, ни деревьев, ни растений. Слово «пустыня» происходит от старославянского «поустыни» (др.-греч. ἐρημία), которое связано с прилагательным “пустой” и происходит от праславянского *rustь (что значит “дикий, незаселенный”) (Даль, 1998).

В Библейских сюжетах концепт «Пустыня» приобретает новое, особое значение – становится местом встречи с Богом (Библия..., 2017). Например, в Ветхом Завете пустыня испытывает человека на веру, поскольку в ней он может только уповать на помощь Бога. В христианской традиции пустыней становится любое уединенное место, где человек может тихо и смиренно молиться Богу. В пустыню уходят Пророки, там они ведут свой диалог с Ним (например, слово Божие к Моисею, разговор Пророка Исаи с Всевышним). В Пустыне Иисус проходил испытание Дьявола: Сыну Божьему пришлось вынести три искушения – хлебом, чудом и безграничной властью. Христос не поддался и остался верен своему посту (Там же). Испытание Иисуса происходит в пустыне не случайно: тем самым подчеркивается и Его одиночество, и Его высшее предназначение. Пустыня, неприступная местность, требующая трудов от человека и покорного служения Богу, предопределяет значение концепта как места для духовного покоя человека, где он проходит испытания и должен остаться верным себе (Там же). В своем символическом значении пустыня связывает мир и рай, являясь между ними посредником. В пространстве мир и пустыня противопоставлены по горизонтали. Мир прелестен, но и пустыня прекрасна своим уединением и близостью к Богу.

Впоследствии мировые авторы преобразовывали и дополняли концепт «Пустыня» другими семантическими значениями. Например, как отмечает М.И. Лазариди (Лазариди, 2013), в «Илиаде» и «Одиссее» Гомер описывает пустынные земли как место испытаний героев (странствия Одиссея через безлюдные пространства символизируют его путь к искуплению). В «Божественной комедии» Данте (XIV век) пустыня Чистилища символизирует очищение души через страдания и испытания главного героя. В средневековой литературе пустыня часто выступает как место встречи рыцаря со своей судьбой или как место испытания его веры. В XVIII веке для Вольтера и Руссо пустыня становится символом свободы и естественности, противопоставленных цивилизации, которая одурманена предрассудками (Лазариди, 2013).

Что касается русской классической литературы, то важное семантическое наполнение концепт «Пустыня» получил в лирике А.С. Пушкина. В творчестве поэта “Пустыня” предстает

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of “Desert” and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

как поэтическое воплощение Библейского мотива (мотив - это использование в художественных произведениях сюжетов, образов и символов; в случае библейского мотива - взятых из книг Нового и Ветхого Завета (Жукова, 2018)): в раннем творчестве это надежда на спасение («Пророк», «Свободы сеятель пустынный»), в позднем концепт трансформируется, становится все более пугающим и страшным, буквально воплощением зла («Анчар») (Карпенко, 2015). В творчестве М.Ю. Лермонтова концепт «Пустыня» также трансформируется: изначально это просто мир, полностью лишенный духовных ценностей («Благодарность»). Затем пустыня становится местом, максимально приближенным к Богу, где все находится в гармонии и покое («Пророк»). А к концу творческого пути Лермонтова она представляет собой место скитаний лирического героя, где он пребывает в трагическом одиночестве и тяжело мучается («Выхожу один я на дорогу», «Утес»).

Подобные идеи и мотивы также нашли свое отражение и в художественном осмыслении концепта «Пустыня» у Александра Александровича Блока.

Цель данной статьи - выявить, как преобразовывался концепт «Пустыня» и как менялось его семантическое наполнение в творчестве Александра Блока. В соответствии с целью, через образные средства будет выведена разность эстетической сущности концепта “Пустыня” в поэтических текстах Блока. Стихотворения будут приведены в хронологическом порядке с привязкой к периодам творчества поэта.

Основная часть

А.А. Блок – один из выдающихся представителей символизма в русской литературе начала XX века. Сам автор назвал свой творческий путь «Трилогией вочеловечивания» (Блок, 1960-1963). Готовя первое издание «Собрание стихотворений» (1911–1912), он написал:

«...от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятию, „возмездию“ — и к рождению человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру...». Подобную же формулировку он использовал и в письме поэту Андрею Белому от 6 июня 1911 г. (Блок, 1963). Именно так он описал свой творческий путь, назвав три этапа в своем творчестве: «Теза», 1900-1903 гг. (характеризуется мистическими настроениями и идеализацией Вечной Женственности – любовью к «Прекрасной Даме»), «Антитеза», 1904-1907 гг. (Скептическое отношение к действительности и попытки принять реальность) и «Синтез», 1908-1921 гг. (разрозненные темы объединяются в единое целое — тему судьбы России, ее прошлого, настоящего и будущего) (Котрелев, Лавров, 1980).

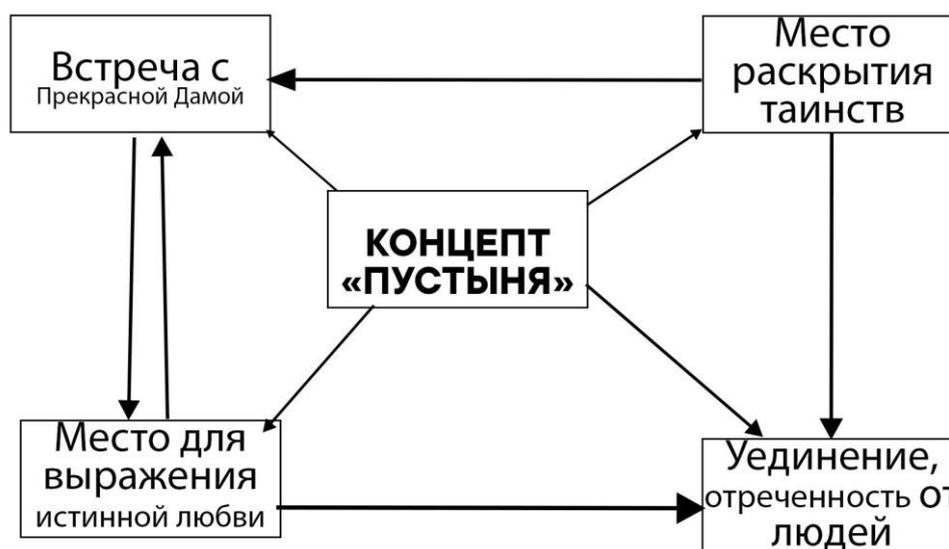
В ранний период творчества А.А. Блока концепт “Пустыня” представлял собой место уединения лирического героя для духовных самоисканий. Например, произведение «Я живу в пустыне» (1903), написанное от женского лица, посвящено встрече с трагически погибшим любимым (“Друг мой, князь мой милый, пал в чужом краю”) (Блок, 1960-1963). Пустыня здесь есть духовное состояние лирической героини, в котором она обретает связь и гармонию с природой (“Низкие поклоны мне кладут цветы») (Там же). В стихотворении «Блаженный, забытый в пустыне» (1902) Пустыня предстает как место духовных страданий, в котором лирический герой Блока пребывает в уединении и душевных муках («Истерзанный, с язвой кровавой, когда-нибудь выйду к вам, люди!») (Там же). Лирический герой посвящает свои душевные муки Прекрасной Даме («молюсь небывалой богине») (Там же). Прекрасная Дама в творчестве Блока — это продолжение философии Владимира Соловьева об идее двоemiрия

– Земного и Идеального (Рычков, 2013). Первый мир – это все то обыденное и простое, что нас окружает. Второй мир – Небесный, гармоничный и прекрасный, воплощен в Женщине. Земной мир устремлен к идеальному через творца (Бога) и через возвышенную любовь к Женщине. В. Соловьев считал, что однажды Небесная Женщина сойдет на Землю, и тогда два мира сольются воедино: “...должны мы признать за любовью как за началом видимого восстановления образа Божия в материальном мире, началом воплощения истинной идеальной человечности” (Рычков, 2013). Для Блока местом встречи с Прекрасной Дамой и была пустыня, в которой он вечно служил Ей. Например, стихотворение «Сфинкс», открывающееся строчкой «шевелинулась безмолвная сказка пустынь» (Блок, 1960-1963), посвящено извечной борьбе тайны и ее раскрытия, ведь Сфинкс – лишь «тайный намек нераскрытой мечты торжество» (Там же). В этом стихотворении пустыня предстает как нечто сказочное и сакральное, ведь только здесь герой говорит: «я услышу забытое слово: Любовь» (Там же), которое в обыденном мире недоступно и забыто. Эту же сакральную миссию герой несет и в стихотворении “Через песчаные пустыни” (1901), где пишет: “Через песчаные пустыни... я нес в далекие святыни мою духовную лепту” (Там же).

Заключим, что в раннем периоде творчества Блока пустыня есть место для встречи лирического героя со своей истинной любовью, истинной миссией. Эстетическая сущность концепта “Пустыня” такова: это безлюдное пространство, где нет лишних объектов, где герой ждет свою Любовь, предается мечтам, проходит духовные испытания, чтобы заслужить ту самую «тайну» (схема 1).

Схема 1 / Scheme 1

Концепт “Пустыня” на первом этапе творчества А.А. Блока
The concept of “Desert” at the first stage of A. A. Blok's art

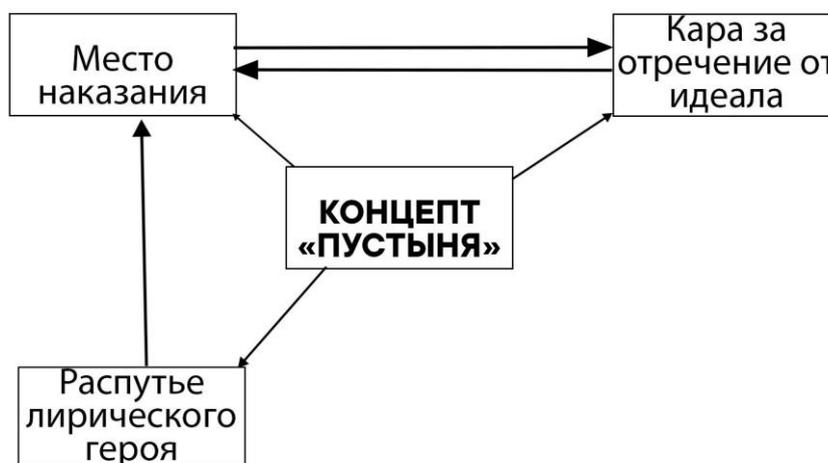
Во второй период творчества А.А. Блока концепт “Пустыня” претерпевает значительные изменения. Теперь это не место для благородных страданий во имя любви - это место кары и наказания за отречение от идеалов. Его эстетическая сущность становится более суровой (добавляются зной, жаркий песок, чувство жажды и изнеможения в этом месте), а образное

наполнение меняется на прямо противоположное. В стихотворении “На перекрестке” (1904) Блок пишет: “Она взманила, Земля пустынная!” (Там же). Здесь лирический герой уже не смелый блюститель своего вечного идеала, а усомнившийся в выборе воин, смотрящий в другую от своего идеала сторону (“...воина, обращенного ликом печальным к иным горизонтам, к иным временам...”) (Там же). И пустыня - лишь место грусти и сомнений (“В печальном весельи встречаю весну”) (Там же). Сам Блок характеризовал второй этап творчества как период сомнений в своем идеале. Именно поэтому в течение данного периода концептуальное значение пустыни претерпевает значительные изменения. В поэтическом тексте «Ты отошла, и я в пустыне» (1907) лирический герой сомневается в возможности слияния двух миров, и поэтому окончательно отрекается от своего идеала, так как больше не верит в возможность его воплощения («ты отошла, и я в пустыне к песку горячему приник») (Там же). Здесь Блок пишет: “Твою я понял высоту: Да. Ты — родная Галилея Мне — невоскресшему Христу <...> Сын Человеческий не знает, Где преклонить ему главу» (Там же). Герой Блока отрекся от своего идеала, и после этого возвращение к жизни становится уже невозможным. Поэт называет героя «Сыном Человеческим», а не «Сыном Божьим». Он человек, который лишь уподобляет себя Христу. В отличие от Иисуса, который был вечно верен своему идеалу, лирический герой сомневается и отрекается от него, и, следовательно, у усомнившегося героя не будет воскрешения и прощения.

Из этого стоит заключить, что во второй период творчества поэта эстетическая сущность концепта “Пустыня” становится более гнетущей и пугающей, а образные средства подчеркивают кардинальную перемену в восприятии данного концепта Блоком (появляются печаль, отчуждение, жаркий зной). Теперь это не место для нежной любви и восхищающих таинств - это полноценное распутье, в котором лирический герой постепенно отрекается от своего идеала в лице Прекрасной Дамы (схема 2).

Схема 2 / Scheme 2

Концепт “Пустыня” на втором этапе творчества А.А. Блока
The concept of “Desert” at the second stage of A. A. Blok's art

Третий этап является завершающим в творчестве писателя, и здесь концепт “Пустыня” меняется кардинально. В 1909 году Блок пишет стихотворение «Из хрустального тумана»,

которое является одним из тех, которые завершают цикл его стихов «о Прекрасной Даме». Прекрасная Дама предстает перед героем в образе Марии Магдалины («Магдалина! Магдалина! Веет ветер из пустыни, раздувающий костер») (Там же). Она является последовательницей Иисуса Христа, которая всегда следовала за ним, присутствовала при Его Распятии и была первой из людей, удостоившейся явления Воскресшего Иисуса. До встречи с ним она была блудницей – страшной грешницей, за это ее долго ненавидели люди, бросали в нее камни. В момент, когда Марию хотели до смерти закидать камнями, к ней самолично пришел Христос, и спас ее от физической гибели. После этого Магдалина раскаялась за все свои совершенные грехи (Карпенко, 2015). Она также прошла “пустыню”, в которой не поддавалась искушениям и стойко выдержала невзгоды. В стихотворении Блока Магдалина приходит в Земной мир с целью озарить людей, однако она, словно «ветер из пустыни, раздувающий костер» (Блок, 1960-1963), приносит лишь боль. Лирический герой просит Магдалину отгородить его своей любовью от окружающего мира, хотя понимает, что его ждет смерть и кара за сомнения в идеале. Но он воспринимает явление Магдалины как нечто радостное, потому что это единственный шанс сбежать из мира Земного – так, «чтоб в пустынном вопле скрипок перепуганные очи смертный сумрак погасил» (Там же). Здесь для Блока пустыня становится уже не просто местом для уединения лирического героя от людей, а буквально всем миром - мертвым, пустым, прогнившим. Впервые звучит мотив тьмы и сумрака, что отличает новую пустыню Блока от классической Библейской, с жарким и палящим солнцем. То же семантическое наполнение мы видим и в стихотворении “Под шум и звон однообразный” (1909), где герой пытается найти себя в этом темном мире: “Я ухажу, душою праздный, в метель, во мрак и в пустоту” (Там же). Впервые появляется образ метели, пустыня теперь становится ледяной, с холодным зноем, а свет отсутствует: “Кругом — снега, трамваи, зданья, а впереди — огни и мрак” (Там же). И то же семантическое наполнение получает пустыня в стихотворении “Миры летят, года летят” (1912), которое открывается строчкой: “Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз” (Там же). Здесь концепт “Пустыня” разрастается до размеров целой Вселенной, уже не являясь просто миром людей.

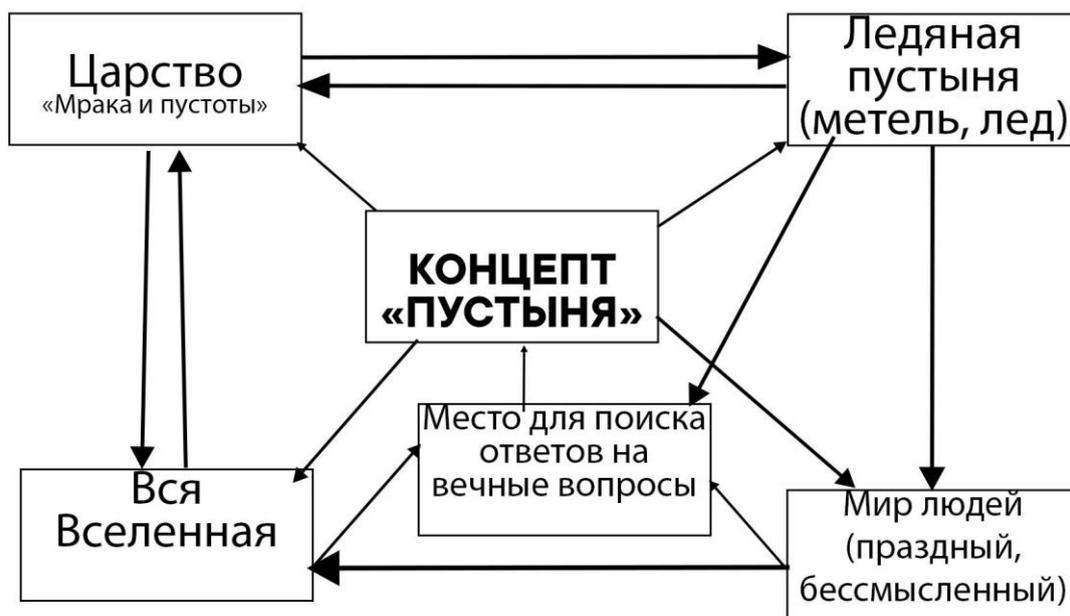
В 1918 году, за 3 года до смерти, А.А. Блок написал поэтический текст «Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне». Лирический герой здесь уже не имеет своего собственного, родного дома – он отвержен и одинок, вынужден скитаться. Его цель – найти себя, познать мир, отыскать ответы на вечные вопросы. В стихотворении вновь предстает “ледяная пустыня” (наподобие тундры), где все заледенело и помертвело: «Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?» (Там же). Лирический герой ищет ответ на вопрос: «Существует ли что-нибудь, кроме тьмы?». Он не видит, но чувствует сердцем («только сердце чует дальний отголосок») (Там же), что ответы на извечные вопросы где-то рядом, и всеми силами пытается их найти. В конце стихотворения его речь обрывается – и он снова возвращается в пустыню: «И опять — во мраке, в ледяной пустыне...». Герой же не сдаётся, и верит, что когда-нибудь в будущем “...месяц выйдет — выйдет, не обманет, только солнце встанет — сердце солнце встретит!” (Там же).

На третьем этапе творчества А.А. Блока концепт “Пустыня” отражает не просто духовное состояние лирического героя или место его уединения от внешнего мира, но вбирает в себя буквально целый мир, в котором отсутствует свет – все мрачно и мертво, все покрыто холодным и крепким льдом (схема 3). Лирический герой пытается обрести духовные ценности, вечно метаясь в метели и мраке, так как хочет понять сущность бытия, познать

самого себя. Ответы на эти вопросы и есть тот свет, которого нет в этой пустыне, но который ему необходим, в существование которого он верит.

Схема 3 / Scheme 3

Концепт “Пустыня” на третьем этапе творчества А.А. Блока
The concept of “Desert” at the third stage of A. A. Blok's art

Заключение

Семантическое наполнение концепта «Пустыня» в творчестве Блока напрямую связано с творческим путем поэта: «от мгновения слишком яркого света...» (пустыня на данном этапе - место встречи лирического героя и Прекрасной Дамы, тихое и томное место, где расцветает любовь и царят таинства) – «через необходимый болотистый лес – к отчаянью, проклятию, „возмездию“» (пустыня на данном этапе – место пыток и страданий, пространство столкновения с реальным, ужасным миром, где герой мучается и отрекается от своего идеала) – «и к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру...» (пустыня на данном этапе – бесконечное пространство поисков ответа на вечные вопросы, пространство, лишенное света и гармонии, но которое лирический герой уже принимает, не избегает и гордо сталкивается с ним, чтобы найти истинный свет). Эстетическая сущность концепта меняется на полностью противоположную: пустыня с нежным песком и ярким светом – через жар, зной и удушье – становится ледяной, мрачной и зловещей, где буйствует метель и царствует тьма. А образные средства постепенно расширяются: от места уединения и царства таинств лирического героя – через место его разочарования в идеалах – к целому миру, Вселенной, беспощадной и темной, где людей ничего не волнует, и лишь герой стремится к истинному свету, которого не видно, но в который он верит. Концепт “Пустыня” есть прямое отражение души лирического героя А.А. Блока на протяжении всего периода

творчества поэта. В течение всего творческого пути Блок расширял и углублял концепт “Пустыня”, создавая в нем полноценную систему образов (схема 4).

Схема 4 / Scheme 4

Концепт “Пустыня” в творчестве А.А. Блока
The concept of “Desert” at A. A. Blok's art

Список источников / References

1. Алексеева, Л.Ф., Щербаков, С.А. (2013). Поэтическое воплощение ландшафтов в лирике Александра Блока. *Вестник МГУЛ – Лесной вестник*, 5(97).
Alekseeva, L.F., Shcherbakov, S.A. (2013). Poetic embodiment of landscapes in the lyrics of Alexander Blok. *Bulletin of the Moscow State Forest University – Forest Bulletin*, 5(97) (In Russ.).
2. Блок, А.А. (1963). Письмо Андрею Белому, 6 июня 1911 г. В: *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8: Письма, 1898–1921* (с. 345). М.; Л.: Гослитиздат.
Blok, A.A. (1963). Letter to Andrey Bely, June 6, 1911. In: *Collected works: in 8 vols. Vol. 8: Letters, 1898–1921* (p. 345). Moscow; Leningrad: Goslitizdat (In Russ.).
3. Блок, А.А. (1960–1963). *Собрание сочинений: в 8 т.* (В.Н. Орлов и др., Ред.). М.; Л.: Худож. лит.
Blok, A.A. (1960–1963). *Collected works: in 8 vols.* (V.N. Orlov et al., Eds.). Moscow; Leningrad: Khudozh. lit. (In Russ.).
4. Блок, А.А. (1965). *Записные книжки: 1901–1920* (В. Н. Орлов и др., Ред.). М.: Худож. лит.
Blok, A.A. (1965). *Notebooks: 1901–1920* (V.N. Orlov et al., Eds.). Moscow: Khudozh. lit. (In Russ.).

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of "Desert" and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

5. Блок, А.А. (1980–1993). *Материалы и исследования. Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1-5. М.: Наука.
Blok, A.A. (1980–1993). *Materials and research. Literary heritage*. Vol. 92. Bks. 1-5. Moscow: Nauka (In Russ.).
6. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические (2017). [М.]: Российское Библейское о-во.
The Bible: books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical (2017). [Moscow]: Russian Bible Society (In Russ.).
7. Болотнова, Н.С. (2005). Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте. *Вестник ТГПУ*, 3.
Bolotnova, N.S. (2005). Lexical means of representing literary concepts in a poetic text. *TSPU Bulletin*, 3. (In Russ.).
8. Болотнова, Н.С. (2007). О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте. *Вестник ТГПУ*, 2.
Bolotnova, N.S. (2007). On the methodology of studying the associative layer of a literary concept in a text. *TSPU Bulletin*, 2. (In Russ.).
9. Бурдин, И.В., Аввакумова, Н.В. (2019). Понятие «Концепт» в литературоведении. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 7.
Burdin, I.V., Avvakumova, N.V. (2019). The term "Concept" in literary studies. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 7. (In Russ.).
10. Васильева, Т.И., Торшин, А.А. (2011). О проекте антологии концептов русской литературы XX века. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 3(33).
Vasilyeva, T.I., Torshin, A.A. (2011). On the project of an anthology of concepts of 20th-century Russian literature. *Problems of History, Philology, Culture*, 3(33). (In Russ.).
11. Даль, В.И. (1998). *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля* (Подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг.). М.: АСТ.
Dal, V.I. (1998). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dal* (Prepared from the 2nd printed ed. of 1880–1882). Moscow: AST. (In Russ.).
12. Жукова, Е.А. (2008). Библейские темы и мотивы в творчестве писателей XX века (на материале прозы Е. И. Замятина). *Мировая литература в контексте культуры*, 3.
Zhukova, E.A. (2008). Biblical themes and motifs in the works of 20th-century writers (based on the prose of E.I. Zamyatin). *World Literature in the Context of Culture*, 3. (In Russ.).
13. Иванов, В.И. (1994). Две стихии в современном символизме. В: *В.М. Толмачев (Сост.), Родное и Вселенское* (с. 143–169). М.: Республика.
Ivanov, V.I. (1994). Two elements in modern symbolism. In: *V.M. Tolmachev (Comp.), Native and Universal* (pp. 143–169). Moscow: Respublika. (In Russ.).
14. Именнова, Л.С. (2017). Природа как источник символической деятельности. *Горизонты гуманитарного знания*, 4.
Imennova, L.S. (2017). Nature as a source of symbolic activity. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 4. (In Russ.).
15. Карпенко, Е.И. (2015). Внебиблейские коннотации в сюжете о Марии Магдалине (на материале художественной литературы). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 25(736).

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of "Desert" and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

- Karpenko, E.I. (2015). Extra-biblical connotations in the plot of Mary Magdalene (based on fiction). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 25(736). (In Russ.).
16. Лагута, Н.В., Чапайкина, Н.А. (2009). Семантическое наполнение субъекта в высказываниях со значением характеристики. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 44.
Laguta, N.V., Chapaikina, N.A. (2009). Semantic content of the subject in statements with characterization meaning. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*, 44. (In Russ.).
17. Лазариди, М.И. (2013). Символ «пустыня» в концептуальной картине мира. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*, 1.
Lazaridi, M.I. (2013). The symbol "desert" in the conceptual picture of the world. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 1. (In Russ.).
18. Лотман, Ю.М. (2015). *Пушкин: очерк творчества* (Б.Ф. Егоров, Вступ. ст.; Л.Н. Киселева, Примеч.). СПб.: Азбука.
Lotman, Yu.M. (2015). *Pushkin: an essay on his work* (B.F. Egorov, Introd.; L.N. Kiseleva, Notes). Saint Petersburg: Azbuka. (In Russ.).
19. Неженец, Н.И. (2017). Реалистическая символика Александра Блока. *Вестник МГУКИ*, 4(78).
Nezhenets, N.I. (2017). Realistic symbolism of Alexander Blok. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4(78). (In Russ.).
20. Котрелев, Н.В., Лавров, А.В. (Вступ. ст., публ. и коммент.). (1980). Переписка Блока с С.М. Соловьевым. В: *В.Р. Щербина (Гл. ред.), Александр Блок: Нов. материалы и исслед.: в 5 кн. (Лит. наследство; Т. 92). Кн. 1* (с. 308–407). М.: Наука.
Kotrelev, N.V., Lavrov, A.V. (Introd., publ. and comments). (1980). Correspondence between Blok and S.M. Solovyov. In: *V.R. Shcherbina (Ed.-in-Chief), Alexander Blok: New materials and research: in 5 bks. (Literary Heritage; Vol. 92). B. 1* (pp. 308–407). Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Рычков, А.Л. (2013). «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьев и драма А. Блока «Роза и Крест». *Соловьевские исследования*, 4(40).
Rychkov, A.L. (2013). "Knight-monk" and "Knight-errant": Vl. Solovyov and A. Blok's drama "The Rose and the Cross". *Solovyov Studies*, 4(40). (In Russ.).
22. Соловьев, С.С. (2023). Смысл любви. В: *И.И. Иванов (Ред.), Философия и культура Серебряного века: Сб. науч. тр.* (с. 120–135). М.: Наука.
Solovyov, S.S. (2023). The meaning of love. In: *I.I. Ivanov (Ed.), Philosophy and Culture of the Silver Age: Collection of scientific works* (pp. 120–135). Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Федосеенко, Н.Г. (2009). Локус Пустыни в русской литературе начала 19 века. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 104.
Fedoseenko, N.G. (2009). The locus of the Desert in Russian literature of the early 19th century. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 104. (In Russ.).
24. Шишхова, Н.М., Анкудинов, К.Н. (2023). Контексты семантики и фоносемантики: сады, цветы и цвет в творчестве Александра Блока и Виктора Сосноры. *Вестник*

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of “Desert” and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

*Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и
искусствоведение*, 1(312).

Shishkhova, N.M., Ankudinov, K.N. (2023). Contexts of semantics and phonosemantics:
gardens, flowers and color in the works of Alexander Blok and Viktor Sosnora. *Bulletin of
Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*, 1(312). (In Russ.).

25. Щирова, И.А., Гончарова, Е.А. (2007). *Многомерность текста: понимание и
интерпретация: уч. пособие*. СПб.: ООО «Книжный Дом».

Shchirova, I.A., Goncharova, E.A. (2007). *Multidimensionality of text: comprehension and
interpretation: Textbook*. Saint Petersburg: Knizhny Dom. (In Russ.)

Информация об авторах

Ирина Валерьевна Зенкевич, старший преподаватель кафедры «Лингводидактика и
межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический
университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-
mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Андрей Романович Варламов, магистрант кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая
психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4455-6233>, e-mail:
varlamov.andrey2018@mail.ru

Information about the authors

Irina V. Zenkevich, Senior Lecturer, Department of Linguodidactics and Intercultural
Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian
Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Andrey R. Varlamov, MA student, UNESCO Department of Cultural and Historical Psychology of
Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4455-6233>, e-mail: varlamov.andrey2018@mail.ru

Вклад авторов

Зенкевич И.В. — сбор и анализ данных; контроль за проведением исследования.

Варламов А.Р. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи;
планирование исследования; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст
рукописи.

Contribution of the authors

Irina V. Zenkevich — data collection and analysis; monitoring of research.

Andrey R. Varlamov — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research
planning; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Зенкевич И.В., Варламов А.Р. (2026)
Концепт «Пустыня» и его семантическое наполнение в
творчестве А.А. Блока
Язык и текст, 13(1), 108—120.

Zenkevich I.V., Varlamov A.R. (2026)
The concept of “Desert” and its semantic content in
the works of A.A. Blok
Language and Text, 13(1), 108—120.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 16.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.16
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208

А.Н. Коваленко✉

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

✉ kovalenko@gpntbsib.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование средневековых памятников торжественного красноречия дает возможность не только определять авторские языковые и теологические стратегии, но и позволяет выявлять межкультурные связи и способы передачи сюжетов в культуре, что является значимым для понимания литературы Древней Руси. **Цель.** Проанализировать текст проповеди на Рождество Христово из Торжественника из собрания Е.Е. Егорова № 208, которая приписана Петру Дамаскину, византийскому монаху X века, и изучить контекст ее бытования. **Гипотеза.** Определение первоисточника гомилии на Рождество значимо для понимания механизмов культурного взаимодействия между славянами и иными нациями. **Методы и материалы.** В исследовании использовались аналитические и текстологические методы: лингво-исторический, источниковедческий, кодикологический. В качестве материала привлекались тексты из рукописных собраний и печатных изданий XVII века. **Результаты.** Анализ текста позволил атрибутировать исследуемую проповедь Николаю Клервоскому, католическому монаху XII века. Принципы, выбранные для перевода с латинского (дословный перевод, изменение автора, близкий набор филиграней) позволили выявить родство данного перевода с переводом трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу». **Выводы.** Принадлежность сборника Егор. 208 Кутеинскому монастырю позволяет предположить о существовании скриптория Кутеинского монастыря, литературная деятельность которого продолжилась после переселения значительной части монахов на Валдай в 1655-1657 гг.

Ключевые слова: Торжественник, слово на Рождество Христово, Петр Дамаскин, Николай Клервоский, Кутеинский монастырь, Варнава (Громович)

Финансирование. Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект № 122040600049-8 «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования».

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

Для цитирования: Коваленко, А.Н. (2026). Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208. *Язык и текст*, 13(1), 121—136. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130109>

The False “Word of Peter of Damascus” in the Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E. Egorov no. 208

A.N. Kovalenko✉

The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

✉ kovalenko@gpntbsib.ru

Abstract

Context and relevance. The study of medieval monuments of solemn eloquence makes it possible not only to identify the author’s linguistic and theological strategies, but also to identify cross-cultural connections and ways of transmitting subjects in culture, which is important for understanding the literature of Ancient Russia. **Goal.** To analyze the text of the sermon on the Nativity of Christ from the Solemnist from the collection of E.E. Egorov No. 208, which is attributed to Peter Damascene, a tenth-century Byzantine monk, and to study the context of its existence. **Hypothesis.** The definition of the primary source of homily at Christmas is important for understanding the mechanisms of cultural interaction between Slavs and other nations. **Methods and materials.** The research used analytical and textual methods: linguistic-historical, source-based, codicological. Texts from handwritten collections and printed publications of the 17th century were used as the material. **Results.** The analysis of the text allowed attributing the sermon under study to Nicholas of Clairvaux, a Catholic monk of the XII century. The principles chosen for the translation from Latin (literal translation, author’s change, a close set of filigrees) allowed us to identify the relationship of this translation with the translation of Thomas Kempis’ treatise “On the Imitation of Christ”. **Conclusions.** Belonging to the collection Egor. 208 Kuteinsky Monastery suggests the existence of the Kuteinsky Monastery scriptorium, whose literary activity continued after the resettlement of a significant part of the monks to Valдай in 1655-1657.

Keywords: Torzhestvennik, the Word on Christmas, Peter of Damascus, Nicholas of Clairvaux, Kutein Monastery, Barnabas (Gromovich)

Funding. This article was prepared according to the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122040600049-8 "Depository of Book Monuments of Siberia and the Far East: Identification, Digital Storage System, and Organization of Access for Research".

For citation: Kovalenko, A.N. (2026). The False “Word of Peter of Damascus” in the Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E. Egorov no. 208. *Language and Text*, 13(1), 121—136. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130109>

Рождество Христово как один из самых значительных праздников христианского цикла привлекало к себе большое внимание книжников, богословов и проповедников, книжное наследие которых доступно сегодня в четых и богослужебных средневековых сборниках. Среди рождественских текстов ведутся исследования в самых разных направлениях. Так, А.Г. Бобров описал историю и бытование популярного апокрифа о поклонении волхвов «Сказания Афродитиана Персянина» (Бобров, 1994), А.Ю. Никифорова опубликовала ранее неизвестный цикл блаженн на Рождество Христово Константинопольского патриарха Германа (Никифорова, 2011), проповеди на Рождество золотого века патристики становятся источников для сравнения нарративных стратегий с древнерусскими авторами (Гончаров, 2007).

В настоящее время остается большое количество четых текстов, неизученных совсем или упоминаемых только в описаниях рукописных собраний. Один из таких памятников, озаглавленный как «Блаженного Петра Дамаския слово о Рождестве Спасови и о преславных в нем бывших», рассматривается в настоящей работе. Данная гомилия сохранилась в сборнике из собрания Е.Е. Егорова № 208¹ и в оглавлении сборника, и в описании Т.В. Анисимовой ее автором назван Петр Дамаскин (Анисимова, 2021, с. 47).

Атрибуция текста

Петр Дамаскин – монах и автор аскетических поучений, достаточно популярных в греческой рукописной традиции. Достоверных сведений о его жизни не сохранилось, Никодим Святогорец ошибочно отождествлял его с Дамаским епископом Петром II, жившим в VIII веке. Как пишет Е.В. Ткачев, в настоящее время на основании маргинальных записей в греческих рукописях и отдельных текстуальных совпадений с другими текстами, считается, что он жил в XII веке. Петр Дамаскин обобщал аскетический опыт, его произведения о монашеской жизни вошли в состав составленного в Новое время сборника «Добротолубие». В славянской книжной традиции тексты Петра встречаются с XIV в., нередко в одних учительных сборниках с Иоанном Дамаскиным (Ткачев, 2019, с. 738-751). О его эпидейктических проповедях на праздники неизвестно, но в статье Е.В. Ткачева упоминается, что отдельные его тексты имеют форму проповедей и начинаются и заканчиваются традиционными формулами. Тем не менее принадлежность найденного текста на Рождество Петру Дамаскину вызывает сомнения.

Обращаясь к тексту «Слова о Рождестве Спасови», читатель может отметить необычное использование богословских терминов. Автор проповеди часто обращается к слову «излъгание»², которое употребляет как в прямом, так и в переносном смысле, в значении

¹ РГБ, ф. 98. Собрание Е. Е. Егорова, № 208. Торжественник минеинный годовой. Сер. – трет. четв. XVII в. 1°, 658 лл. (далее Егор. 208).

² Здесь и далее рукописные тексты цитируются в упрощенной орфографии по принципам, принятым в Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; пунктуация – по современным правилам (Дмитриева, 1995, с. 495).

«откровения»³, которое в том числе часто связывается с именем Господним⁴. Из нестандартного для восточно-христианской аскетики можно отметить личное обращение к Богу – «*Господь мой предивный бысть в рождество съветник*», «[Бог] *бысть Брат мой*⁵ и страх Господень братнему преодолит об’ятию». Цитаты из Священного Писания и святых отцов в тексте употребляются достаточно свободно, в неточном пересказе, нередко без ссылки на источник⁶. Личной информации в проповеди практически нет, кроме упоминания, что автор увлекался чтением философов, в частности Цицероном («*Прежде Туллиус бысть сладостен, увеселяху мя стихи постов. Философы глаголы златыми блистахуся и сирены сладкия соглашахуся моему разуму*»). Также в тексте встречаются кальки с латинского языка: «*обряцете негрѣмящаго или силою слав маестату*».

Для атрибуции этой проповеди важен необычный рассказ во вступлении, отчасти перекликающийся с известным в древнерусской литературе «Проречением о Христе в кумирнице Аполлона» (Бобров, 1994, с. 137-138). В «Проречении» повествуется о том, как Дельфийский оракул по вдохновению свыше предрек, что построенный в Греции храм нужно назвать в честь рождающегося из чистой Девы триединого Бога. В рассматриваемом «Слове о Рождестве Спасови» предсказание языческими богами выглядит следующим образом: после того как римляне построили храм в честь победы, они спрашивали богов, как долго простоит этот храм. Оракулы ответили, что он будет существовать до тех пор, пока не зачнет Дева. Римляне, решив, что это невозможно, назвали храм Вечным, и тот разрушился в ночь рождения Христа.

Приведенный рассказ неизвестен византийских и славянских рассказах о Рождестве, но встречается неоднократно в западноевропейских средневековых текстах. Например, в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского – сборнике благочестивых историй XIII века, который сохранился в 1042 списках (Ярных, 2009, с. 536-538). Сам Иаков Ворагинский отметил, что рассказ о разрушении храма Мира он заимствовал из проповеди папы Римского Иннокентия III (1160/1161–1216) (Иаков, 2017, с. 76). Последняя известна в сборниках его сочинений и опубликована в 217 томе *Patrologia Latina* (PL 217, 1855, col. 455-460)⁷. Впрочем, и проповедь Иннокентия не является первоисточником для Торжественника Егор. 208. Последний заимствовал этот фрагмент из проповеди цистерцианца Николая Клервоского,

³ *Дух, от Негоже таинственным источником пѣсней рѣка исходить в сих триех глаголах, три нам вещи потребныя остави, си рѣч: имя жениха, коея ради вины миру уподобляется и яко изливается.*

⁴ *Свято и страшно имя Его едва дерзнуло оное предостойнѣйшее естество нарѣцати имя сие заключено и совершено, како постигнути возмогу, Егоже ни ангелское око провидѣти, а не зрѣти может. Но зри изльгания.*

⁵ Здесь и далее выделение автора статьи.

⁶ Ср. в проповеди: *Бысть убо и множество воинства небеснаго и гласы прерадостными, слава во вышних Богу воспѣвающе ликовашу.* И Евангелие от Луки 2:13-14: *И внезапно бысть со ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение.*

⁷ Заглавие: *Sermo II. In eadem solemnitate. Quomodo novum multis modis in Scriptura accipiatur; deque triplici novitate in Christi nativitate facta, et de tribus illius nominibus.*

католического монаха XII века⁸, латинский текст которой опубликован в 184 томе *Patrologia Latina* (PL 184, 1879, col. 827-832). Сопоставление текстов «Петра Дамаскина» и Николая Клервоского не оставляет никаких сомнений – текст «Слова о Рождестве Спасови» из Торжественника Егор. 208 является практически дословным переводом католической проповеди Николая Клервоского, что представлено в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение славянского перевода и латинского оригинала проповеди Николая Клервоского
Comparison of the Slavic translation and the Latin original of St. Bernard of Clairvaux's sermons

Слово о Рождестве Спасови	Слово Николая Клервоского
Немощно есть изрещи словом, яко умом пояти. Узумѣние убо чудес об'ять мя, егда вся раздрѣшаю, вся совокупляются вкупѣ. Кто бо возмогл бы разумѣти днесь пришествия Его? Сего ради бывает безъязычный язык, память непамятная, нечувственное чувство. Нынешним рождеством освящаются вся и вся девическому рождеству суть послушна бывають. Чудеса на небеси горѣ и на земли долѣ.	Non poterit explicari sermo quem mente concepi. Stupor enim miraculorum opprimit me; et dum omnia replico, omnia complicantur. Quis poterit excogitare diem adventus ejus? Ideo fit elinguis lingua, memoria immemor, insensibilis sensus: insueta novitate relucet omnia, et omnia partui Virginis obsequuntur. Fiunt mirabilia in coelo sursum, et in terra deorsum.

Приведенные фрагменты показывают, что переводчик достаточно близко следовал оригинальному тексту. Из явных отличий в тексте можно отметить вставку в цитату из пророка Исаии: «*наречется, рече, имя Его великаго совѣта Ангел, чуден, Совѣтник, Бог, крѣпкій, Отец будущего вѣка, княз смирения*» – в данном случае переводчик привел слова из книги Исаии (9:5-6) в соответствии со славянской и греческой традицией (в латинском и еврейском вариантах книги Исаии выражение *великаго совѣта ангел* отсутствует). Также убрана ссылка на настоятеля аббатства Клерво: *Totus autem sententiae sensus ex illius arca mutuabitur, cujus consilium est quasi consilium Dei. Ipse ille est dominus videlicet Abbas Clariae-Vallensis, cujus religio et discretio, sapientia, eloquentia, vita et fama per totam latinitatem non immerito decurrit* – первое предложение опущено, а следующий текст переведен как *понеже Он есть Господь совѣта великаго, егоже милосердие и разум, мудрость и слово, житие и слава во всѣх не без вѣны истѣкать*.

Николай Клервоский – монах из цистерианского аббатства Клерво, с 1145/1146 по 1151 г. бывший одним из секретарей основателя аббатства, Бернарда Клервоского, и изгнанный из монастыря за использование печати без разрешения аббата. После перешел в бенедиктинский монастырь Святого Петра в Монтераме, где скончался в 1178 г. (Benton, 1982, col. 255–257). По предположению Ж. Пусе, указанная проповедь была произнесена около 1150 г. (Poucet,

⁸ Подробное описание средневековых текстов о предсказаниях Рождества Христова в работе Ж. Пусе (Poucet).

2014). Западное происхождение данного текста объясняет все особенности «Слова о Рождестве Спасови»: кальки с латинского, нестандартные богословские обороты и даже упоминание Оригена в качестве одного из источников⁹. Последнее обусловлено тем, что Бернард Клервоский благословлял в своем монастыре чтение экзегетических сочинений Оригена (Ткачев, 2022, с. 117).

Находит свое объяснение и подложное упоминание Петра Дамаскина в заглавии проповеди. Как отмечает Дж. Бентон, исследование проповедей Николая Клервоского затруднено, поскольку с 1606 года они публиковались в печатных сборниках под именем Петра Дамиани, известного проповедника XI века и даже под именем Петра были включены в Патрологию Миня (Benton, 1982, col. 257). Впрочем, у издателей уже с XVI века встречаются сомнения в том, что эта проповедь принадлежит Петру Дамиани. В «Церковных анналах» Цезарь Бароний отмечает, что историю с разрушением римского храма мира атрибутируют Петру Дамиани, но это произведение «анонимного автора», поскольку Дамиани умер за пятьдесят лет до св. Бернарда, цитируемого в проповеди (Baronii, 1864, p. 4). Как показал обзор доступных изданий, в сборнике проповедей Петра Дамиани 1663 года (Damiani, 1663, p. 146-148) и в Патрологии Миня (PL 144, col. 848-853) рассматриваемая проповедь опубликована под заглавием «Anonymi cuiuspiam sermo. De Nativitate Salvatoris et praeclaris miraculis in ea factis»¹⁰ – что близко к заглавию рассматриваемой рукописи «Слово о Рождестве Спасови и о преславных в нем бывших». Для сравнения название той же проповеди Николая Клервоского в Патрологии Миня «Sermo I. In illud: “Oleum effusum nomen tuum”», то есть проповедь I на слова [Песни Песней] «Имя твое как разлитое миро».

Все вышеизложенное позволяет описать происхождение найденного текста: проповедь Николая Клервоского на Рождество Христово, написанная на латинском языке в середине XII века, публиковалась в составе текстов Петра Дамиани в изданиях XVI–XVII века (1606, 1663), одно из которых стало источником для перевода на славянский язык. При этом в истории славянской гомилетики исследователи уже находили книжника, который действовал в схожей манере. Несколько лет назад Н.В. Савельева обнаружила неизвестный ранее перевод трактата «De imitatione Christi» в одном западнорусском сборнике (Савельева, 2018b). В сборнике из собрания Рогожского кладбища № 657 был найден текст, приписываемый преподобному Фоме Малеонскому (Малеину), византийскому монаху X в., но на самом деле принадлежащий Фоме Кемпийскому, католическому богослову XV в. Язык перевода близок современным нормам великорусского языка с небольшим количеством полонизмов и регионализмов – Н.В. Савельева характеризует его как «добротный школьный пословный перевод с латинского оригинала, лишенный какого-то творческого переосмысления» (Савельева, 2018b, с. 78). Дополнительно важно отметить, как совпадают сюжеты выявленных филиграней в Рогожском сборнике и Торжественнике Егор. 208: рыба, четырехчастный картуш, двуглавый орел (Савельева, 2018b, с. 71, Анисимова, 2021, с. 42-43) – хотя без проверки филиграней *de visu* говорить о их тождестве пока нет возможности. Представленных совпадений достаточно, чтобы высказать предположение, что проповедь на Рождество Николая Клервоского и трактат

⁹ Слово Иисус яко Ориген толкуется сладчайшее и преславное всякому поклонению и прославлению достойно.

¹⁰ Чья-то анонимная проповедь. На Рождество Спасителя и о знаменательных чудесах, случившихся в нем.

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

Фомы Кемпийского были переведены одним человеком, причем они были атрибутированы византийским святым не ошибочно, а в результате сознательной переводческой стратегии. Согласно наблюдениям Н.В. Савельевой перевод был выполнен в одном из монастырей восточной части Киевской митрополии (Савельева, 2018b, с. 77). В этом аспекте особенно интересна связь Торжественника Егор. 208 с Кутеинскими монастырями.

Торжественник и Кутеинский Оршанский монастырь

Сборник из собрания Егорова № 208 – необычный годовой Торжественник, созданный в середине – третьей четверти XVII в. В его составе Т.В. Анисимова отметила 69 сочинений, которые не встречаются в составе минейных Торжественников, описанных Т.В. Черторицкой (Анисимова, 2021, с. 43-52). В свете обнаруженной проповеди Николая Клервоского можно ожидать, что по крайней мере часть из данных текстов может быть связана с западно-христианской традицией. Сборник изящно украшен киншварными узорами и печатными заставками. Язык найденного текста в описании Т.В. Анисимовой указан как малороссийский извод. Владельческая запись-скрепа говорит о принадлежности сборника Успенскому Кутеинскому женскому монастырю в Орше¹¹, рядом с которым находился Кутеинский Богоявленский мужской монастырь, известный своей активной издательской деятельностью (Атапин, Кузьмин, 2019). Типография Кутеинского Оршанского монастыря была основана в 1630 г. игуменом Спиридоном (Соболев) и вскоре стала центром белорусского книгопечатания (Сомов, 2003, с. 91). Всего в этой типографии было издано около 20 книг, выделяющиеся изящным барочным оформлением (Атапин, Кузьмин, 2019, с. 358). После 1655 г. для защиты от гонений со стороны униатов и «ради устройства общаго жития»¹² в основанном недавно Иверском монастыре патриарх Никон перевел братию Кутеинского монастыря вместе с его типографией на один из островов Валдайского озера, где позднее было издано 11 книг (Жерве, 2003, с. 517). В то же время издательская деятельность Кутеинского монастыря прошла вне полемики с так называемыми «латинствующими» во второй половине XVII века. Например, в перечне книг, в которых патриарх Иоаким видел утверждение «хлебопоклонничества» и других католических заблуждений, нет ни одного издания Кутеинского монастыря (Шляпкин, 1885, с. 213-214).

Сборник Егор. 208 в его отношении к Кутеинскому Богоявленскому монастырю уже описан в работе Н.П. Бондар (Бондар, 2021), которая предположила, что три рукописи – рассматриваемый Торжественник, Ирмологион 1651 г., принадлежавший Борколабовскому монастырю (Лаўрык, 2012, с. 129-132), и «Зерцало духовное» (Савельева, 2018a) переписаны

¹¹ На лл. 9–21: «Сия книга, глаголемая Сборник праздничныи, монастыря Кутеинскаго Паненскаго, церкви Святаго Духа Сошествия и Пресвятыи Богородици Успение, православия восходнаго греческаго».

¹² По крайней мере так об этом сообщает книжник в издании «Рай мысленный», напечатанном в Иверском Валдайском монастыре монахами Кутеинской типографии (Рай, 1659, л. 71 пер. сч.). Впрочем, Ю.М. Лаврик аргументированно называет главным мотивом патриарха Никона стремление контролировать деятельность Кутеинской типографии (Лаўрык, 2012, с. 201).

келарем Кутейнского Богоявленского монастыря Варнавой (Громовичем)¹³. На это возражает Ю.М. Лаврик, который считает, что уникальное по сравнению с другими («умилненное») оформление сборника и поздняя датировка бумаги говорит о том, что рукопись Егор. 208 была создана там же, где и хранилась впоследствии – в женском Успенском Кутейнском монастыре (Лаўрык, 2025, с. 33). Нижней границей времени создания сборника можно считать 1655 г., по владельческой записи, в которой упоминается храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 1655 г. (Кузьмин, 2019, с. 360).

Учитывая разногласия исследователей о месте создания сборника, попробуем обобщить все имеющиеся сведения об оформлении Торжественника. В сборнике 18 печатных заставок с 8 досок. Заставка на лл. 1, 494 (№ 73 по каталогу «Кириллические издания XVII века из коллекции Центральной научной библиотеки НАН Беларуси» (Кириллические издания, 2023, с. 233, 269)) встречается в следующих изданиях кутейнской типографии: «Трефологионе» (1647), «Новом Завете и Псалтири» (1652) и «Дидакалии» Сильвестра Косова (1653). Заставка на лл. 9, 18, 78, 581 об. (№ 78 по каталогу) встречается в «Трефологионе» (1647). Заставка на л. 95 (№ 74 по каталогу) встречается в «Трефологионе» (1647) и «Диоптре» (1654). Заставка на л. 261 (№ 68 и 77 по каталогу) встречается в «Октоихе» (1646) и «Трефологионе» (1647), а также в «Брашне духовном» (1639) (Вознесенский, Николаев, 2019, с. 82-83). Четыре заставки (три с миниатюрами в медальонах «Положение во гроб», «Распятие», «Воскрешение», одна с растительным орнаментом в прямоугольнике на лл. 11 об., 40, 56, 118, 205, 279, 345, 388, 476, 561) пока не найдены. Ю.М. Лаврик пишет, что эти заставки имеют некутейнское происхождение, но не указывает их источник (Лаўрык, 2025, с. 33).

Оформление рукописного Торжественника Егор. 208 несомненно связано с белорусской книжностью XVII века. Схожие элементы можно найти уже в изданиях Стратинской типографии¹⁴, например, в «Молитвеннике или требнике» 1606 года. В заставках «Молитвенника» встречаются миниатюры в медальонах (например, «Крещение отрочат» на л. 23 об., «Благословляющий Христос» на л. 53, «Помазание елеом» на л. 78, «Распятие» на лл. 123, 272, «Крещение» на л. 380» и др.). Родственным выглядит и украшение киноварной вязи в печатном издании и Торжественнике из собрания Егорова: пространство между буквами заполнено растительным орнаментом (см. титульный лист, л. 49 «Молитвенника» и л. 1, 9 и др. рукописи Егор. 208).

¹³ Н.В. Савельева считает, что сборник «Зерцало духовное» принадлежит руке Гедеона, игумена Бизюкова монастыря.

¹⁴ Типография еп. Гедеона и Феодора Балабанов в Стратине, основанная в 1599 году и впоследствии ставшая основой для типографии Киево-Печерской лавры (Лукашова, 2005, с. 512).

Рис. 1. Молитвенник или требник. Стратин. 1606. Титульный лист¹⁵.

Fig. 1. Prayer Book or Book of Offices. Stratin. 1606. Title page.

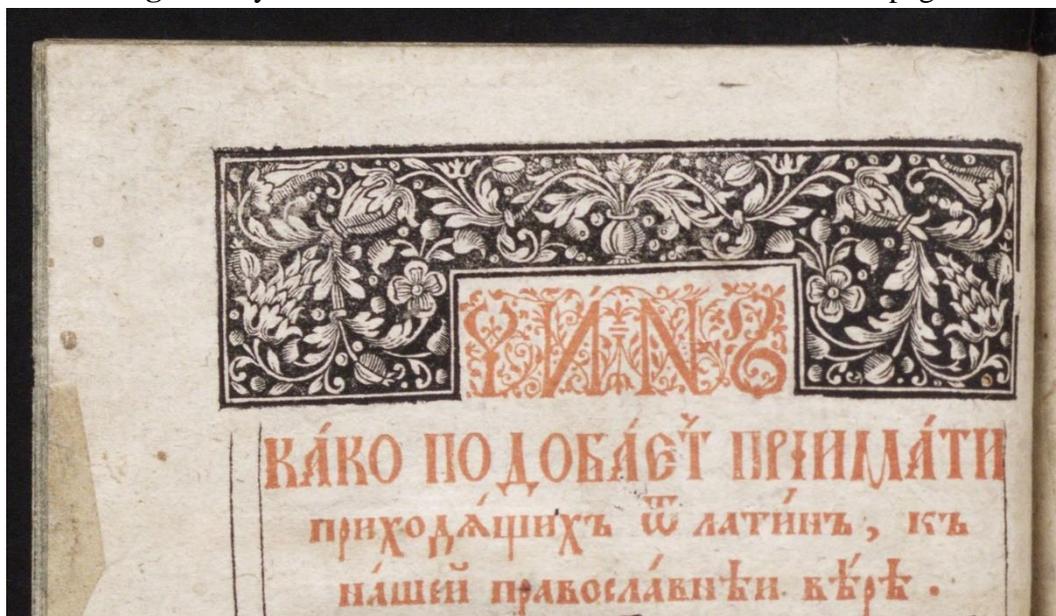

Рис. 2. Молитвенник или требник. Стратин. 1606.

Fig 2. Prayer Book or Book of Offices. Stratin. 1606.

¹⁵ Фотографии «Молитвенника или требника» взяты из цифровой копии, сделанной для портала Национальной электронной библиотеки по экземпляру, хранящемуся в Российской государственной библиотеке. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/molitvennik-ili-trebnik> (дата обращения: 16.12.2025)

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минеинном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

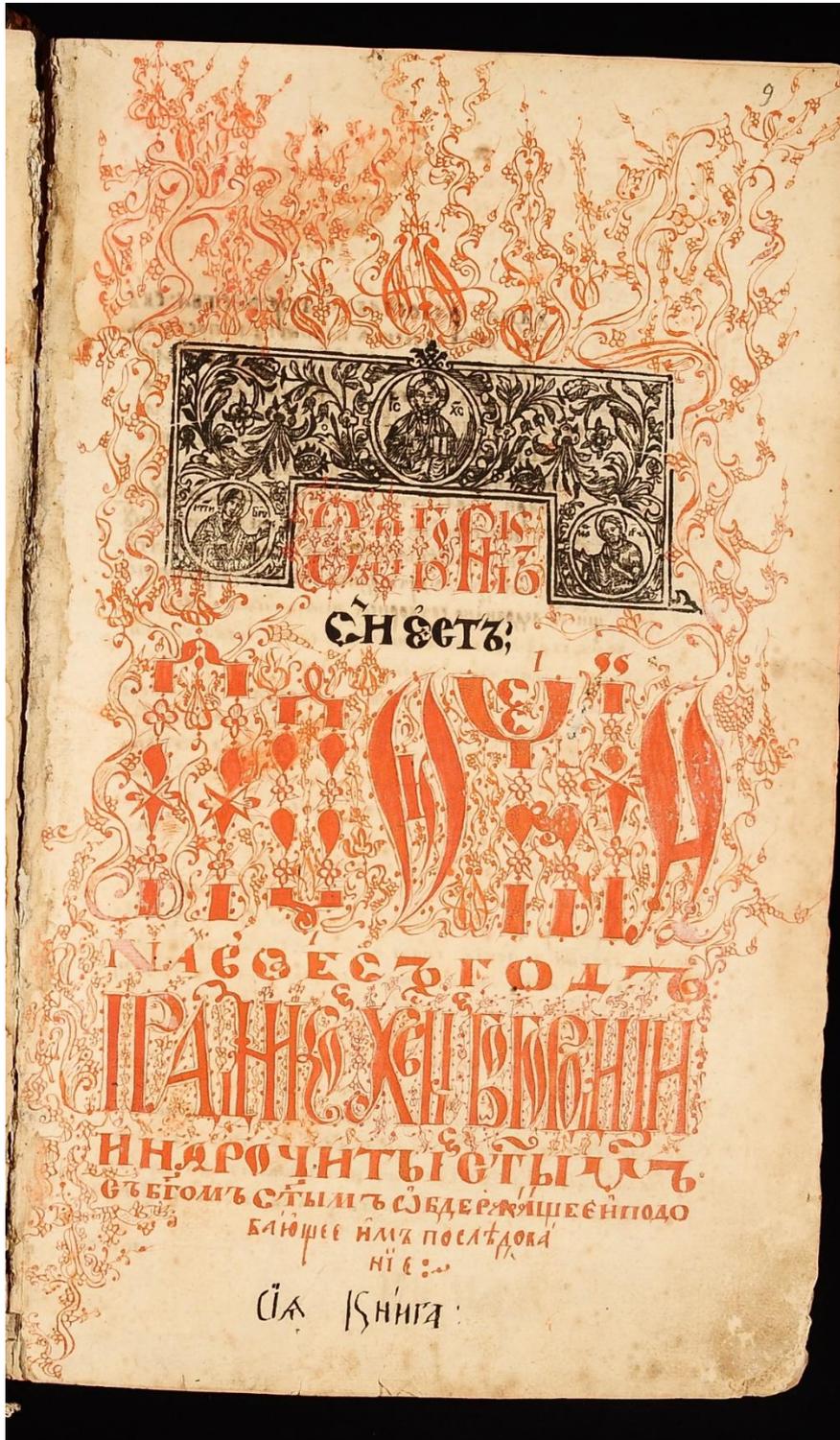

Рис. 3. Торжественник из собрания Е.Е. Егорова № 208. Л. 9.
Fig. 3. Solemnity from collection of E.E. Egorov No 208. P. 9.

Сравнение экземпляров из фондов отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН: «Рая мысленного», изданного в Иверском монастыре (1658-1659), с «Новым Заветом с Псалтырью» (1652) и «Лексиконом» Памвы Берынды (1653), изданными в Кутейнском монастыре, – показывает, что в этих изданиях совпадают не все элементы. Общими являются шрифт и наборные украшения, но заставки и малые инициалы «Рая мысленного»¹⁶ отличаются от тех, что использовались в Кутейнских изданиях. Заставки из «Рая мысленного» (например, л. 1, 35 перв. сч.) близки по своему образу к стилистике гравюры с изображением Иверской иконы Пресвятой Богородицы того же издания (л. [3] об.¹⁷, автор ксилограф Паисий). Г.Я. Голенченко отмечает сходство гравюры «Рая мысленного» и изображений евангелистов в «Новом Завете с Псалтырью» (Голенченко, 1966, с. 105). В таком случае, в противовес сообщению источников (Голенченко, 1989, с. 63), на Валдае была перевезена не вся «снасть» для печатного станка.

Переезд кутейнских монахов и типографии на Валдае был протяженным по времени и непростым. Первые переселенцы появились на Валдае в марте 1655 г., в 1656-1657 гг. архимандрит Дионисий, настоятель Иверского монастыря, просил у патриарха Никона разрешения для отправки в Могилев и Кутейно наместника Филофея и монаха Севериана (РИБ, 1878, стлб. 240-241), последнего Г.Я. Голенченко называет «резчиком по дереву и кости» (Голенченко, 1989, с. 63). В качестве причины поездки Дионисий пишет, что поездка нужна «для ради исправки монастырей и для ради братии, которые надобны нам в Иверской монастырь» (РИБ, 1878, стлб. 241). Выявленное отличие в заставках печатных изданий Кутейнского и Иверского монастырей, протяженность переселения монахов и особенности Торжественника Егор. 208 позволяют предположить, что как минимум в процессе переезда типографии в Кутейно еще какое-то время оставались специалисты, которые продолжали работу в скриптории и использовали в создании книги оставленные заставки 40-50-х годов. Возможное возражение, что при создании Торжественника Егор. 208 могли использовать листы, заготовленные заранее для типографии до начала переезда, опровергается сравнением форматов книг: печатные книги Кутейнского монастыря размером in quarto, в то время как Торжественник in folio.

Если скрипторий Кутейнского монастыря продолжал свою деятельность после переселения значительной части насельников, то вероятнее всего эта работа определялась следующим настоятелем Богоявленского монастыря – игуменом Варнавой (Громовичем), которого Н.П. Бондар называет переписчиком сборника Егор. 208. Художественное оформление Торжественника, развивающее традиции Кутейнской типографии, и существование одной стратегии переводов с латинских изданий позволяют подтвердить этот тезис.

Заключение

Обнаружение первоисточника для слова Петра Дамаскина на Рождество Христово в сборнике из собрания Е.Е. Егорова № 208 ставит большое количество новых вопросов и открывает новые перспективы в исследовании деятельности Кутейнского мужского

¹⁶ Данные украшения А.С. Зернова называет инициалами кутейнского типа (Зернова, 1952, с. 23).

¹⁷ Номер листа по экземпляру из фонда отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (QK.I.8).

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

монастыря. Под видом проповеди византийского монаха на славянский язык была переведена гомилия Николая Клервоского, цистерцианца, – в таком же стиле был создан перевод известного трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Использование печатных заставок, которые теоретически должны были быть переданы в типографию Иверского Валдайского монастыря, и оформленная переводческая тактика позволяют утверждать о том, что после переселения большей части монахов в Кутеинском монастыре продолжал действовать скрипторий под руководством игумена Варнавы (Громовича). Можно ли объяснить подложную атрибуцию в выявленных текстах ошибкой переводчика? Скорее всего, нет, повторенная дважды такая атрибуция выглядит как авторская концепция. Как использование католического наследия объяснял себе создатель сборника? Является это разновидностью культурной апроприации или приспособлением к изменившимся политическим условиям во время войны России с Речью Посполитой? Сколько еще текстов из Торжественника Егор. 208 имеют католическое происхождение? Входит ли сборник из Рогожского собрания, обнаруженный Н.В. Савельевой, в круг кутеинских рукописей? Рассмотрение озвученных вопросов позволит расширить представление как о книжной деятельности Кутеинского монастыря, так и о литературном процессе Киевской митрополии середины XVII века.

Список источников / References

1. Анисимова, Т.В. (2021). *Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова*, 3, 201-300. М.
Anisimova, T.V. (2021). *Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts from the Collection of E.E. Egorov*, 3, 201-300. Moscow. (In Russ.).
2. Атапин, В.Б., Кузьмин, А.В. (2019). Оршанский Кутеинский в честь Богоявления мужской монастырь. *Православная энциклопедия*, 53. М., 355-359.
Atapin, V.B., Kuz'min, A.V. (2019). The Orsha Kutejno Epiphany monastery. *The Orthodox Encyclopedia*, 53. Moscow, 355-359. (In Russ.).
3. Бобров, А.Г. (1994). *Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: исследование и тексты*. СПб.
Bobrov, A.G. (1994). Apocryphal "Tale of Aphroditian" in literature and bookishness of Ancient Russia: research and texts. Saint-Petersburg. (In Russ.).
4. Бондар, Н.П. (2021). Минейный Торжественник середины XVII века в контексте изучения книгописания в Оршанском Кутеинском Богоявленском монастыре. *Берковские чтения - 2021. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы VI Международной научной конференции, Гродно, 26–27 мая 2021 года*. М., 46-52.
Bondar, N.P. (2021). Menaion Torzestvennik of the middle of 17th century in the context of Orsha Kutejno Epiphany monastery scriptorium exploration. *Berkovskie chteniya - 2021. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Grodno, 26–27 maya 2021 goda*. Moscow, 46-52. (In Russ.).
5. Вознесенский, А.В., Николаев, Н.В. (2019). *Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVIII веков из собрания отдела редких книг Российской национальной библиотеки*. Вып. 2. 1601–1654 гг. СПб.

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

- Voznesenskii, A.V., Nikolaev, N.V. (2019). *Catalog of Belarusian editions of the Cyrillic font of the XVI-XVIII centuries from the collection of the Department of Rare Books of the Russian National Library*. Iss. 2. 1601–1654. Saint-Petersburg. (In Russ.).
6. Голенченко, Г.Я. (1966). Белорусы в русском книгопечатании. Книга: исследования и материалы. Сб. 13. М.
Golenchenko, G.Ya. (1966). Belarusians in Russian Book Printing. *Book: Research and Materials*. Iss. 13. Moscow. (In Russ.).
 7. Голенченко, Г.Я. (1989). *Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в.* Минск.
Golenchenko, G.Ya. (1989). Ideological and Cultural Relations of the East Slavic Peoples in the 16th and Mid-17th Centuries. Minsk. (In Russ.).
 8. Гончаров, И.Н. (2007). Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского как словесный ритуал. *Сибирский филологический журнал*, 1, 4-8.
Goncharov, I.N. (2007). The Sermons of Gregory the Theologian and Cyril of Turov as a Verbal Ritual. *Siberian Journal of Philology*, 1, 4-8. (In Russ.).
 9. Дмитриева, Р.П. (1955). Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. *Труды Отдела древнерусской литературы*, 11, 491-499.
Dmitrieva, R.P. (1955). A project for a series of monographic studies and publications of Old Russian literary monuments. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 11, 491-499. (In Russ.).
 10. Жерве, Н.Н. (2003). Валдайский Святоозерский в честь Иверской иконы Божией Матери мужской монастырь. *Православная энциклопедия*, 6, М., 515-520.
Zherve, N.N. (2003). Valdai Monastery of the Iveron Icon of the Mother of God. *The Orthodox Encyclopedia*, 6. Moscow, 515-520. (In Russ.).
 11. Иаков Ворагинский (2017). *Золотая легенда*. Пер. с латыни И.В. Кувшинской и И.И. Аникьева. Том 1. М.
Iakov Voraginskii (2017). *The Golden Legend*. Translated from Latin by I.V. Kuvshinskaya and I.I. Anik'ev. Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
 12. *Кириллические издания XVII века из коллекции Центральной научной библиотеки НАН Беларуси: каталог* (2023). Вып. 4: 1644–1648 гг. Минск.
Cyrillic publications of the 17th century from the collection of the Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus: catalog (2023). Iss. 4: 1644–1648. Minsk. (In Russ.).
 13. Кузьмин, А.В. (2019) Оршанский Кутеинский в честь Успения Пресвятой Богородицы женский монастырь. *Православная энциклопедия*, 53. М., 359-361.
Kuz'min, A.V. (2019). The Orsha Kuteinsky Convent of the Assumption of the Virgin Mary. *The Orthodox Encyclopedia*, 53. Moscow, 359-361. (In Russ.).
 14. Лаўрык, Ю.М. (2025). Да пытання пра кнігапісную дзейнасць у Богаяўленскім манастыры. *Кутеинские чтения: сборник научных статей*. Витебск.
Lavryk, Yu.M. (2025). On the issue of book-writing activity in the Epiphany Monastery. *Kuteinskie chteniya: sbornik nauchnykh statei*. Vitebsk. (In Belarus.).

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

15. Лаўрык, Ю.М. (2012). *Кнігі і кнігазборы куцеінскага Богаяўленскага манастыра ў сярэдзіне XVII ст.* Мінск.
Lavryk, Yu.M. (2012). Books and book collections of the Kuteinsky Epiphany Monastery in the middle of the 17th century. Minsk. (In Belarus.).
16. Лукашова, С.С. (2005). Гедеон (Балабан). *Православная энциклопедия*, 10. М., 511-513.
Lukashova, S.S. (2005). Gideon (Balaban). *The Orthodox Encyclopedia*, 10. Moscow, 511-513. (In Russ.).
17. Никифорова, А.Ю. (2011). Неизвестное Гимнографическое наследие Константинопольского патриарха Германа. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 26, 29-43.
Nikiforova, A.Yu. (2011). Unknown hymnographic heritage of St. Herman, the Patriarch of Constantinople. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 26, 29-43. (In Russ.).
18. *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией* (1878). Т. 5. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582-1706), собранные о. архимандритом Леонидом и изданные археографической комиссией. СПб.
The Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission (1878). Vol. 5. Acts of the Iversky Svyatoozersky Monastery (1582-1706), collected by Archimandrite Leonid and published by the Archaeographic Commission. Saint-Petersburg. (In Russ.).
19. Савельева, Н.В. (2018a). Издания Кутейнской типографии и сборник "Зерцало духовное" Гедеона, игумена Бизюкова монастыря. *Вертоград многоцветный: Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори*. М., 464-476.
Savel'eva, N.V. (2018a). Publications of the Kuteyn Printing House and the collection "Mirror of the Spiritual" by Gideon, the Abbot of the Bisyukov Monastery. *Vertograd mnogotsvetnyi: Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori*. Moscow, 464-476. (In Russ.).
20. Савельева, Н.В. (2011). Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. *Книжная старина: сборник научных трудов*. Выпуск 2. СПб., 82-131.
Savel'eva, N.V. (2011). An unknown Western Russian author, Hieromonk Gideon, Abbot of the Bisyukov Monastery, and Moscow book printing in the mid-17th century. *Knizhnaya starina: sbornik nauchnykh trudov*. Iss. 2. Saint-Petersburg, 82-131. (In Russ.).
21. Савельева, Н.В. (2018b). Неизвестный перевод трактата "De imitatione Christi" Фомы Кемпийского в западнорусском сборнике XVII века. *Славяноведение*, 2, 65-82.
Savel'eva, N.V. (2018b). An unknown translation of Thomas à Kempis's treatise "De imitatione Christi" in a 17th-century West Russian collection. *Slavianovedenie*, 2, 65-82. (In Russ.).
22. Сомов, С.Э. (2003). *Православные монастыри Беларуси*. Вып. 5. Минск.
Somov, S.E. (2003). *Orthodox monasteries of Belarus*. Iss. 5. Minsk. (In Russ.).
23. Ткачев, Е.В. (2022). Влияние Оригена на западную христианскую традицию. *Метафраст*, 1 (7), 112–139. <https://doi.org/10.31802/METAFRAST.2022.7.1.006>
Tkachev, E.V. (2022). Origen's Influence on Western Christian Tradition. *Metaphrast*, 1 (7), 112–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.31802/METAFRAST.2022.7.1.006>
24. Ткачев, Е.В. (2019). Петр Дамаскин. *Православная энциклопедия*, 55. М., 738-751.

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минейном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvennik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

- Ткачев, Е.В. (2019). Peter of Damascus. *The Orthodox Encyclopedia*, 55. Moscow, 738-751. (In Russ.).
25. Шляпкин, И.А. (1885). К истории полемики между московскими и малорусскими учеными в конце семнадцатого века. *Журнал министерства народного просвещения*, 241, 2, 210-252.
Shlyapkin, I.A. (1885). On the history of the controversy between Moscow and Little Russian scholars in the late seventeenth century. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 241, 2, 210-252. (In Russ).
26. Ярных, В.С. (2009). Иаков из Варацце. *Православная энциклопедия*, 20. М., 536-538.
Yarnykh, V.S. (2009). Jacob from Varazze. *The Orthodox Encyclopedia*, 20. Moscow, 536-538.
27. Benton, J. (1982). Nicolas de Clairvaux (ou de Montieramey). *Dictionnaire de spiritualité*. Т. 11. Nabinal – Ozanam. Paris. Col. 255-259. (In French).
28. Baroniis, C. (1864). *Caesaris S.R.E. Card. Baronii, Od. Raynaldi et Jac. Laderchii Annales ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner ejusdem congregationis presbytero, sanctorum tabulariorum Vaticani praefecto, etc, etc*. Tomus Primus. Parisiis, Bruxellis. (In Latin).
29. Damiani, P. (1663). *Beati Petri Damiani S. R. E. cardinalis. Episcopi ostiensis, ordinis sancti benedicti*. Tomus secundus. Parisiis. M. DC. LXIII [1663]. (In Latin).
30. PL 144 (1853). Migne, J.-P. *Patrologiae cursus completes. Series Latina*. Vol. 144. 1853. (In Latin).
31. PL 184 (1879). Migne, J.-P. *Patrologiae cursus completes. Series Latina*. Vol. 184. 1879. (In Latin).
32. PL 217 (1855). Migne, J.-P. *Patrologiae cursus completes. Series Latina*. Vol. 217. 1855. (In Latin).
33. Poucet, J. (2014). *Les «marqueurs» de la Nativité du Christ dans la littérature médiévale. La christianisation du matériel romain*. Bruxelles. [Electronic source] URL: https://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/29/Marqueurs/Marqueurs_08_Huile.htm#F5NicolasClairvaux (дата обращения: 17.06.2025) (In French)

Приложение / Appendix

1. Егор. 208 – РГБ. Ф. 98. Собрание Е.Е. Егорова, № 208. Торжественник минейный годовой. Сер. – трет. четв. XVII в.
Egor. 208 – RGB. F. 98. Collection of E.E. Egorov, No. 208. Anniversary annual celebration. Ser. – tert. The fourth XVII century.
2. Молитвенник или тробник. Стрятин. Типография Федора Балабана. 1606.
Prayer book or breviary. Stratin. Printing house of Fyodor Balaban. 1606.
3. ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Древлехранилище им. Е.И. Дергачевой-Скоп. QK.I.8. Рай мысленный. Тип. Иверского монастыря. 1658-1659 гг.
ORKiR GPSTB SB RAS. The Ancient Repository named after E. I. Dergacheva-Skop. QK.I.8. Mental paradise. Type. The Iversky Monastery. 1658-1659

Коваленко А.Н. (2026)
Подложное «Слово Петра Дамаскина» в Минеинном
Торжественнике из собрания Е.Е. Егорова № 208
Язык и текст, 13(1), 121—136.

Kovalenko A.N. (2026)
The False “Word of Peter of Damascus” in the
Menaion Torzhestvnik from the collection of E.E.
Egorov no. 208
Language and Text, 13(1), 121—136.

4. ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Древлехранилище им. Е.И. Дергачевой-Скоп. QK.I.80. Новый Завет с Псалтирью. Кутеин: тип. Богоявленского монастыря. 165.
ORKiR GPSTB SB RAS. The Ancient Repository named after E. I. Dergacheva-Skop. QK.I.80. The New Testament with the Psalter. Kutein: type. Bogoyavlensky monastery. 165.
5. ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Древлехранилище им. Е.И. Дергачевой-Скоп. QK.I.88. Лексикон славеноросский. Памво Берында. Кутеин: тип. Богоявленского монастыря, 1653.
ORKiR GPSTB SB RAS. The Ancient Repository named after E. I. Dergacheva-Skop. QK.I.88. The Slavonian Lexicon. Pamvo Berynda. Kutein: type. Bogoyavlensky monastery, 1653.
6. РГБ. Ф. 247. Собрание Рогожского кладбища, № 657. Сборник. Кон. 50-х – перв. пол. 70-х гг. XVII в.
RGB. F. 247. Collection of the Rogozhsky cemetery, No. 657. Collection. Con. 50s - the first half of the 70s of the XVII century.

Информация об авторе

Антон Николаевич Коваленко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>, e-mail: kovalenko@gpntbsib.ru

Information about the author

Anton N. Kovalenko, Candidate of Science (Philology), Researcher, Department of Rare Books and Manuscripts, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>, e-mail: kovalenko@gpntbsib.ru

Поступила в редакцию 27.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.27
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных книгах на рубеже XIV/XV в.

А.М. Спасскова✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.spasskova@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Палеографическое исследование революционных процессов смены типа декоративного письма в переломную для древнерусской книжности эпоху кон. XIV – нач. XV в. тесно связано с текстологическим и историко-лингвистическим изучением памятников письменности этого периода и является одним из комплексных изменений в истории восточнославянской рукописной книги: ее оформления, языка и текста. **Цель.** Проанализировать процесс изменения заглавного устава и появление нового типа декоративного письма – вязи; установить время начала, особенности отражения этого процесса в древнерусских рукописных книгах и скорость распространения нового явления. **Гипотеза.** Появление нового типа профессионального декоративного письма в древнерусском ареале датируется рубежом 1370-х – 1380-х гг., за короткое время становится известным в различных книгописных центрах Древней Руси, может служить датирующим и локализирующим признаком. **Методы и материалы.** В исследовании использовались следующие методы: метод дефиниций; классический палеографический метод; гибридный метод палеографического исследования; сравнительно-исторический метод; типологический метод. Основной материал исследования – датированные древнерусские пергаменные рукописи XIV–XV вв. **Результаты.** Благодаря уточнению терминологических дефиниций и применению обновленных методов палеографического исследования, удалось установить, что древнерусские мастера, ориентируясь на византийские и южнославянские образцы, начинают в последние десятилетия XIV века практиковать новую манеру оформления заголовков текстов в скрипториях Константинополя и на Афоне, новая модификация заглавного устава и формирующаяся на его основе вязь проникают в книжные мастерские Москвы и Твери, Новгорода и Пскова. **Выводы.** Особенности декоративных типов почерков XIV/XV в. можно использовать в качестве палеографического маркера. Отражение выявленных

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

особенностей и в эпиграфическом материале позволяет экстраполировать результаты наблюдений на анализ (датировку, локализацию, прочтение) любых древнерусских текстов, выполненных декоративным письмом.

Ключевые слова: заглавный устав, вязь, кириллическая палеография, XIV-XV вв., пергаменные рукописные книги

Благодарности. Автор благодарит сотрудников ОР РГБ – организаторов Международной научной конференции памяти Лидии Петровны Жуковской – за возможность представить материалы исследования, легшие в основу настоящей статьи, в форме доклада 21 мая 2025 года в Российской государственной библиотеке (Москва).

Для цитирования: Спасскова, А.М. (2026). О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных книгах на рубеже XIV/XV в. *Язык и текст*, 13(1), 137—152. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130110>

About title type writing and decorative title ligatures in old Russian handwritten books at the turn of the 14th – 15th centuries

А.М. Spasskova✉

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ a.m.spasskova@mail.ru

Abstract

Context and relevance. A paleographic study of the revolutionary processes in the change of decorative script types during the crucial period for Old Russian book culture at the turn of the 14th – early 15th centuries is closely connected with the textological and historical-linguistic study of the written monuments of this period and constitutes one of the complex changes in the history of the East Slavic manuscript book: its design, language, and text. **Objective.** To analyze the process of changing the title type writing and the emergence of a new type of decorative script – decorative title ligatures (*vyaz'*); to establish the starting time, the features of this process's reflection in Old Russian manuscripts, and the rate of spread of the new phenomenon. **Hypothesis.** The emergence of a new type of professional decorative script in the Old Russian area is dated to the turn of the 1370s–1380s, quickly becomes known in various book-producing centers of Ancient Rus, and may serve as a dating and localization feature. **Methods and materials.** The following methods were used in the study: the definition method; the classical paleographic method; the hybrid method of paleographic research; the comparative-historical method; the typological method. The main material of the study consists of dated Old Russian parchment manuscripts of the 14th–15th centuries. **Results.** Thanks to the clarification of terminological definitions and the application of updated methods of paleographic research, it was possible to establish that Old Russian masters, guided by Byzantine and South Slavic examples, began in the last decades of the 14th century to practice a new style of decorating text headings in the scriptoria of Constantinople and Mount Athos; the new

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

modification of the capital script and the ligature forming on its basis penetrated into the scriptoria of Moscow and Tver, Novgorod, and Pskov. **Conclusions.** The characteristics of the decorative types of scripts of the 14th/15th centuries can be used as a paleographic marker. The reflection of the identified features in epigraphic material allows extrapolating the results of observations to the analysis (dating, localization, reading) of any Old Russian texts executed in decorative script.

Keywords: title type writing, decorative title ligatures, Cyrillic paleography, 14th – 15th centuries, parchment handwritten books

Acknowledgements. The author is grateful to the staff of the Russian State Library, who organized the International Scientific Conference in Memory of Lydia Petrovna Zhukovskaya, for the opportunity to present the research materials that formed the basis of this article in the form of a report on May 21, 2025, at the Russian State Library (Moscow).

For citation: Spasskova, A.M. (2026). About title type writing and decorative title ligatures in old Russian handwritten books at the turn of the 14th – 15th centuries. *Language and Text*, 13(1), 137—152. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130110>

Введение

Статья посвящена судьбе заглавного устава в переломный для всей древнерусской книжности период – время рубежа XIV/XV в. Как справедливо отмечала М.Г. Гальченко, «заглавное письмо древнерусских рукописей до настоящего времени мало привлекало внимание палеографов» (Гальченко, 2001, с. 472), однако историки искусства книги, говоря о времени конца XIV – начала XV века, специально отмечают не только «полную перемену общего облика русской рукописной книги», но и важные с точки зрения палеографического исследования процессы, в частности «в заглавиях — начало употребления вязи» (Вздорнов, 1968, с. 172). Авторитетный отечественный палеограф и текстолог Л.П. Жуковская, говоря об оформлении древнерусских кодексов, констатирует появление особого декоративного письма – вязи – «с конца XIV и особенно в XV веке» (Жуковская, 1974, с. 109), а также убедительно обосновывает большое значение исследования оформления и палеографических особенностей рукописных книг для текстологического и – шире – историко-лингвистического изучения памятников древнерусской письменности (Жуковская, 1974а, с. 59, 62, 65 и др.).

На рубеже XIV/XV вв. заглавный устав переживает не столько эволюционный, сколько революционный этап развития (Щепкин, 1967, с. 14), в процессе которого на смену этому виду декоративного почерка приходит вязь и постепенно становится доминирующим видом декоративного письма. Важно проанализировать этот процесс, сопоставить время смены заглавного устава вязью в различных региональных книжных центрах Древней Руси. Результаты анализа древнерусских декоративных почерков в рукописных книгах можно впоследствии экстраполировать и на другие древнерусские исторические источники с текстами, выполненными декоративным письмом, основываясь на методике комплексного палеографического анализа, сочетающего в себе приемы «вещеведческого» (материаловедческого) и почерковедческого подхода (Житенева, 2007, с. 321–328). В отличие от рукописных книг, многие из которых содержат эксплицитно выраженную дату создания или надежно датируются на основании косвенных данных, иные источники (например, иконы

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

и фрески), также нередко оформленные декоративным письмом (заглавным уставом и вязью), в большинстве своем не имеют точных датировок (ср. (Турилов, 2015, с. 515), (Житенева, 2024а, с. 196)), вследствие чего результаты палеографического анализа декоративных почерков рукописных книг приобретают первостепенное значение и могут применяться (с учетом особенностей иной поверхности и материала для письма) для датировки письменных источников других групп (ср. (Гальченко, 2001, с. 469–473), (Заглавное письмо..., 2004, с. 5).

Вопросы терминологии

Во избежание терминологических двусмысленностей и неточностей следует дать определение заглавному уставу и вязи.

Заглавный устав – тип профессионального почерка с ярко выраженной декоративной функцией. Буквенные начертания, выполненные заглавным уставом, как правило, отличаются измененными пропорциями: соотношение ширины к высоте буквы – от 1:1,6 и более. В надписях, выполненных заглавным уставом, соблюдается двулинейность письма и прямолинейность буквенных элементов, при этом нижний и верхний уровень строки, как правило, не нарушаются – буквы размещаются целиком в строке без спуска элементов в нижнее междустрочье и без подъема в верхнее. Тем самым достигается дополнительный декоративный эффект – текст представляет собой не просто строку, а декоративный разделитель, визуально помогающий распознать границы нового фрагмента текста и эстетически выделяющий его начало. Тексты, выполненные заглавным уставом, совмещают в себе информативную и декоративную функции при доминанте последней. Многие буквенные начертания подвергаются масштабированию (уменьшению размера всего буквенного начертания при сохранении пропорций отдельных частей – например, начертание Р в заглавном уставе, размещаясь целиком в строке без нарушения нижней границы строки, имеет точку присоединения петли к мачте на уровне середины строки и выше) или сокращению (Житенева, 2024). В последнем случае хвосты буквенных начертаний укорачиваются или не используются вовсе – от буквенного начертания остается только строчная часть (например, чаша от У). В итоге подобных трансформаций буквенные начертания утрачивают некоторые особенности, с которыми связаны палеографически значимые признаки, применяемые в процессе палеографического анализа к начертаниям, выполненным книжным (как каллиграфическим, так и деловым) уставом, что свидетельствует о необходимости выявления отдельного перечня палеографически значимых (датирующих) признаков для устава заглавного. Особо следует отметить, что этот тип профессионального почерка используется не только в рукописных книгах, но и в эпиграфическом материале при оформлении надписей на предметах, в связи с чем обозначенная задача становится еще более актуальной и должна стать целью отдельного исследования.

Как отдельным буквенным начертаниям, так и целым текстам (строкам, надписям), выполненным заглавным уставом, присущ эксплицитно выраженный декоративный элемент – дополнительные приемы оформления, не несущие информативной нагрузки (в отличие от значимых элементов отдельных основных и вспомогательных графем), но выполняющие функцию эстетизации. К эксплицитно выраженным декоративным элементам можно отнести цветное заполнение внутреннего пространства двойного контура буквенных начертаний, заполнение пустот овалов и полуовалов орнаментальными и сюжетными изображениями,

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

дополнительные утолщения, перечеркивания, ажурные выпуклости на мачтах буквенных начертаний и пр.

Имплицитно выраженный декоративный элемент (единообразное ритмичное, предсказуемое чередование широких и тонких линий) характерно для надписей, выполненных заглавным уставом, и объединяет этот тип почерка с другим типом профессиональных почерков – уставом каллиграфическим.

Буквенные начертания заглавного устава могут быть выполнены исключительно только тонкими линиями или ритмично чередующимися широкими (двухконтурными) и узкими (тонкими) линиями. Оба приема оформления позаимствованы древнерусскими книжниками у их византийских коллег – в греческих рукописях аналогичным способом оформлялись заголовки текстов или их фрагментов. В некоторых случаях оба способа сочетаются: при ведущем «двухконтурном» способе в случае дефицита места (прежде всего в конце строки) могут быть использованы начертания, полностью состоящие из тонких элементов. Очевидно, что способ сочетания двух манер (двух способов оформления) заглавного устава используется как способ коррекции длины строки в условиях дефицита места.

Принципиальное отличие вязи от заглавного устава заключается в регулярном совмещении площади соседних буквенных начертаний, благодаря которому усиливается орнаментальная (эстетическая) функция этого типа письма. Соотношение ширины к высоте буквенных начертаний имеет тенденцию к увеличению. Чем выше так называемый показатель вязи (количество раз, которое ширина помещается в высоте), тем сложнее дешифровка орнаментальной надписи. Для совмещения площади соседних буквенных начертаний используются и традиционные приемы, применявшиеся с самого начала существования кириллической письменности (мачтовые лигатуры, удлинение мачты одного буквенного начертания и (или) сокращение мачты соседнего и пр.), и новые способы взаимопроникновения соседних букв. Принципиальное отличие в использовании этих приемов в вязи и предыдущих типах профессиональных почерков заключается в том, что до появления и распространения вязи приемы совмещения площади соседних буквенных начертаний использовались из прагматических соображений экономии текстового пространства, то есть рассматривались писцами как способы коррекции длины строки. Чаще всего эти приемы применялись в зоне конца строки для регулирования длины строки при необходимости соблюдения некоторых правил (например, правила графически открытого слога – стремления писца завершить строку буквой гласного), а также в целом в условиях дефицита места – в строках месяцеслова, в строках заголовков фрагментов текста (выполненных каллиграфическим или – реже – заглавным уставом), в надписях на предметах, в надписях на иконах и пр. – словом, всюду, где были композиционные или физические ограничения пространства для текста определенного объема. В надписях, выполненных вязью, подобные приемы используются не из прагматических, а из эстетических соображений: чем выше плотность буквенных начертаний (чем ближе расположены буквенные начертания друг к другу, чем меньше в текстовом пространстве места, не занятого элементами буквенных начертаний), тем выше уровень декоративности надписи. Визуальное восприятие текста, выполненного вязью, сближается с восприятием декоративного орнамента. Информативная функция при этом может страдать – эстетическая функция доминирует, то есть усложнение рисунка надписи может вызывать затруднение в дешифровке текста. Казалось бы,

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

коммуникативная функция текста теряется, что неприемлемо при любом виде письма как вида речевой деятельности, однако сфера применения декоративного типа письма – вязи – была ограничена теми текстами, содержание которых было предсказуемо или легко прогнозируемо потенциальным читателем.

Эволюция заглавного устава в древнерусских рукописях конца XIV века

Пронаблюдаем процесс смены заглавного устава вязью в древнерусских рукописных книгах конца XIV – начала XV века, чтобы установить, был ли этот процесс относительно эволюционным или решительно революционным, а также по возможности определить, имелись ли локальные (региональные) отличия в этом процессе.

Рассмотрим, в каких из известных, дошедших до нашего времени рукописных книгах, выполненных древнерусскими писцами, ранее всего можно констатировать наличие вязи.

Самой ранней древнерусской рукописной книгой, в которой встречается вязь, считается Стихирарь 1380 года из основного собрания рукописных книг Троице-Сергиевой Лавры (РГБ, ф. 304/1, № 22), фигурирующий в литературе также под названием Стихирарь Епифания Премудрого (Соболевский, 2006, с. 470), (Клосс, 1998, с. 92-96), (Кучкин, 2003, с. 113-114). На обороте первого листа рукописи, сразу под заставкой, выполненной в тератологическом стиле, начинается текст заголовка, первая строка которого совмещает в себе особенности традиционного двухконтурного оформления (контуры букв с пропорциями 1:1,6 выполнены киноварью и заполнены зеленой и желтой краской) с элементами вязи. Те же приемы последовательного стремления разнообразными способами совместить площади соседних буквенных начертаний применялись писцом и для оформления следующих двух строк подзаголовка, выполненных только киноварью (рис. 1).

Рис. 1. Стихирарь 1380 г. (РГБ, ф. 304/1, № 22): а) л. 1об.; б) заголовок на л. 1об.; в) писцовая запись на нижнем поле л. 1об.

Fig. 1. Stikhirar of 1380 (RSL, f. 304/1, N 22): а) folio 1v.; б) title on 1v.; в) scribe's note on the lower margin of folio 1v

Все три заглавных строки и строка писцовой записи на нижнем поле л. 1об. оформлены с использованием одних и тех же приемов совмещения площади букв соседних буквенных начертаний: мачтовые лигатуры, объединяющие до 10 знаков в единую графическую

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

композицию, подчинение, соподчинение, изменение буквенных пропорций. Эти приемы, демонстрируя хорошее знакомство мастера с образцами южнославянской и византийской вязи и поиск индивидуальных графических решений, требуют отдельного анализа, который позволил бы делать выводы об этиологии этого эпизода как явления в истории развития древнерусских книжных почерков.

Учитывая тот факт, что в подобной манере выполнен только основной – первый – заголовок книги (остальные заглавия разделов текста оформлены традиционным двухконтурным заглавным уставом), следует, пожалуй, отметить доминирующую эстетическую функцию вязи как декоративного приема в восприятии писца-оформителя Стихираря 1380 года.

Однако назвать использование вязи в Стихираре 1380 года случайным эпизодом вряд ли возможно. С конца 1370-х – начала 1380-х гг. отказ от использования ставшего традиционным двухконтурного заглавного устава можно наблюдать в различных древнерусских рукописных памятниках. В книгах, переписанных и оформленных восточнославянскими мастерами, появляются заголовки с элементами вязи, постепенно вытеснившей заглавный устав. При этом чем выше была квалификация писца, тем ниже вероятность увидеть в переписанной и (или) оформленной им книге одноконтурный (киноварный) заглавный устав, а не вязь, поскольку вязь требовала от писца опыта, таланта и творческого осмысления графической композиции.

Вязь проникает в строки заголовков рукописных книг относительно быстро, буквально в течение нескольких лет распространяясь по книгописным мастерским Древней Руси. Писцы начинают оформлять заглавные строки при помощи буквенных начертаний, состоящих из тонких, выполненных, как правило, киноварью элементов, пропорции букв сохраняют соотношение ширины к высоте не менее 1:1,6 и имеют тенденцию к увеличению (до 1:2 – 1:2,5). Межбуквенные промежутки минимизируются, что, даже несмотря на отсутствие регулярного совмещения площади соседних буквенных знаков, производит впечатление декоративно оформленного текста, близкого по характеру восприятия к плотно заполняющей пространство строки заголовка вязи. Новый тип заглавного устава – тонкий киноварный – соседствует с традиционным двухконтурным, постепенно вытесняя его и подготавливая почву для вязи.

Древнерусские рукописи из Константинополя и Афона

Из-за чего вязь начинает проникать в заглавные строки древнерусских книг, чтобы на долгое время укорениться в древнерусской письменности в качестве ведущего декоративного почерка, впоследствии орнаментально украшавшего шитые изделия и каменные надгробия, иконы и юбки колоколов, потиры и фрески? Рукописные книги и дипломатические документы южного ареала пространства *Slavia Orthodoxa* знают вязь уже в XIII–XIV вв. Видимо, под влиянием южнославянских книжников их древнерусские коллеги проникаются эстетикой вязи, после чего этот вид декоративного письма распространяется и в других сферах жизни и применения письменности, украшая собой те предметы искусства и быта, которые подразумевали наличие текста, выполненного в декоративной манере.

Судя по наличию самых ранних образцов тонкого киноварного заглавного устава и применения приемов вязи в заглавных строках в рукописных книгах, переписанных в Константинополе, книгописные мастерские угасающей Византийской империи стали центром

влияния на зарождение и распространения древнерусской вязи под воздействием южнославянских и византийских образцов. Это предположение согласуется с наблюдением М.Г. Гальченко, которая, говоря о древнерусской рукописи Диоптры инока Филиппа 1389 г. (ГИМ, Чуд. 15), написанной в Константинополе, отмечала более раннее возникновение графико-орфографических явлений в работах, выполненных восточнославянскими мастерами в международных центрах христианской книжной культуры: «Русские писцы, работавшие в Константинополе, были хорошо знакомы с памятниками южнославянской письменности, и в созданных ими рукописях признаки 2-го ЮСлВ¹ проявляются почти на десятилетие раньше, чем в рукописях, написанных на территории Древней Руси» (Гальченко, 2001, с. 234). Такую же тенденцию можно отметить и анализируя особенности оформления заголовков в рукописных книгах. Так, например, Евангелие тетр 1382–1383 (1393?) г. (ГИМ, Син. 742)², переписанное древнерусским мастером в «богоспасаемемъ и славнемъ граде цесарстемъ Костянтинополи» (ГИМ, Син. 742, л. 282, 3–5), содержит «декоративное письмо с элементами вязи» и «инициалы и заглавные буквы простые, киноварные» (Сводный каталог..., 2002, с. 442). Заголовки и малые инициалы в Евангелии Син. 742 выполнены киноварью то двухконтурным заглавным уставом, то тонкими киноварным заглавным уставом с элементами вязи, то есть те заголовки, которые состоят из тонких киноварных начертаний, на некоторых отрезках текста демонстрируют прием совмещения площади соседних буквенных начертаний за счет масштабирования, подчинения, соподчинения и соединения графем (рис. 2).

Рис. 2. Евангелие тетр. 1382/3 (1393?) г. (ГИМ, Син. 742): а, б) – примеры двухконтурного заглавного устава; в, г) – примеры тонкого киноварного заглавного устава.

Fig. 2. The Four Gospels Manuscript 1382/3 (1393?) (GIM, Sin. 742): a, b) – examples of a double-lined title type writing; c, d) – examples of a thin cinnabar title type writing.

Древнерусский писец, работавший в конце XIV века в Константинополе, помимо хорошо знакомого любому мастеру-профессионалу двухконтурного заглавного устава, применяет

¹ 2-е ЮСлВ – второе южнославянское влияние.

² Разница в 10 лет в датировке рукописной книги с эксплицитно выраженной датой в выходной записи писца (лл. 281–282) связана с неоднозначностью прочтения в записи года от Сотворения мира – см. (Сводный каталог..., 2002, с. 443).

тонкий киноварный заглавный устав. Этот более компактный тип декоративного почерка позволяет разместить в одной строке более длинный текст. Тонкий киноварный заглавный устав предвещает появление вязи как более совершенного декоративного типа письма – более компактного, удобного с прагматической точки зрения, и более эстетически совершенного за счет визуальной (графической) однородности.

Интересный материал с точки зрения анализа заглавного устава представлен в уже упоминавшейся выше Диоптре инок Филиппа (ГИМ, Чуд. 15), переписанной несколькими древнерусскими мастерами также в Константинополе. Заголовки в этой рукописной книге выполнены одноцветно, киноварью, начерк букв с чередующимися тонкими и широкими линиями совпадает с привычным двухконтурным заглавным уставом, однако сплошная монотонная заливка киноварью роднит эти начертания с тонкими киноварными начертаниями заглавного устава. Приемы экономии места в киноварных заголовке на л. 1об. вполне традиционны: мачтовые лигатуры, выносные буквы, однако заголовок на л. 22 выполнен с использованием приемов вязи: масштабирование буквенных начертаний и их соподчинение (уменьшенные в два раза буквы располагаются в строке одна над другой), лигатуры в сочетании с подчинением.

Древнерусские писцы, наблюдая результаты работы византийских и южнославянских писцов-профессионалов, постепенно вводят в оформление заголовков новые приемы: традиционный двухконтурный заглавный устав оформляется сплошной киноварной заливкой контура, что позволяет сделать начертания более компактными по ширине, сохранив их яркость, четкий визуальный акцент, выделяющийся на фоне основного текста. Тонкий киноварный устав подготавливает появление вязи.

Эти графические новшества, появляясь в «международных» скрипториях, становятся известны и в различных книгописных центрах Древней Руси. Книгописные мастерские двух передовых (и соперничавших между собой) культурных центров Древней Руси – мастерские Москвы и Твери – активно подхватывают модную тенденцию в 80-е – 90-е гг. XIV века.

Москва, Тверь

Заглавные строки в рукописи Пандектов Никона Черногорца (ГИМ, Син. 193), переписанной для Серпуховского Высоцкого монастыря в 1381 году, выполнены заглавным уставом со сплошной киноварной заливкой. Пропорции буквенных начертаний примерно 1:1,8, регулярное чередование широких и тонких линий укладывается в сложившиеся традиции заглавного устава. На л. 4 (см. рис. 3), оформляя заголовок тем же киноварным заглавным уставом с монохромной заливкой, писец использует не только традиционные приемы экономии места в условиях его дефицита – мачтовые лигатуры, но и новые, которые впоследствии будут характерны для вязи.

Рис. 3. Пандекты Никона Черногорца, 1381 г. (ГИМ, Син. 193, л. 4а, 27)

Fig. 3. The Pandects of Nikon Chernogorets, 1381 (GIM, Sin. 193, f. 4a, line 27)

Писец Пандектов Никона Черногорца (ГИМ, Син. 193) был знаком с новыми тенденциями, проникающими в буквенные начертания заглавного устава и в графические композиции заглавных строк. Характерно, что рукопись выполнялась для Серпуховского монастыря – обители, основанной учеником преподобного Сергия и находившейся в кругу влияния идей передового московского монастыря (вспомним эксперименты с вязью писца Епифана в рукописи Стихираля 1380 г. – см. выше).

Еще одна рукопись, происходящая из ТСЛ, – Четвероевангелие 1399 г. Никона Радонежского (РГБ, ф. 304/III, № 6) – повторяет ситуацию, описанную для Константинопольского четвероевангелия 1383 (1393?) года (ГИМ, Син. 742): оформляя заголовки одноконтурным уставом с монохромной киноварной заливкой, писец иногда использует и двухконтурный заглавный устав с дополнительными декоративными элементами в буквенных начертаниях, однако не применяет приемы экономии места, характерные для вязи (соподчинение, подчинение), но прибегает лишь к традиционным мачтовым лигатурам (рис. 4).

Рис. 4. Четвероевангелие 1399 г. Никона Радонежского (РГБ, ф. 304/III, № 6)

Fig. 4. The Four Gospels Manuscript of Nikon of Radonezh, 1399 (RGB, f. 304/III, no. 6)

Сходную ситуацию наблюдаем и в Евангелии тетр 1401 г. (РГБ, ф. 256, № 118), в так называемом Зарайском евангелии, переписанном предположительно в Московском регионе (Вздорнов, 1980, кат. [50]): заголовки выполняются то двухконтурным заглавным уставом, то тонким киноварным. Двухконтурный оформлен киноварью и золотом, с традиционными декоративными элементами и спорадически используемыми мачтовыми лигатурами. Заголовки, выполненные тонкими киноварными вариантами начертаний, также оформлены с использованием мачтовых лигатур, но без приемов подчинения и соподчинения, характерных для вязи (рис. 5).

Спасскова А.М. (2026)
 О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
 книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
 About title type writing and decorative title ligatures
 in old Russian handwritten books at the turn of the
 14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

Рис. 5. Четвероевангелие Зарайское 1401 г. (РГБ, ф. 256, № 118)

Fig. 5. The Four Gospels Manuscript of Zaraysk, 1401 (RGB, f. 256, no. 118)

В Твери в 1402 году создается список Лествицы с протографа митрополита Киприана (НИОР БАН, Тимоф. 9)³. Заголовки рукописи оформлены тонким киноварным заглавным уставом (рис. 6).

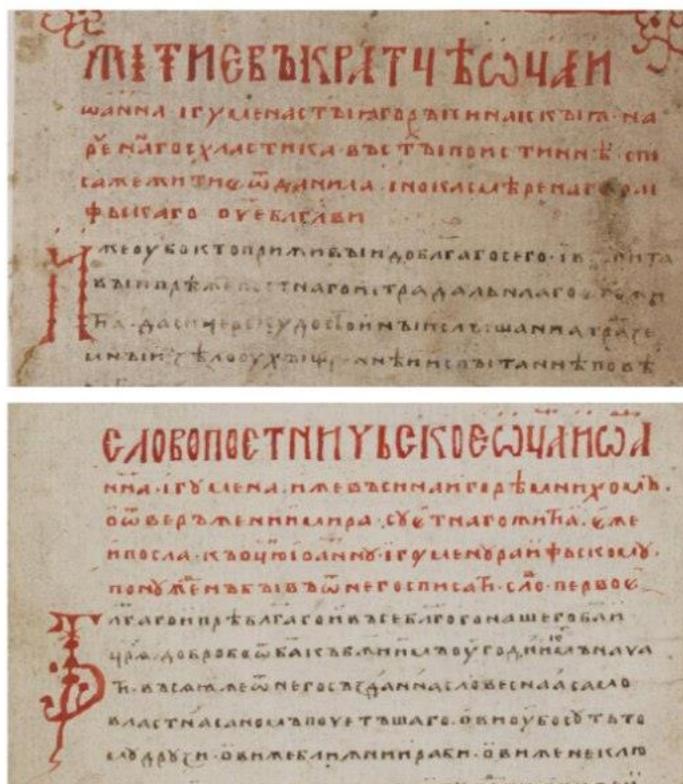

Рис. 6. Лествица, 1402 г. (НИОР БАН, Тимофеев 9, фрагменты л. 3 и л. 9об.)

Fig. 6. The codex *Ladder*, 1402 (NIOR BAN, Timofeev 9, fragments of f. 3 and f. 9v)

Вероятно, влияние Константинопольского образца послужило причиной последовательного использования в декоре рукописи исключительно тонких киноварных

³ Характеристика почерка рукописи дана А. Г. Сергеевым в (Жуков, Корогодина, Подковырова, 2023, с. 250).

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

инициалов и заголовков, выполненных тонким киноварным заглавным уставом, однако без элементов совмещения площади соседних буквенных начертаний, характерных для вязи.

Мастера-книгописцы Северо-Запада Руси не отстают от московских и тверских коллег, также начиная использовать тонкий киноварный заглавный устав в 1380-е – 1390-е гг. и применять приемы вязи на рубеже веков. Однако благодаря известному консерватизму псковичей, не склонных без весомых причин практического характера менять традиции местной книгописной школы, в псковских памятниках вязь становится доминирующим типом заглавного письма лишь к середине XV века.

Новгород, Псков

О знакомстве мастеров Северо-Запада Руси уже в 1380-е гг. с новыми тенденциями в области декоративных почерков свидетельствует, например, оформление некоторых инициалов как тонких киноварных в рукописи Пролога 1383 г. (РГАДА, ф. 381, Тип. 172) на фоне оформления подавляющего большинства инициалов и заголовков рукописи традиционным двухконтурным уставом (рис. 7).

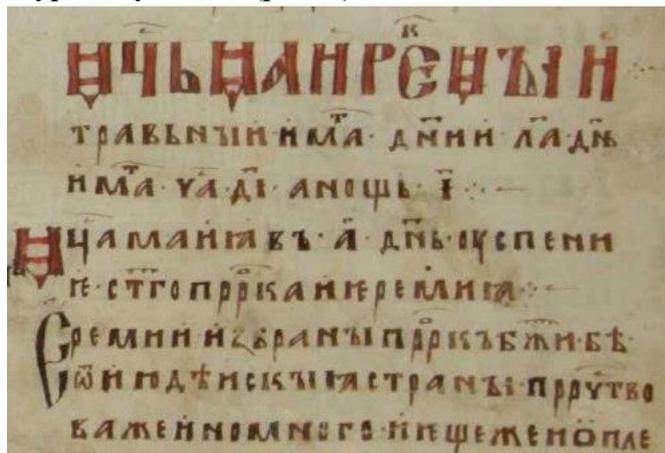

Рис. 7. Пролог 1383 г. (РГАДА, ф. 381, Тип. 172, фрагмент л. 55)

Fig. 7. Prologue, 1383 (RGADA, f. 381, Typ. 172, fragment of f. 55)

Похожую ситуацию можно наблюдать и в новгородской рукописи 1397 г., созданной в Лисицком монастыре Рождества Богородицы, – в Тактиконе Никона Черногорца (РНБ, Ф.п.І.41), где на л. 1об. заголовок чтения оформлен двухконтурным уставом, а инициал С, начинающий текстовый фрагмент, одноконтурный с киноварным заполнением (рис. 8).

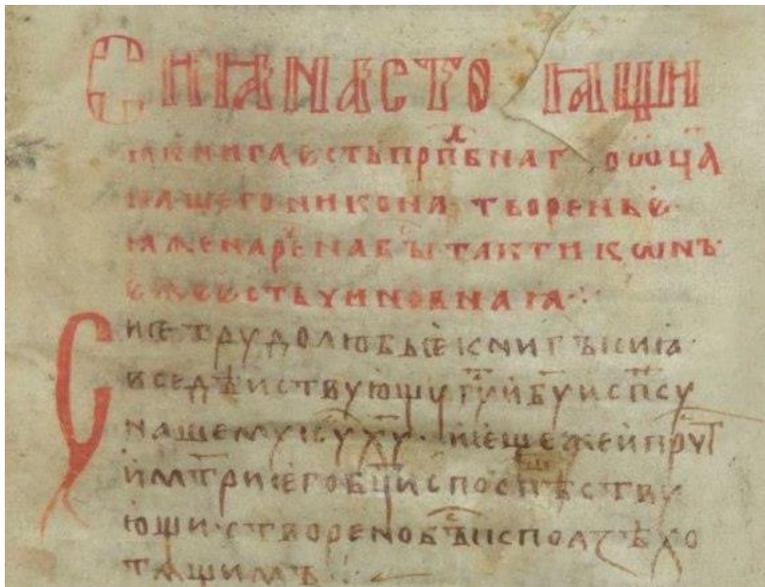

Рис. 8. Тактикон Никона Черногорца, 1397 г. (РНБ, ф. 550, Ф.п.І.41, фрагмент л. 2)

Fig. 8. The Tacticon of Nikon Chernogorets, 1397 (RNB, coll. 550, F.p.I.41, fragment of f. 2)

О связях между новгородским Лисицким монастырем и Афоном на рубеже XIV–XV вв. писали исследователи истории древнерусской книжной культуры Г.И. Вздорнов, А.Г. Бобров (Вздорнов, 1968; Бобров, 2024, 15–16).

Таким образом, появляясь в месте культурных контактов древнерусских и южнославянских книжников – в Константинополе и на Афоне, вязь постепенно распространяется по древнерусскому ареалу. Москва и Тверь более благожелательно воспринимают инновационные изменения, начиная использовать тонкий киноварный заглавный устав и приемы вязи, а потом и полностью переходят на вязь как тип заглавного (декоративного) почерка чуть раньше мастеров Северо-Запада Руси. Подчеркну, что это объясняется не «отсталостью» псковичей и новгородцев, а лишь их меньшей восприимчивостью к новым тенденциям: инновации были отлично известны мастерам-книгописцам Пскова и Новгорода, вопрос был в целесообразности введения новшеств.

Особо следует отметить смену малых инициалов, совпадающих по начерку и манере оформления с буквенными знаками заглавного устава, на тонкие киноварные инициалы в древнерусских рукописных книгах в тот же период. Эта тенденция свидетельствует о восприятии средневековыми книжниками заглавного устава как отдельного типа декоративного почерка, применявшегося в зонах повышенной эстетизации: в строке заголовка книжного текста, перед началом нового отрезка текста. Когда в строках заголовков двухконтурный заглавный устав, царивший на протяжении четырех столетий, сменяется тонким киноварным заглавным уставом, отдельные начертания которого постепенно начинают соединяться и соподчиняться, образуя декоративно-орнаментальное пространство, оформленное вязью, в основном тексте рукописной книги малые двухконтурные инициалы, большие инициалы упрощенного старовизантийского и тератологического рисунка сменяются тонкими киноварными, неовизантийскими и балканскими инициалами. Художественное

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

пространство рукописной книги под влиянием южнославянских и византийских образцов постепенно меняется, открывая новый период в истории древнерусской книги.

Заключение

Наблюдение за особенностями заголовков в контексте комплексного палеографического анализа дает дополнительный материал для датировки и локализации, то есть способствует решению основных задач палеографического исследования.

Анализ материала некоторых датированных древнерусских рукописей кон. XIV – нач. XV в. позволяет проследить эволюцию заглавного устава и появление и развитие нового типа декоративного почерка – вязи, а также использовать особенности декоративных типов почерков этого периода не только в качестве датирующего, но и в качестве локализующего палеографического маркера, благодаря территориальному распределению появления и распространения вязи в древнерусских рукописях, созданных в книгописных центрах разных регионов (Москва, Тверь, Псков, Новгород и др.).

Темой отдельного палеографического исследования мог бы стать сопоставительный анализ начертаний, выполненных заглавным уставом (двухконтурным и тонким) и вязью, в древнерусских рукописных книгах, на древнерусских иконах и фресках XIV–XV вв.

Список источников / References

1. Бобров, А.Г. (2024). *Книжность Великого Новгорода*. М.: Квадрига.
Bobrov, A.G. (2024). *Bookishness of Veliky Novgorod*. Moscow: Quadriga. (In Russ.).
2. Вздорнов, Г.И. (1968). Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. В: *Труды отдела древнерусской литературы, т. 23 (с. 171–198)*. Л.: Наука.
Vzdornov, G.I. (1968). The role of slavic scriptoria in Constantinople and Mount Athos in the development of artistic illumination of Russian manuscripts at the turn of the 14th–15th centuries. In: *Works of the department of Old Russian literature, vol. 23 (pp. 171–198)*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
3. Вздорнов, Г.И. (1980). *Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XIII – начала XV вв.* М.: Искусство.
Vzdornov, G.I. (1980). The art of the book in Ancient Rus'. The manuscript book of Northeastern Rus' in the 13th – early 15th centuries. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Гальченко, М.Г. (2001). *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы*. М.: УНИК, АЛЕТЕЙЯ.
Galchenko, M.G. (2001). *Book culture. Scripture writing. Icon Inscriptions of Old Rus'. Selected Works*. Moscow: UNIC, ALETEYA. (In Russ.).
5. Житенева, А.М. (2007). О классификации эпиграфических источников. В: *Вестник молодых ученых «Ломоносов», вып. III (с. 321–328)*. М.: МАКС Пресс.
Zhiteneva, A.M. (2007). On the Classification of Epigraphic Sources. In: *"Lomonosov" Journal of Young Scientists, vol. III (pp. 321–328)*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.).

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

6. Житенева, А.М. (2024). «Сокращенные» буквенные начертания в кириллических источниках XI–XV вв. В: *LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Сборник тезисов, Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 года (с. 1071–1072)*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.
Zhiteneva, A.M. (2024). Abbreviated letterforms in Cyrillic sources of the 11th–15th centuries. In: *LII International scientific philological conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: Collection of abstracts, Saint Petersburg, March 19–26, 2024 (pp. 1071–1072)*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.).
7. Житенева, А.М. (2024а). Надпись на мощевике из Спасо-Преображенского собора в Чернигове. *Археологические вести*, 43, с. 193–198.
Zhiteneva, A.M. (2024a). Inscription on a reliquary from the Transfiguration Cathedral in Chernigov. *Archaeological news*, 43, pp. 193–198. (In Russ.).
8. Жуков, А.Е., Корогодина, М.В., Подковырова, В.Г. (2023). *Рукописная книга в восточнославянских землях: Палеографические очерки и альбом рукописей БАН*. СПб.: Альянс-Архео.
Zhukov, A.E., Korogodina, M.V., Podkovyrova, V.G. (2023). *Manuscript books in East Slavic Territories: paleographic studies and an album of manuscripts from the Library of the Academy of Sciences*. St. Petersburg: Alliance-Archeo. (In Russ.).
9. Жуковская, Л.П. (1974). Инициалы в древнерусских рукописных книгах. *Русская речь*, 3, 108–120.
Zhukovskaya, L.P. (1974). Initials in Old Russian manuscript books. *Russkaya rech'*, 3, 108–120. (In Russ.).
10. Жуковская, Л.П. (1974а). Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника. В: *Древнерусское искусство. Рукописная книга*, сб. 2, т. 8 (с. 58–69). М.: Наука.
Zhukovskaya, L.P. (1974a). *The Connection between the study of visual means and the textology of a monument*. In: *Ancient Russian art. The Manuscript book*, vol. 2, issue 8 (pp. 58–69). Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Заглавное письмо..., (2004). *Заглавное письмо древнерусских рукописных книг XIV–XV вв. Альбом зарисовок М.Г. Гальченко*. Вст. статья Турилов, А.А., Маслова, Р.Н. М.: тип. «Наука».
The title writing..., (2004). *The title writing in Old Russian manuscript books of the 14th–15th centuries. Album of sketches by M.G. Galchenko*. Introductory article by A.A. Turilov, R.N. Maslova. Moscow: "Nauka" Printing House. (In Russ.).
12. Клосс, Б.М. (1998). *Избранные труды, т. 1*. М.: Языки русской культуры.
Kloss, B.M. (1998). *Selected works, vol. 1*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
13. Кучкин, В.А. (2002). Антиклоссицизм. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3(13), 113–127.
Kuchkin, V.A. (2002). Antiklossicism. *Ancient Rus'. Medieval studies*, 3(13), 113–127. (In Russ.).
14. Сводный каталог... (2002). *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1*. М.: Индрик.

Спасскова А.М. (2026)
О заглавном уставе и вязи в древнерусских рукописных
книгах на рубеже XIV/XV в.
Язык и текст, 13(1), 137—152.

Spasskova A.M. (2026)
About title type writing and decorative title ligatures
in old Russian handwritten books at the turn of the
14th – 15th centuries
Language and Text, 13(1), 137—152.

Union catalogue ... (2002). *Union catalogue of Slavic-Russian manuscript books held in Russia, CIS countries, and the Baltic States. 14th Century. Vol. 1.* Moscow: Indrik. (In Russ.).

15. Соболевский, А.И. (2006). *Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии.* М.: Языки славянской культуры.

Sobolevskiy, A.I. (2006). *Works on the History of the Russian Language. Vol. 2: Articles and Reviews.* Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).

16. Турилов, А.А. (2015). К палеографической датировке двух мощевиков из Благовещенского собора Московского Кремля. *Slověne*, 1 (4), 511–525.

Turilov, A.A. (2015). On the palaeographic dating of two reliquaries from the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. *Slověne*, 1 (4), 511–525. (In Russ.).

17. Щепкин, В.Н. (1967). *Русская палеография.* М.: Наука.

Shhepkin, V.N. (1967). *Russian Paleography.* Moscow: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна Михайловна Спасскова, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления в космической отрасли, факультет космических исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9473-476X>, e-mail: a.m.spasskova@mail.ru

Information about the author

Anna M. Spasskova, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Economics and Management in the Space Industry, Faculty of Space Research, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9473-476X>, e-mail: a.m.spasskova@mail.ru

Поступила в редакцию 13.01.2026

Поступила после рецензирования 28.02.2026

Принята к публикации 10.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.13

Revised 2026.02.28

Accepted 2026.03.10

Published 2026.03.30

Древнерусские повести в составе старообрядческих сборников XVIII века

Е.А. Юдина✉

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

✉ yudina.gpntb@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В XVIII в. активно формировались и укреплялись идеологические основы возникших старообрядческих согласий. Анализ того, какие древнерусские литературные произведения были отобраны и каким образом они применялись при формировании основополагающих принципов мироустройства старообрядчества, позволит пролить свет на одну из фундаментальных граней этого уникального явления. **Цель.** Определить место древнерусской повести (сказания, слова) в системе книжных авторитетов старообрядцев в XVIII в. **Методы и материалы.** Исследование выполнено с применением традиционных археографических методов. Для выявления рукописных сборников XVIII в. с древнерусскими повестями в составе был применен фронтальный просмотр опубликованных описаний рукописных коллекций, а также полистовой просмотр сборников. При работе с рукописями *de visu* использованы текстологический и жанрово-стилистический анализы. **Результаты.** Приведен перечень древнерусских повестей, литературная история которых была продолжена в двух параллельно развивавшихся рукописных традициях Нового времени. На примере «Сказания о двенадцати снах царя Мамера» продемонстрированы особенности переработки произведений для их распространения в старообрядческих сборниках. Отдельно рассмотрены повести, послужившие инструментом для обоснования и укрепления идеологической системы Выговской пустыни. **Выводы.** Обращение старообрядцев к древнерусским повестям в начале-середине XVIII в. не было столь активным в сравнении с их распространением в нестарообрядческих сборниках этого времени. Отобранные сюжеты соответствовали развивающимся идеологическим концепциям отдельных движений и представляли ценный исторический прецедент, способствующий их укреплению.

Юдина Е.А. (2026)
Древнерусские повести в составе старообрядческих
сборников XVIII века
Язык и текст, 13(1), 153—164.

Yudina E.A. (2026)
Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of
the 18th century
Language and Text, 13(1), 153—164.

Ключевые слова: древнерусская повесть, сказание, старообрядческий сборник, рукописная традиция, Сказание о двенадцати снах царя Мамера, Повесть о белом клобуке, Повесть о Меркурии Смоленском

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00808 «Трансформация древнерусской литературной традиции в рукописных сборниках старообрядцев и церковных полемистов XVIII века», <https://rscf.ru/project/25-28-00808/>.

Для цитирования: Юдина, Е.А. (2026). Древнерусские повести в составе старообрядческих сборников XVIII века. *Язык и текст*, 13(1), 153—164. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130111>

Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of the 18th century

Е.А. Yudina✉

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ yudina.gpntb@gmail.com

Abstract

Context and relevance. During the 18th century, the ideological foundations of the emerging Old Believer communities were actively taking shape and becoming firmly established. An analysis of which Old Russian literary works were selected and how they were utilized in the formulation of the fundamental principles of the Old Believers' worldview will shed light on one of the fundamental aspects of this unique phenomenon. **Goal.** To determine the place of Old Russian tales (legends, stories) within the system of Old Believer literary authorities in the 18th century. **Methods and materials.** The study was conducted using traditional archival methods. To identify 18th-century manuscript collections containing Old Russian tales, a comprehensive review of published descriptions of manuscript collections was conducted, along with a page-by-page examination of the collections. Textual and genre-stylistic analyses were employed when working with the manuscripts *de visu*. **Results.** This paper presents a list of Old Russian tales whose literary history was continued in two manuscript traditions that developed in parallel during the Early Modern period. Using the example of “The Tale of the Twelve Dreams of Tsar Mamer”, it demonstrates the distinctive features of how these works were adapted for dissemination in Old Believer anthologies. Tales that served as a tool for justifying and strengthening the ideological system of the Vyg are examined separately. **Conclusions.** The Old Believers' engagement with Old Russian tales in the early to mid-18th century was not as widespread as their inclusion in non-Old Believer anthologies of the time. The selected plots aligned with the evolving ideological concepts of specific movements and served as a valuable historical precedent that helped to reinforce them.

Keywords: Old Russian tale, legend, Old Believer' miscellany, manuscript tradition The Legend of the Twelve Dreams of King Mamer, The Tale of the White Cowl, The Tale of Mercuriy of Smolensk

Юдина Е.А. (2026)
Древнерусские повести в составе старообрядческих
сборников XVIII века
Язык и текст, 13(1), 153—164.

Yudina E.A. (2026)
Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of
the 18th century
Language and Text, 13(1), 153—164.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00808 “Transformation of Old Russian Literary Tradition in Manuscript Miscellanies of Old Believers and Church Polemicists of the 18th Century”, <https://rscf.ru/project/25-28-00808/>.

For citation: Yudina, E.A. (2026). Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of the 18th century. *Language and Text*, 13(1), 153—164. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130111>

Введение

Наступление Нового времени в России, повлекшее за собой значительные общественные преобразования, совпало с периодом становления старообрядческого движения. Вместе с освоением новаторских приемов нового литературного течения барокко, продемонстрированных в их оригинальных авторских сочинениях, старообрядцы сохраняют глубокую связь с наследием древнерусской книги, на которой строится фундамент их идеологической системы¹.

В XVIII в. старообрядчество переживало фазу активного становления идеологических систем недавно возникших согласий. Наряду с продолжающимися спорами с официальной церковью, защитники старой веры приступили к отстаиванию своих позиций внутри движения. С возникновением новых потребностей в старообрядческой среде были разработаны новые подходы к подбору авторитетных источников (Гурьянова, 2003).

Основным проявлением старообрядческого интереса к древнерусской книге, несомненно, следует считать поиск неопровержимых аргументов в пользу сторонников старой веры. Отбор древних рукописей для переписки велся, прежде всего, для организации надежного подспорья в полемике с не менее подготовленными оппонентами. Обследование староверами главных книгохранилищ России того времени привело к созданию множества рукописных сборников, вошедших в состав библиотек крупных центров основных согласий. В этом контексте древнерусские повести, сказания и апокрифы, обнаруженные в составе старообрядческих рукописных сборников XVIII в., также следует рассматривать не просто как «душеполезное» чтение, но и как часть корпуса текстов, соответствующих и в некоторых случаях формирующих идеологические установки старообрядцев.

Проблемы типологии рукописных сборников Нового времени

Рукописные сборники XVIII в. привлекались исследователями для выявления особенностей развития русской литературы в Петровское время, для характеристики культурных центров в различных регионах страны. М.Н. Сперанский одним из первых весьма доказательно продемонстрировал, что рукописные сборники должно считать неотъемлемой частью

¹ Принципу следования старине как основополагающему и роли древней книги в формировании системы авторитетов у староверов были посвящены исследования: Покровский, Н.Н. (1973). О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества. *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Том Выпуск XIV*. Новосибирск: Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР, 19-40. Поздеева, И.В. (1988). Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период). *История СССР, 1 (январь – февраль)*, 84–99. Беляева, О.К. (1990). К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма*. Новосибирск: Наука, 9–16.

литературы XVIII в., без которой невозможно составить верное и полное представление о русской литературе в целом и культуре этого века. Им были изучены и опубликованы новые материалы из более 500 рукописных сборников XVIII века, проанализирован их состав, что позволило установить преемственность между литературой XVII в. и литературным процессом XVIII в. (Сперанский, 1963).

Классификация М.Н. Сперанского позволяет проследить динамику развития светского начала в рукописных сборниках. Материал был отобран исследователем из разных фондов и разделен на 5 основных групп, характерных и показательных для литературного чтения в «демократических классах России XVIII в.» Однако в своем исследовании М.Н. Сперанский практически не обращался к сборникам религиозно-учительным, богослужебным, монастырским, церковным и в т.ч. старообрядческим по причине незначительности их роли в литературном процессе XVIII века (Сперанский, 1963, с. 25). Эта точка зрения отражает влияние советской идеологии 1930-х годов, которая трактовала литературу XVIII века как инструмент просвещения и гражданского воспитания, игнорируя религиозные и метафизические аспекты.

Сборники старообрядческие, не вошедшие в классификацию, были рассмотрены М.Н. Сперанским в отдельной главе (Сперанский, 1963, с. 115–122). Исследователь отметил, что в старообрядческой среде рукописный сборник и был наиболее популярной литературной формой.

Проблемам бытования сборников, связям текста произведения с контекстом сборника уделялось особое значение в работах Е. И. Дергачевой-Скоп и ее учеников (Дергачева-Скоп, Алексеев, 1994). Еленой Ивановной была поставлена задача не только текстологического исследования отдельного произведения, но и всей композиции сборников, как среды бытования произведения.

В работах Е.И. Дергачевой-Скоп и ее учеников значительное внимание уделялось вопросам функционирования сборников и взаимосвязи отдельных произведений с контекстом сборника. Елена Ивановна ставила перед собой задачу не только детального текстологического анализа каждого произведения, но и изучения целостной композиции сборников как среды, определяющей бытование этих произведений (Дергачева-Скоп, Алексеев, 1994).

В результате глубокого анализа читательских практик и их влияния на формирование читательских интересов, О.Н. Фокина, обратившись к рукописным сборникам разных эпох с исследуемой ею Повестью о бражнике в составе, разработала типологию рукописных сборников. Эта типология базируется на выявлении характерных особенностей чтения, которые, в свою очередь, служат индикаторами предпочтений читательской аудитории. Как и М.Н. Сперанский, О.Н. Фокина отказалась от привлечения старообрядческих сборников в качестве материала: «Сборник старообрядческий, в котором отражены специфические интересы старообрядцев – это совершенно особая система, нами она не рассматривается» (Фокина, 2009, с. 252–253).

В работах Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексеева, посвященных книжной культуре старообрядцев, были разработаны подходы к изучению этого пласта книжности и литературы: рассмотрены тип чтения в сибирских старообрядческих согласиях, репертуар (круг) четвѣй литературы старообрядцев согласий Сибири. Авторы определяют репертуар как «возможность чтения, в него входит вся литература, которая бытует в общинной библиотеке...,

возможности чтения помогают сформировать круг чтения»; «круг чтения есть реализация читательских возможностей человека или коллектива»; «тип чтения отражает некие общие для всех согласий и одновременно специфические для каждого из них принципы подхода к чтению и отбору книг» (Дергачева-Скоп, Алексеев, 1994, 1996).

Основной задачей коллективной работы Д.Ю. Балагановой, А.Ю. Бородихина, В.А. Есиповой и Е.А. Юдиной было выявление текстов древнерусской традиции в составе поздних (к. XVIII–XX вв.) старообрядческих рукописей, находящихся в государственных хранилищах Сибири: Новосибирска, Томска, Тобольска, Тюмени (Изменяющаяся традиция...2025). Сделан акцент на наиболее интересных книжных памятниках старообрядческих библиотек, обозначен ряд актуальных вопросов, требующих дальнейшего углубленного изучения и разрешения. Монография служит не окончательным результатом, но скорее отправной точкой в комплексном изучении древнерусского литературного наследия в рамках старообрядческой традиции. Исследования, посвященные месту древнерусской повести в составе старообрядческих сборников XVIII в. ранее не проводились.

Рукописные сборники XVIII в. с древнерусскими повестями в составе

На начальном этапе велась работа по выявлению старообрядческих рукописных сборников XVIII в., в состав которых были включены древнерусские повести XIV–XVI вв., как исторического, так и апокрифического содержания. Отбор рукописей был осуществлен как по известным описаниям и каталогам, так и *de visu*. Установлено, что в период к. XVII – н. XVIII вв., характеризующийся, по словам И.В. Поздеевой, преимущественно аккумуляцией, т.е. собиранием и накоплением, приобретением и копированием книг (Поздеева, 1988), в старообрядческие сборники древнерусские повести переписывались довольно редко, и их репертуар, в сравнении с репертуаром повестей в четких сборниках, созданных не в среде староверов, был весьма ограничен. В обеих литературных традициях XVIII в. выявлены следующие тексты:

Таблица / Table

Древнерусские повести в составе рукописных сборников XVIII в.
Old Russian tales in miscellanies of the 18th century²

Произведение	Старообрядческий сборник	Сборник, созданный вне старообрядческой среды
<i>Повесть о белом клобуке</i>	РГБ: Ф.722 №906; Ф.579 №102; Ф.98 №706. БАН: Тек. пост. 350; Тек. пост. 398; Калик. 7.	ГИМ: Забел. 495; Востр. 206 РГБ: Ф.310 №1102.
<i>Повесть о Варлааме и Иоасафе</i>	ИРЛИ РАН: Латгальское собр. №114 (л. 213), кол. Отдельных поступлений №81 (л. 11);	ГАКО: Твер. 126; ГИМ: Муз. 465.

² В данной таблице мы постарались исключить тексты, источниками для переписки которых были статьи из крупных сводов (Пролог, Степенная книга, Хронографы поздних редакций и др.).

Юдина Е.А. (2026)
 Древнерусские повести в составе старообрядческих
 сборников XVIII века
Язык и текст, 13(1), 153—164.

Yudina E.A. (2026)
 Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of
 the 18th century
Language and Text, 13(1), 153—164.

	<i>РГБ</i> : Ф.236 №97 (фрагмент); Ф.272 №375 (фрагмент); Ф.310 №1374.050 (фрагмент); Ф.722 №388 (фрагмент), Ф.98 №784 (фрагмент); Ф.272 №375.	
<i>Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.</i>	<i>ГИМ</i> : Муз. 1647. <i>РГБ</i> : Ф.722 №465; Ф.722 №99 5, Ф.722 №465.	<i>РГБ</i> : Ф.722 №984; Ф.228 №213.
<i>Повесть о Петре и Февронии муромских</i>	<i>БАН</i> : Друж.260 (307); <i>РГБ</i> : Ф.236 №65.	<i>РГБ</i> : Ф.178 №2858.
<i>Повесть о Петре, царевиче Ордынском</i>	<i>РГБ</i> : Ф.7 №76.	
<i>Повесть о посаднике Щиле</i>	<i>БАН</i> : Калик.99. <i>ИРЛИ РАН</i> : Латгальское собр. №114 (л. 18)	<i>РНБ</i> : Тит. 540; Погод. 1773; <i>РГБ</i> : Ф.178 №3710.
<i>Повесть о царе Аггее</i>	<i>ГИМ</i> : Вахр. 765; <i>ИИ СО РАН</i> : 8/78; <i>РГБ</i> : Ф.310 №1374.049 <i>ИРЛИ РАН</i> : кол. В.Н. Перетца № 81.	<i>ГАКО</i> : Твер. 280, Осем. 72; <i>ГИМ</i> : Барс. 1592; Вахр. 455; Вахр. 1284; Забел. 490, Забел. 510, Забел. 536, Забел. 555; Увар. 578; <i>РГБ</i> : Ф.178 2618; Ф.299 №324, Ф.299 №480; Ф.310 №663; Ф.37 №120; Ф.722 №387; Ф.722 №1151. <i>РНБ</i> : Погод. 1773; Q.XVII.138.
<i>Повесть о царице Динаре</i>	<i>ЛАИ УрФУ</i> : V.197p/1823.	<i>БАН</i> : Сев. 694; <i>ГИМ</i> : Муз.1388; Муз. 3693. <i>РГБ</i> : Ф.299 №54; Ф.299 №468; Ф.178 №1529.
<i>Повесть о царице и львице</i>	<i>БАН</i> : 33.11.7; 19.2.21; <i>ГИМ</i> : Востр. 804; <i>ИИ СО РАН</i> : 11/77; <i>ИРЛИ РАН</i> : Керженское собр. №104; Латгальское собр. №114; <i>РГБ</i> : Ф.178 №2853; Ф.722 №861.	<i>БАН</i> : 32.16.24; <i>ГИМ</i> : Барс. 1490; Барс. 2410. <i>РГБ</i> : Ф.299 №238, Ф.299 №472, Ф.299 №486; Ф.310 №1102; Ф.7 №51. <i>РНБ</i> : Погод. 1617; Син. 1179; F.IV.888; O.XVII.31; Q.XVII.5, Тит. 2800; Тит. 3685.
<i>Прение живота со смертью</i>	<i>ГПНТБ СО РАН</i> : О.П.23; <i>ИРЛИ РАН</i> : Латгальское собр. №114 (л. 312); <i>РГБ</i> : Ф.37 № 306.	<i>РНБ</i> : Q.I.786.

<p><i>Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши (Мамера)</i></p>	<p><i>БАН</i>: 33.13.14; 45.8.216; Држ. 491 (522). <i>ИРЛИ РАН</i>: Причудское собр. №5; Керженское собр. №104; Латгальское собр. №114; кол. В.Н. Перетца №275; кол. Отдельных поступлений №81 (л. 21), №114. <i>РНБ</i>: Q.I.1074 (л. 408), Q.XVII.194 (л. 105), O.I.262 (л. 218). <i>ГИМ</i>: Муз.1446 (л. 161) <i>РГБ</i>: Ф.98 №673, Ф.17 №1197.13 (отрывок), Ф.37 №239, Ф.722 №629</p>	<p><i>БАН</i>: 32.16.14; <i>РГБ</i>: Ф.299 №111, Ф.299 №143, Ф.299 №240, Ф.299 №331, Ф.299 №341, Ф.299 №486; <i>ГИМ</i>: Забел. 502, ГИМ 446, 773, 817, 1911, 3144 <i>РНБ</i>: Q.I.1403, O.XVII.194</p>
<p><i>Сказание о Мамаевом побоище</i></p>	<p><i>РГБ</i>: Ф.236 №65</p>	<p><i>РГБ</i>: Ф.299 №238</p>
<p><i>Сказание о сивиллах</i></p>	<p><i>БАН</i>: Држ. 174 (212), Држ. 183 (222), Калик. 84 – <i>выписки</i>. <i>РГБ</i>: Ф.310 №132, Ф.178 №2425</p>	<p><i>РНБ</i>: Q.XVII.97</p>
<p><i>Хождение Трифона Коробейникова</i></p>	<p><i>ГИМ</i>: Увар. 380/1; Муз. 1647; <i>РГБ</i>: Ф.396 №8; <i>ИИ СО РАН</i>: 8/78; <i>НБ ТГУ</i>: В-5608; В-820; В-24.781.</p>	<p><i>БАН</i>: 32.2.25; Сев.706; <i>ГИМ</i>: Забел. 512; Сокол. 15; Муз. 897, Муз. 1415, Муз. 1691, Муз. 2512, Муз. 3081, Муз. 3693; <i>НБ МГУ</i>: 168 <i>РГБ</i>: Ф.178 № 2756, собр. Ф.299 № 96, Ф.299 №319, Ф.299 №340; Ф.310 №770, Ф.7 №53; <i>РНБ</i>: Q.XVII.158;</p>

Важно подчеркнуть, что представленный объем материала не может претендовать на исчерпывающее отражение всего репертуара древнерусских повестей в сборниках XVIII в., но все же способен продемонстрировать степень проявления читательского интереса к перечисленным произведениям. Со схожей интенсивностью книгописцы обращались к *Повести о царе Аггее*, *Повести о царице и львице*, *Сказанию о двенадцати снах царя Шахаиши (Мамера)*, *Хождению Трифона Коробейникова*. Большее распространение в старообрядческих сборниках получили списки *Сказания о сивиллах*, *Повести о белом клобуке*, *Повести о Варлааме и Иоасафе*, *Прения живота со смертью*. Произведения, пользовавшиеся широкой популярностью в XVIII в. вне старообрядческих кругов, такие как *Повесть о царице Динаре* и *Повесть об Акире премудром* получили заметную известность у старообрядцев лишь в XIX в.

Несмотря на «общее» древнерусское наследие, в двух параллельно развивавшихся литературных традициях иногда закреплялись и распространялись различные редакции одного древнерусского памятника. Так, текст Первой, древнейшей редакции *Сказания о двенадцати снах царя Шахашии* активно переписывался в не старообрядческие сборники, но редко встречается в старообрядческих. При систематизации списков этого памятника А.В. Рыстенко было отмечено преобладание Второй редакции «преимущественно в раскольничьей среде» (Рыстенко, 1904, с. 2). Действительно, традиция переписки Сказания Второй редакции имеет глубокие корни, этот апокрифический переводной памятник вызывал интерес у авторитетных фигур старообрядческого движения. Так, в Выголексинском монастыре Тимофеем Андреевым был создан список Сказания с заголовком «*Видение некоему богومудрому царю именем Мамер, 12 снов zelo страшных*», находившийся среди собственных сочинений в черновом виде³. Последнее пророчество философа было завершено составителем Второй редакции сюжетом о возвращении и расселении изгнанных Гедеоном племен измаилтян из интерполированной редакции *Откровения Мефодия Патарского*. Вслед за Сказанием в сборнике Тимофея Андреева помещено «Слово святого отца нашего Мефодия епископа о создании Адаме и о распространении от него рода человеческого» из того же источника. Рассказ мог бы пояснить читателю генеалогию упомянутых в Сказании восточных племен, пришествие которых связано с неминуемым концом света. Вторая редакция Сказания о двенадцати снах царя Мамера также стала основой для новой, Третьей редакции, созданной старообрядцами в н. XVIII в.: количество списков этой разновидности значительно превысило количество списков более ранних редакций в сборниках XIX–XX в. (Изменяющаяся традиция... с. 80–89).

Однако и Первая редакция этого сказания все же продолжала бытовать у старообрядцев в полемических сборниках и сборниках эсхатологического характера, претерпев значительное сокращение. Переписчиками охотно распространялся небольшой текст с заголовком «*Пророчество (редко – святого – Е.Ю.) Мамера о последних днях*». Он представляет собой сокращенный фрагмент толкования Мамером первого сна царя. Текст начинается с: «*Егда придет время злое...*» и состоит из тезисных перечислений природных знамений, безнравственных поступков и преступлений, грозивших распространиться с приходом последнего времени. Примером для такой переработки мог послужить известный старообрядцам текст с заголовком «*Из сивиллина пророчества о судном дни*», распространившийся в сборниках XVIII в. наряду с полным «*Сказанием о сивиллах*» из Хронографа 1512 г. Появление этой выписки как независимого повествования прослеживается в рукописях XVII в.⁴ Таким образом, выделение основного эсхатологического аспекта в произведении и распространение его в качестве отдельного самостоятельного текста – принцип, зародившийся в средневековой литературной традиции, был продолжен старообрядцами в их рукописных сборниках.

³ БАН Друж. 491 (522)

⁴ Пример: РГБ Ф.310 №637, л. 3 об.

Древнерусская повесть в системе книжных авторитетов Выголексинского общежителства

Особого внимания заслуживают древнерусские повести, находившиеся в составе сборников, переписанных на Выге и хранившихся рукописно-книжных собраниях Выголексинского общежителства, реконструированных Е.М. Юхименко (Юхименко, 2002, т.1, с. 364—410).

Повесть о белом клобуке сыграла значимую роль в системе книжных авторитетов старообрядцев первого поколения. Ее концептуальная связь с теорией «Москва – Третий Рим», ключевые положения которой нашли отклик среди приверженцев старого обряда еще в XVII в. (Гурьянова, 1988, с. 22–41) и были отражены в ряде важнейших авторских сочинений этой эпохи, способствовала привлечению повести в качестве источника для 38 главы «Сказания о новых книгах» (1667 г.), а после – помещению этой главы вместе с несколькими другими в пространную редакцию Пятой Соловецкой челобитной и Челобитную Никиты Добрынина (Бубнов, 1995 с. 315; с. 324). Обращения к повести со стороны родоначальников старообрядчества придали ей неоспоримый вес и укрепили ее статус как авторитетного источника для старообрядцев следующего поколения. Для выгорецких наставников теория «Москва – Третий Рим» обогатилась дополнительными, комплексными смыслами: старообрядческая церковь, воплощенная в образе Выговской пустыни, представляет собой последний бастион подлинной христианской веры (Журавель, 2023). В процессе осмысления теории «Москва – Третий Рим» как неотъемлемой части выговской идеологической доктрины, *Повесть о белом клобуке*, будучи уже известной для старообрядцев составляющей этой теории, распространилась в выговских рукописных сборниках. Позднее повесть стала единственным памятником древнерусской литературы, включенным в состав печатного сборника старообрядческих историко-публицистических и догматико-полемических сочинений, изданного в типографии Супрасльского монастыря в 1788—1789 гг. (Бубнов, 1995, с. 17).

На наш взгляд, появление в одном из выговских сборников *Повести о Меркурии Смоленском*⁵ также может быть связано с развитием теории «Москва – Третий Рим» на Выге. В центре композиции находится осажденный город, окруженный, но не тронутый страшным врагом, поглотившим все остальные земли. Важным элементом является образ врат Смоленска, разделяющих пространство повести на внутреннее, безопасное и внешнее – враждебное. Смоленск представлен как центр вселенского православия, находящийся под покровительством Богородицы, которая, согласно сюжету, предотвратила его захват еретиком Батыем, воспринимаемым в данном контексте как последователь Антихриста. В «Повести о Муромском острове», помещенной в сборник после *Повести о Меркурии Смоленском*, также обнаруживаются схожий концептуальный мотив: устройство православной обители на острове, окруженном еретическими племенами. Оба литературных памятника представляют собой ценный исторический прецедент, поддерживающий идеологическую установку Выга как «острова спасения в океане Антихриста» (Crummey, 1970, p. 106).

⁵ ИРЛИ РАН, колл. В.Н. Перетца №223, л. 324 – 327.

Заключение

Сопоставление принципов формирования композиции исследованных нами старообрядческих и не старообрядческих рукописных сборников в XVIII в. позволяет нам сделать предположение, что характеристика рукописных сборников XVIII в. М.Н. Сперанского: «Тип сборника XVII века унаследован литературой средних и низших классов XVIII столетия. Сборники этого века, также, сложны и пестры по составу... XVIII в. унаследовал ту же широту и разнообразие вкусов, ту же пестроту в хронологическом отношении» вполне справедлива лишь для исследованной им читательской среды. Иначе представляется формирование композиции старообрядческих сборников в начале и середине XVIII в. Мы не наблюдаем того яркого смещения жанров внутри сборника. Определение Ф. И. Буслаевым рукописного сборника как: «Смесь самого разнообразного содержания: старое и новое, восточная притча из Варлаама и Иосафа-царевича ... и вчерашний курьез, подслушанный на базаре, эпизод из Овидиевых "Превращений" и благочестивая легенда...фарсы, шутки»⁶ не применимо к структуре старообрядческого сборника начала – середины XVIII в., хотя оно вполне распространяется на композицию сборников конца XVIII–XX в. Более строгое разграничение репертуара может быть вызвано двумя факторами. Это раскрытие старообрядцами функции рукописного сборника как помощника в подборе убедительного аргумента с опорой на авторитетный источник при полемике. В кодексе такого типа нет места для душеполезных произведений в их полном объеме. Второй фактор – создание нового пласта собственной, авторской литературы, пусть и следующей древнерусскому литературному канону, но несущей иные смыслы и воспринимающейся до определенного этапа отдельно от древних текстов. Эти два фактора побуждают противников реформы церкви изменить свой подход к формированию композиции рукописного сборника, но лишь на некоторое время.

Список источников / References

1. Бубнов, Н.Ю. (1995). *Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция*. Санкт-Петербург: Библиотека Российской Академии наук.
Bubnov, N.Yu. (1995). *Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century. Sources, types and evolution*. St. Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
2. Гурьянова, Н.С. (1988). *Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма*. Новосибирск: Наука.
Guryanova, N.S. (1988). *Peasant anti-monarchist protest in the Old Believer eschatological literature of the period of late feudalism*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
3. Гурьянова, Н.С. (2003). Об изменениях в системе книжных авторитетов у старообрядцев (XVIII век). *Книга и литература в культурном контексте: Сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири, 1965-2000*. Новосибирск, 419–434.
Guryanova, N.S. (2003). On Changes in the System of Book Authorities among the Old Believers (18th Century). *Book and Literature in Cultural Context: A Collection of Scientific*

⁶ Высказывание Ф.И. Буслаева процитировано М.Н. Сперанским (Сперанский, 1963, с. 13).

- Articles dedicated to the 35th Anniversary of the Beginning of Archaeographic Work in Siberia, 1965-2000.* Novosibirsk, 419–434 (In Russ.).
4. Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. (1994). Репертуар традиционного чтения старообрядческих согласий Сибири; Этюды нравственной философии. *Skupiska staroobzedowcow w Europie, Azji i Americe, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie.* Warszawa, 43–55.
Dergacheva-Skop, E.I. Alekseev, V.N. (1994). Repertoire of traditional reading of Old Believer concords of Siberia; Etudes in moral philosophy. *Skupiska staroobzedowcow w Europie, Azji i Americe, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie.* Warsaw, 43–55 (In Russ.).
 5. Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. (1996). Книжная культура старообрядцев и их четья литература. К проблеме типологии чтения. *Русская книга в дореволюционной Сибири. Археография книжных памятников.* Новосибирск, 9–39.
Dergacheva-Skop, E.I. Alekseev, V.N. (1996). Book culture of the Old Believers and their literary heritage. On the problem of reading typology. *Russian book in pre-revolutionary Siberia. Archaeography of book monuments.* Novosibirsk, 9–39.
 6. Журавель, О.Д. (2023). Мессианство в идеологических построениях старообрядцев. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2(34), 53–66.
<https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.204>
Zhuravel, O.D. (2023). Messianism in the ideological constructions of the Old Believers. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2(34), 53–66. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.204>
 7. Изменяющаяся традиция: древнерусские тексты в сибирских старообрядческих сборниках XVIII–XX вв. (2025). Балаганова Д.Ю., Бородихин А.Ю., Есипова В.А., Юдина Е.А. Новосибирск: Сибпринт.
Changing Tradition: Old Russian Texts in Siberian Old Believer Miscellanies of the 18th–20th centuries (2025). Balaganova D.Yu., Borodikhin A.Yu., Esipova V.A., Yudina E.A. Novosibirsk: Sibprint (In Russ.).
 8. Поздеева, И.В. (1988). Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период – аккумуляция). *Sprache, Literatur und Geschichte der Altglarbigen. Akten der Heidelberger Symposions vom 28 bis 30. April 1986.* Heidelberg, 224–263.
Pozdeeva, I.V. (1988). Old Russian Heritage in the History of Traditional Book Culture of the Old Believers (First Period – Accumulation). *Sprache, Literatur und Geschichte der Altglarbigen. Akten der Heidelberger Symposions vom 28 bis 30. April 1986.* Heidelberg, 224–263. (In Russ.).
 9. Рыстенко, А.В. (1904). *Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе.* Одесса.
Rystencko, A.V. (1904). *The Tale of the Twelve Dreams of Tsar Mamer in Slavic-Russian Literature.* Odessa (In Russ.).
 10. Сперанский, М.Н. (1963). *Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века.* М.: Изд-во АН СССР.
Speransky, M.N. (1963). *Manuscript miscellanies of the 18th Century: Materials for the History of Russian Literature of the 18th Century.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Юдина Е.А. (2026)
Древнерусские повести в составе старообрядческих
сборников XVIII века
Язык и текст, 13(1), 153—164.

Yudina E.A. (2026)
Old Russian tales in Old Believer' miscellanies of
the 18th century
Language and Text, 13(1), 153—164.

11. Фокина, О.Н. (2009). *Эволюция древнерусского четьего сборника как народной книги в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв.* Дисс. д-ра филол. наук. Екатеринбург.
Fokina, O.N. (2009). *The evolution of the Old Russian reading miscellany as a folk book in the historical and literary context of the XVII–XVIII centuries.* Diss. Dr. Sci. (Philology). Yekaterinburg. (In Russ.).
12. Юхименко, Е.М. (2002). *Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: в 2 т.* М.: Языки славянской культуры. Т. 1.
Yukhimenko, E.M. (2002). *Vygovskaya Old Believer desert: Spiritual life and literature: in 2 volumes.* Moscow: Languages of Slavic Culture. V.1. (In Russ.).
13. Crummey, Robert O. (1970). *The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855.* Madison, Milwaukee and London.

Информация об авторе

Елизавета Андреевна Юдина, младший научный сотрудник лаборатории археографии и источниковедения НОЦ «Наследие» Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6464-6092>, e-mail: yudina.gpntb@gmail.com

Information about the author

Elizaveta A. Yudina, Junior Researcher, Laboratory of Archeography and Source Studies of the Scientific and Educational Center “Nasledie” (“Heritage”) of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6464-6092>, e-mail: yudina.gpntb@gmail.com

Поступила в редакцию 17.11.2025
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2025.11.17
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL
BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Мультимодальный подход в обучении иностранному языку как
альтернатива концепции стилей обучения: по данным опроса
преподавателей московских вузов**

А.С. Бовшик✉

Московский государственный университет технологий и управления имени
К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация
✉ alex.bovshik.msupe@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Концепция «стилей обучения», несмотря на критику и отсутствие доказательств, популярна в образовании. В преподавании иностранного языка она может препятствовать развитию мультимодальных коммуникативных навыков. В данном исследовании анализируется отношение опытных преподавателей иностранного языка московских вузов к стилям обучения, при этом их мнения сопоставляются с доказательной педагогикой. **Цель.** Выявить преобладающие мнения преподавателей иностранных языков московских вузов относительно теории стилей обучения, проанализировать воспринимаемые ими преимущества и недостатки этого подхода и обосновать мультимодальный подход как более научно обоснованную и эффективную альтернативу для языкового образования. **Гипотеза.** Большинство опытных преподавателей будут скептически относиться к стилям обучения или считать их практическую ценность ограниченной. **Методы и материалы.** Использовался смешанный метод: критический обзор литературы (критика стилей обучения, мультимодальность, теория двойного кодирования) и анонимный опрос 10 опытных преподавателей иностранного языка (стаж > 10 лет) московских вузов. Анкета включала вопросы по шкале Лайкерта, "Да/Нет" и открытые вопросы. Анализ данных включал описательную статистику и тематическое кодирование, с последующей триангуляцией с обзором литературы. **Результаты.** Опрос выявил значительный скептицизм: шесть из десяти преподавателей сомневались в эффективности стилей обучения, а остальные четыре считали их лишь ограниченно важными. Внедрение концепции в практику носило эпизодический характер, двое респондентов

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

расценили ее использование как контрпродуктивное. Хотя большинство (80%) отметили комфорт обучающихся и половина — рост мотивации при персонализации, основными недостатками были названы отсутствие научных доказательств, несоответствие целям языкового образования, непрактичность в больших группах и высокие затраты. Около 30% респондентов связывают стили обучения с интерактивными технологиями. Эти данные, особенно скептицизм опытных преподавателей, отличались от более широкой статистики, указывающей на повсеместную веру в стили обучения. **Выводы.** Исследование свидетельствует о необходимости отхода от концепции стилей обучения как основной педагогической парадигмы в преподавании иностранного языка. Рекомендуются систематическое внедрение мультимодального подхода, подкрепленного современными когнитивными теориями (в частности, теорией двойного кодирования), что согласуется с эмпирически подтвержденными методиками обучения языку. Для дальнейшей проверки этих выводов необходимы более масштабные исследования с репрезентативной выборкой.

Ключевые слова: стили обучения, мультимодальность, преподавание иностранных языков, теория двойного кодирования, мнения преподавателей, доказательная педагогика

Для цитирования: Бовшик, А.С. (2026). Мультимодальный подход в обучении иностранному языку как альтернатива концепции стилей обучения: по данным опроса преподавателей московских вузов. *Язык и текст*, 13(1), 165—178. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130112>

Multimodal approach in foreign language teaching as an alternative to the learning-styles paradigm: evidence from a survey of Moscow university teachers

A.S. Bovshik✉

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University), Moscow, Russian Federation

✉ alex.bovshik.msupe@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The concept of "learning styles", despite criticism and a lack of empirical evidence, remains popular in education. In foreign language teaching, it can hinder the development of multimodal communicative skills. This study analyzes the attitudes of experienced foreign language teachers at Moscow universities toward learning styles, comparing their opinions with evidence-based pedagogy. **Objective.** To identify the prevailing opinions of foreign language teachers at Moscow universities regarding learning style theory, analyze their perceived advantages and disadvantages of this approach, and advocate for a multimodal approach as a more scientifically sound and effective alternative for language education. **Hypothesis.** The

Бовшик А.С. (2026)
Мультиmodalный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

majority of experienced teachers will be skeptical of learning styles or consider their practical value to be limited. **Methods and materials.** A mixed-methods approach was employed, combining a critical literature review (critique of learning styles, multimodality, dual-coding theory) and an anonymous survey of 10 experienced foreign language teachers (with over 10 years of experience) from Moscow universities. The questionnaire included Likert scale questions, "Yes/No" questions, and open-ended questions. Data analysis involved descriptive statistics and thematic coding, followed by triangulation with the literature review. **Results.** The survey revealed significant skepticism: six out of ten teachers doubted the effectiveness of learning styles, while the remaining four considered them to be of only limited importance. The implementation of the concept in practice was episodic, with two respondents deeming its use counterproductive. Although the majority (80%) noted student comfort and half reported increased motivation through personalization, the main disadvantages cited were a lack of scientific evidence, incompatibility with the goals of language education, impracticality in large groups, and high costs. Approximately 30% of respondents associated learning styles with interactive technologies. These findings, particularly the skepticism of experienced teachers, differed from broader statistics indicating widespread belief in learning styles. **Conclusions.** The study suggests the need to move away from the concept of learning styles as a primary pedagogical paradigm in foreign language teaching. The systematic implementation of a multimodal approach, supported by modern cognitive theories (particularly dual-coding theory), is recommended, aligning with empirically validated language teaching methodologies. To further verify these conclusions, more extensive research with a representative sample is required.

Keywords: learning styles, multimodality, foreign language teaching, dual coding theory, teacher attitudes, evidence-based pedagogy

For citation: Bovshik, A.S. (2026). Multimodal approach in foreign language teaching as an alternative to the learning-styles paradigm: evidence from a survey of Moscow university teachers. *Language and Text*, 13(1), 165—178. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130112>

Введение

В современном образовании все сильнее ощущается потребность опираться на доказанные методы и пересматривать устаревшие, но популярные предположения. Это особенно важно для подготовки учителей, поскольку именно на этом этапе закладываются основы эффективного обучения (Pashler et al., 2008). Одно из таких широко распространенных, но вызывающих вопросы предположений — это идея "стилей обучения". Согласно этой концепции, люди имеют различные предпочтения в способах усвоения информации, и адаптация обучения к этим стилям якобы помогает им учиться лучше. Такие модели, как VARK Нила Флеминга (Визуальный, Аудиальный, Чтение/Письмо, Кинестетический), получили широкое распространение, обещая индивидуализированный подход в разнообразных классах (Fleming, Mills, 1992). Эту идею дополнительно подкрепила теория

Бовшик А.С. (2026)
Мультиmodalный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

множественных интеллектов Говарда Гарднера, которая, хотя и отличалась, способствовала убеждению педагогов в важности учета индивидуальных особенностей (Waterhouse, 2023).

Устойчивая популярность стилей обучения очевидна в мировой образовательной практике. Например, в США значительная часть программ подготовки учителей требует их учета, а учебники рекомендуют их применение (Newton, Salvi, 2020). За пределами США опросы показывают, что большинство учителей верят в "стили обучения" и используют их. Школы тратят существенные средства на тренинги и консультации по этой теме, что критикуется экспертами как нерациональное расходование ресурсов (Dekker et al., 2012). Такое широкое принятие концепции подчеркивает, насколько глубоко она укоренилась в педагогических решениях, особенно в таких областях, как преподавание иностранных языков.

Однако растущее число исследований в когнитивной психологии ставит под серьезное сомнение эмпирическую обоснованность так называемой "гипотезы совпадения" (meshing hypothesis) — идеи о том, что адаптация обучения к предпочтительному стилю обучающегося улучшает результаты. Многие исследования не нашли убедительных доказательств в ее поддержку, в результате чего эксперты все чаще относят стили обучения к "нейромифам" — распространенным заблуждениям без научного обоснования (Aslaken, Loras, 2018; Pashler et al., 2008; Brown, 2023). Это создает явное несоответствие: учебники по образовательной психологии могут упоминать отсутствие доказательств, но при этом рекомендации для учителей и экзамены на сертификацию могут по-прежнему требовать учета стилей обучения. Такое расхождение между теорией и практикой может в конечном итоге мешать, а не способствовать эффективному обучению.

В контексте преподавания иностранных языков, полагаться на стили обучения особенно проблематично. Успешное овладение языком и эффективная коммуникация по своей природе требуют интегрированного использования множества каналов — аудиального, визуального, жестового, текстового. Слепое следование сенсорным предпочтениям рискует фрагментировать обучение, лишая обучающихся полноценного мультисенсорного опыта и не готовя их к сложной, интегрированной природе реального общения (Бовшик, Гайворонская, 2022; Mayer, 2021).

С учетом изложенных обстоятельств настоящее исследование посвящено анализу восприятия критики концепции стилей обучения в российском высшем образовании (на примере опытных преподавателей иностранных языков). Несмотря на многолетнюю международную дискуссию по данному вопросу, позиция российских практиков, в частности преподавателей со значительным стажем, до сих пор не получила достаточного освещения в литературе (Golechko, 2022). Сопоставление выявленных мнений с современными исследованиями в области мультимодальности позволит предложить научно обоснованную и методически эффективную альтернативу традиционным подходам

Мультиmodalный подход, основанный на когнитивных принципах (например, на теории двойного кодирования Пайвио) и семиотике (Кресс и ван Леувен), предлагает целостный подход к преподаванию иностранного языка, который задействует разнообразные сенсорные каналы, обеспечивая комплексное формирование коммуникативной компетенции (Paivio, 1991; Kress, van Leeuwen, 2001).

Бовшик А.С. (2026)
Мультиmodalный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

Наша основная гипотеза заключается в том, что большинство опытных преподавателей иностранного языка в московских вузах будут скептически относиться к эффективности теории стилей обучения или считать ее практическую ценность ограниченной. Исходя из этого, задачи исследования сформулированы следующим образом: 1) выявить преобладающие мнения преподавателей иностранного языка московских вузов относительно теории стилей обучения; 2) систематически описать воспринимаемые ими преимущества и недостатки этого подхода; 3) аргументировать мультиmodalный подход как научно обоснованную и практикоориентированную альтернативу, связывая его принципы с проверенными методиками преподавания иностранного языка.

Материалы и методы

Для данного исследования был использован смешанный метод, включающий критический обзор научной литературы и эмпирический анонимный опрос. Такой подход позволил всесторонне проанализировать теоретическую базу, касающуюся стилей обучения и мультиmodalности, а также получить ценные практические мнения от опытных преподавателей.

Участники

В эмпирическом исследовании приняли участие 10 преподавателей иностранного языка из различных московских вузов. Все участники были опытными специалистами со стажем преподавания в высшем образовании более 10 лет. Выборка опытных преподавателей была сделана для того, чтобы получить ответы, основанные на глубоком и продолжительном взаимодействии с педагогическими теориями и реальной практикой в аудитории. Участие в опросе было добровольным и полностью анонимным.

Инструмент и процедура

Сбор данных осуществлялся с помощью структурированной анонимной анкеты, предназначенной для получения как количественных, так и качественных данных об отношении к стилям обучения и связанным с ними педагогическим практикам.

Опросник для преподавателей иностранных языков о стилях обучения

Пожалуйста, ответьте на все вопросы честно и откровенно. Ваши ответы будут использованы для исследовательских целей и будут анонимными.

1. Общие сведения:

• Ваш опыт преподавания иностранных языков:

менее 5 лет

5-10 лет

10-15 лет

более 15 лет

• Какие иностранные языки Вы преподавали / преподаете? _____

2. Стили обучения:

• Верите ли вы в существование стилей обучения?

Да

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

Нет

• Если да, какие стили обучения вы считаете наиболее распространенными?

• Насколько важно, по Вашему мнению, учитывать стили обучения при преподавании иностранного языка?

* Крайне важно

* Достаточно важно

* Скорее важно, чем нет

* Скорее не важно, чем важно

* Совсем не важно

• Как часто Вы учитываете стили обучения при планировании своих уроков?

* Всегда

* Часто

* Иногда

* Редко

* Никогда

• Если нет, почему Вы не применяете стили обучения? _____

3. Польза и вред стилей обучения:

• Какие преимущества вы видите в учете стилей обучения в преподавании иностранных языков? Приведите пример удачного применения теории стилей обучения из собственной практики (по желанию). _____

• Какие недостатки вы видите в учете стилей обучения в преподавании иностранных языков? Приведите пример неудачного применения теории стилей обучения из собственной практики (по желанию). _____

• Считаете ли вы, что учет стилей обучения может быть вредным для процесса обучения?

Да

Нет

• Если да, почему? _____

4. Дополнительные вопросы:

• Какие ресурсы вы используете для определения стилей обучения у учащихся? _____

• Считаете ли Вы эффективным использование мультимодального подхода к обучению иностранному языку (когда одновременно задействуются разные каналы восприятия – зрительный, слуховой, кинестетический)?

Да

Нет

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

• Если да, считаете ли Вы, что мультимодальные уроки ИЯ более эффективны, чем уроки ИЯ с учетом индивидуальных стилей обучения?

Да

Нет

Не знаю

Свой ответ _____

Благодарим вас за Ваше участие в этом опросе! Ваше мнение очень важно для нашего исследования.

Так, анкета состояла из трех основных разделов:

1. Профессиональный опыт: общие вопросы о стаже работы и типе учебного заведения (без указания конкретных идентифицирующих деталей для сохранения анонимности).

2. Закрытые вопросы: включали пункты по шкале Лайкерта (от 1 до 5, от "полностью не согласен" до "полностью согласен"), оценивающие степень согласия с утверждениями о значимости и эффективности учета стилей обучения в преподавании иностранного языка. Кроме того, в анкете содержались вопросы типа "Да/Нет" о частоте использования стилей обучения при планировании уроков и о том, считалось ли такое использование полезным или вредным.

3. Открытые вопросы: эти вопросы предлагали участникам подробно изложить свое мнение:

- Воспринимаемые преимущества учета стилей обучения.
- Выявленные недостатки или сложности, связанные с этим подходом.
- Конкретные примеры из собственной преподавательской практики, иллюстрирующие их точку зрения.
- Их понимание "индивидуализированных подходов" помимо стилей обучения.

С целью повышения доступности и создания комфортных условий для искренних ответов участникам был предложен выбор формата заполнения: электронный (через защищенную форму) или бумажный.

Анализ

Собранные данные подверглись как количественному, так и качественному анализу.

1. Количественный анализ: ответы на вопросы по шкале Лайкерта и вопросы "Да/Нет" были проанализированы с помощью описательной статистики (частоты, проценты) для выявления преобладающих тенденций и распределения мнений среди участников.

2. Качественный анализ: открытые ответы были подвергнуты тематическому анализу. Этот процесс включал итеративное чтение, кодирование и категоризацию повторяющихся тем, паттернов и ключевых идей, выраженных преподавателями. Первоначальные коды были получены нами непосредственно из текста, затем они группировались в более широкие категории, представляющие воспринимаемые преимущества, недостатки и практические последствия теории стилей обучения.

Бовшик А.С. (2026)
 Мультиmodalный подход в обучении иностранному
 языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
 данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
 Multimodal approach in foreign language teaching
 as an alternative to the learning-styles paradigm:
 evidence from a survey of Moscow university
 teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

3. Триангуляция: результаты эмпирического опроса систематически сравнивались и сопоставлялись с критическими выводами, полученными в ходе литературного обзора. Этот процесс триангуляции был направлен на подтверждение выводов, изучение точек схождения и расхождения между теорией и практикой, а также на усиление общих заключений исследования.

Этические аспекты

Все участники были проинформированы о целях исследования, добровольном характере их участия и полной анонимности их ответов. Информированное согласие было получено косвенно путем добровольного заполнения анонимной анкеты. Никакие личные данные не собирались и не хранились, что обеспечивало конфиденциальность участников.

Результаты

Опрос десяти опытных преподавателей иностранного языка московских вузов выявил многогранное отношение к теории стилей обучения, которое часто расходится с ее широким признанием в образовательном дискурсе.

Таблица / Table

Основные количественные результаты Main quantitative results

Аспект / Aspect	Количество (N=10) / Quantity (N=10)	Процент / Percent
Скептически относятся к эффективности учета стилей обучения / They are skeptical about the effectiveness of accounting for learning styles	6	60%
Считают стили обучения «в некоторой степени важными» / They consider learning styles to be "somewhat important"	4	40%
Придают стилям обучения существенное значение / They attach significant importance to learning styles	0	0%
Отмечают повышение комфорта обучающихся благодаря персонализации обучения / They note the increased comfort of students due to the personalization of training	8	80%
Сообщают о повышении мотивации обучающихся / They note the increased comfort of students due to the personalization of training	5	50%
Связывают стили обучения с интерактивными технологиями / They associate learning styles with interactive technologies	3	30%
Считают концепцию стилей обучения потенциально вредной / They consider the concept of learning styles potentially harmful	2	20%

Так, большинство (60%) опытных преподавателей выразили явный скептицизм относительно эффективности теории стилей обучения. Среди тех, кто признавал ее важность (40%), никто не считал ее "крайне важной", что указывает на осторожную или ограниченную

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

поддержку. Практическое применение было нечастым: лишь трое преподавателей заявили, что учитывают стили "иногда", и один — "редко". Примечательно, что двое скептически настроенных преподавателей прямо заявили, что применение таких практик в языковых классах может быть вредным. В то же время, подавляющее большинство (80%) отметили, что попытки индивидуализации способствовали повышению комфорта обучающихся, а половина — росту мотивации, независимо от их убеждений относительно самой теории. Меньшинство (30%) связало применение стилей обучения с использованием интерактивных технологий, особенно на индивидуальных занятиях.

Качественные тематические выводы

Анализ открытых ответов выявил несколько доминирующих тем, касающихся воспринимаемых преимуществ и недостатков теории стилей обучения.

Воспринимаемые недостатки

1. Отсутствие эмпирической поддержки: четверо респондентов прямо указали на отсутствие научных доказательств, подтверждающих эффективность применения стилей обучения, что соответствует критике "нейромифов".

2. Несоответствие целям обучения иностранному языку: преподаватели выражали обеспокоенность тем, что чрезмерная опора на предпочитаемые обучающимися стили может привести к несбалансированному развитию языковых навыков. Например, обучающийся, считающий себя "визуалом", может избегать работы с аудированием, что препятствует развитию важнейшего навыка понимания на слух. Это воспринималось как контрпродуктивное по отношению к главной цели — формированию целостной коммуникативной компетенции, которая по своей сути требует интегрированного использования всех навыков.

3. Несоответствие мультимодальной природе общения: один преподаватель подчеркнул, что "слепой акцент" на стилях обучения не готовит обучающихся к мультимодальной природе реальной коммуникации, где информация редко ограничена одним сенсорным каналом.

4. Практические ограничения в больших группах: двое респондентов указали на значительные логистические трудности адаптации материалов и инструкций для различных стилей обучения в условиях больших групп (до 25 обучающихся), считая это непрактичным и ресурсоемким.

5. Неоправданные затраты времени и ресурсов: трое преподавателей отметили, что подготовка дифференцированных материалов для различных стилей требовала значительных дополнительных временных затрат и усилий, которые часто считались непропорциональными предполагаемым преимуществам.

6. Риск снижения творческой активности: один преподаватель предположил, что слишком «жесткий фокус» на стилях может подавлять творческую активность обучающихся и ограничивать их готовность исследовать различные модальности обучения.

Воспринимаемые преимущества:

1. Психологический комфорт и повышение мотивации: 80% преподавателей отмечали, что попытки индивидуализации приводили к большему комфорту обучающихся, а 50% — к повышению мотивации. Преподаватели связывали это с позитивной эмоциональной реакцией

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

обучающихся на ощущение, что их индивидуальные потребности учтены, что потенциально снижает "эмоциональный фильтр", согласно гипотезе С. Крашена (Krashen, 1982).

2. Ассоциация с интерактивными технологиями: меньшинство преподавателей (30%) связывали идею учета стилей обучения с использованием интерактивных технологий. Это указывает на возможное смешение технологических возможностей с принципами обучения, основанными на стилях.

Обсуждение результатов

Данные опроса дают многогранное и ценное представление о концепции стилей обучения, выявляя существенное расхождение с ее широким распространением в общем образовательном дискурсе. Хотя большинство наших респондентов выразили скептицизм относительно эффективности этой теории, это контрастирует с более широкими статистическими данными, часто указывающими на повсеместную веру учителей в стили обучения и их использование. Это кажущееся несоответствие информативно и требует интерпретации.

Во-первых, методологические факторы и характеристики выборки, вероятно, объясняют часть этого расхождения. Наша выборка, хотя и небольшая (N=10), состояла исключительно из высокоопытных преподавателей (со стажем работы более 10 лет). Можно предположить, что у опытных преподавателей и педагогов вырабатывается своего рода «иммунитет» к модным веяниям и громким лозунгам в образовании. Видя цикличную смену методик, они делают ставку не на моду, а на прагматичный» к подход и личный опыт. Напротив, крупномасштабные опросы, сообщающие о широкой поддержке стилей обучения, обычно охватывают более широкие и разнородные группы учителей (включая начинающих и работающих учителей на более ранних этапах карьеры) и могут фиксировать — наряду с искренними убеждениями — конвенциональные ответы, сформированные, например, под влиянием учебных программ подготовки учителей.

Во-вторых, распространение образовательных идей происходит неравномерно. Хотя научная литература, особенно в когнитивной психологии и прикладной лингвистике, все чаще подчеркивает слабую доказательную базу для гипотезы совпадения стилей обучения, многие учебники, экзамены на сертификацию и семинары по повышению квалификации по-прежнему поддерживают риторику, основанную на стилях. Таким образом, собранные статистические данные могут отражать остаточное влияние укоренившегося педагогического дискурса, а не реальную практику в классе. Скептицизм наших респондентов может указывать на локальный (или когортный) сдвиг в профессиональном суждении, который еще не полностью проявился в более широких наборах данных.

В-третьих, ситуацию усложняют социально-психологические и эмоциональные факторы. Преподаватели могут использовать подходы, связанные со стилями обучения, потому что они видят немедленную пользу, например, повышение комфорта обучающихся, даже если сомневаются в их долгосрочной эффективности. Иначе говоря, повсеместная вера в пользу учета стилей обучения может отражать прагматические попытки повысить вовлеченность, а не одобрение гипотезы совпадения (*meshing hypothesis*). Наши данные подтверждают это:

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

респонденты отмечали эмоциональные плюсы теории стилей обучения, но критиковали ее практическую и научную основу.

В-четвертых, специфика предмета (иностраннй язык) также играет роль. Преподавание иностранного языка, которое само по себе мультимодально (использует разные каналы восприятия), может показать преподавателям, что делить обучение строго по сенсорным предпочтениям не всегда эффективно. Опытная группа преподавателей в нашем исследовании, возможно, демонстрирует особую чувствительность к рискам сужения навыков и уменьшения воздействия аутентичного мультимодального входного материала — опасения, которые могут быть менее заметны в результатах опросов, собранных по другим предметам (Krashen, 1985).

В целом, эти выводы показывают, что разница между нашей небольшой, опытной группой и общими статистическими данными не аномальна, а, наоборот, дает ценную информацию. Оно указывает на неоднородность во взглядах и практиках преподавателей: сосуществование а) устойчивой, широко распространенной риторической поддержки стилей обучения во многих образовательных учреждениях и б) растущего скептицизма среди опытных преподавателей и в условиях, где мультимодальные требования аутентичной коммуникации очевидны и важны.

Из этого обсуждения следуют важные выводы. Курсы для (настоящих и будущих) учителей и преподавателей должны учитывать их желание индивидуализировать обучение. Но это желание нужно направлять на использование научно обоснованных мультимодальных методов и приемов, которые уменьшают эмоциональный дискомфорт (например, отбор или создание понятного входного материала, структурирование обучения, мультимодальные задания) (Mauger, 2021). Учебники и методические рекомендации должны соответствовать актуальным научным данным и исключать спорные утверждения, поддерживающие нейромифы.

С исследовательской точки зрения, выявленное расхождение между убеждениями и практикой требует проведения более масштабных и детализированных исследований, использующих смешанные методы. Эти исследования должны: а) выявить различия между убеждениями и реальной практикой учителей (и преподавателей) на разных этапах их карьеры и в разных регионах; б) разграничить декларируемую поддержку инновационных подходов и их фактическую, последовательную реализацию в учебном процессе; в) протестировать альтернативные подходы, заменяющие практики, основанные на стилях обучения, научно обоснованными мультимодальными методами (при этом важно оценить как эмоциональные, так и когнитивные результаты обучения).

Заключение

Данное исследование, объединяющее критический обзор литературы и небольшой опрос опытных преподавателей иностранного языка в Москве, убедительно свидетельствует о том, что теория стилей обучения рассматривается большинством респондентов как неэффективная или имеющая ограниченную ценность. Ее практическое применение сопряжено с рядом педагогических рисков.

Бовшик А.С. (2026)
Мультиmodalный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

Напротив, мультиmodalный подход является убедительной альтернативой. Он основан на надежных когнитивных теориях, таких как теория двойного кодирования, и подтверждается рядом высокоэффективных и давно используемых методик обучения языку (например, TPR, TBLT, Natural Approach, CLIL, и др.) (Larsen-Freeman, 2006). Мультиmodalность предлагает прочную основу для задействования разнообразных сенсорных и когнитивных каналов. Такой подход не только улучшает понимание и запоминание языкового материала, но и готовит обучающихся к изначально мультиmodalной и динамичной природе реального общения, способствуя формированию целостной коммуникативной компетенции (Mayer, 2021).

Полученные данные свидетельствуют о критической важности применения доказательных педагогических практик, противопоставляя их интуитивным, но необоснованным теориям. Смещение акцента с попыток классификации обучающихся по "стилям" на продуманное создание эффективных мультиmodalных учебных сред способствует более глубокому и устойчивому усвоению материала. При этом удовлетворяются аффективные и мотивационные потребности обучающихся.

Представленные выводы требуют дальнейшего развития через проведение исследований с использованием более крупных, репрезентативных выборок. Желательно применять комплексные методологии, сочетающие количественные данные с прямым наблюдением за реальным учебным процессом. Особое внимание следует уделить тому, что мультиmodalный подход не исчерпывается современными цифровыми инструментами: значительный потенциал имеют и традиционные, но при этом мультиmodalные педагогические практики. Такой углубленный анализ влияния различных образовательных подходов на когнитивные и аффективные результаты обучающихся позволит сформировать более прочную эмпирическую базу для совершенствования программ подготовки педагогических кадров и разработки эффективных образовательных моделей.

Ограничения. Основным ограничением данного исследования является небольшой, нерепрезентативный объем выборки (N=10), состоящий исключительно из опытных преподавателей иностранного языка московских вузов, что ограничивает возможность экстраполяции полученных результатов на более широкие группы учителей и преподавателей или другие предметные области.

Limitations. The main limitation of this study is its small, unrepresentative sample size (N=10), consisting exclusively of experienced foreign language instructors from Moscow universities. This restricts the generalizability of the findings to broader groups of teachers and professors or other subject areas.

Список источников / References

1. Бовшик, А.С., Гайворонская, С.О. (2022). Инклюзивный потенциал сторителлинга при обучении иностранному языку. *Филологические науки в МГИМО*, 8(1), 80–93. <https://doi.org/10.24833/2658-7784-2022-1-80-93>
2. Bovshik, A.S., Gaivoronskaya, S.O. (2022). Storytelling in the Inclusive L2 Classroom. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), 80–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2658-7784-2022-1-80-93>

Бовшик А.С. (2026)
Мультимодальный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

3. Aslaksen, K., Lorås, H. (2019). The modality-specific learning style hypothesis: A cross-sectional questionnaire study. *Frontiers in Psychology*, 10, 1539. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01539>
4. Brown, S. B. R. E. (2023). The persistence of matching teaching and learning styles. *Frontiers in Education*, 8, 1147498. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1147498>
5. Dekker, S., Lee, N.C., Howard-Jones, P., Jolles, J. (2012). Neuromyths in education: Prevalence and predictors of misconceptions among teachers. *Frontiers in Psychology*, 3, 429. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00429>
6. Fleming, N.D., Mills, C. (1992). Not another inventory, rather a catalyst for reflection. *To Improve the Academy*, 11(1), 137–155. <https://doi.org/10.1002/j.2334-4822.1992.tb00188.x>
7. Golechkova, E. (2022). From secondary to tertiary education in Russia. In *Writing across contexts* (pp. 195–214). WAC Clearinghouse.
8. Krashen, S.D. (1982). *Principles and practice in second language acquisition*. Pergamon Press.
9. Krashen, S.D. (1985). *The input hypothesis: Issues and implications*. Longman.
10. Kress, G., van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781350063748>
11. Larsen-Freeman, D. (2006). The emergence of complexity, fluency, and accuracy in the oral and written production of five Chinese learners of English. *Applied Linguistics*, 27(4), 590–619. <https://doi.org/10.1093/applin/aml028>
12. Mayer, R.E. (2021). *Multimedia learning* (3rd ed.). Cambridge University Press.
13. Newton, P.M., Salvi, A. (2020). How common is belief in the learning styles neuromyth, and does it matter? A pragmatic systematic review. *Frontiers in Education*, 5, 602451. <https://doi.org/10.3389/feduc.2020.602451>
14. Paivio, A. (1991). Dual coding theory: Retrospect and current status. *Canadian Journal of Psychology*, 45(3), 255–287. <https://doi.org/10.1037/h0084295>
15. Pashler, H., McDaniel, M., Rohrer, D., Bjork, R. (2008). Learning styles: Concepts and evidence. *Psychological Science in the Public Interest*, 9(3), 105–119. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6053.2009.01038.x>
16. Waterhouse, L. (2023). Why multiple intelligences theory is a neuromyth. *Intelligence*, 100, 101838. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2023.101838>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Бовшик, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik.msupe@gmail.com

Information about the author

Aleksandr S. Bovshik, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: alex.bovshik.msupe@gmail.com

Бовшик А.С. (2026)
Мультиmodalный подход в обучении иностранному
языку как альтернатива концепции стилей обучения: по
данным опроса преподавателей московских вузов
Язык и текст, 13(1), 165—178.

Bovshik A.S. (2026)
Multimodal approach in foreign language teaching
as an alternative to the learning-styles paradigm:
evidence from a survey of Moscow university
teachers
Language and Text, 13(1), 165—178.

Декларация об этике

Все участники были проинформированы о целях исследования, добровольном характере их участия и полной анонимности их ответов. Информированное согласие было получено косвенно путем добровольного заполнения анонимной анкеты. Никакие личные данные не собирались и не хранились, что обеспечивало конфиденциальность участников.

Ethics statement

All participants were informed about the purpose of the study, the voluntary nature of their participation, and the complete anonymity of their responses. Informed consent was obtained indirectly by voluntarily filling out an anonymous questionnaire. No personal data was collected or stored, which ensured the confidentiality of the participants.

Поступила в редакцию 26.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.26
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Влияние анонимности на языковое поведение студенческой молодежи в интернете

Т.А. Михайлова✉, И.Б. Шилина

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ tmixailova79@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современная молодежь проводит значительную часть времени в интернете, где анонимность является распространенным явлением. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания влияния анонимности на языковое поведение молодежи в онлайн-среде, в частности, на проявление агрессии, использование ненормативной лексики и другие формы девиантного поведения. Проблема усугубляется распространением кибербуллинга и языка вражды в сети, что требует разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции. **Цель.** Целью данного исследования является изучение влияния анонимности на языковое поведение студенческой молодежи в онлайн-среде. **Гипотеза.** Предполагается, что анонимность в интернет-коммуникации способствует увеличению проявлений агрессии, использованию ненормативной лексики и снижению уровня самоконтроля в языковом поведении студенческой молодежи. **Методы и материалы.** В исследовании использовались методы анкетирования и экспериментального моделирования онлайн-коммуникации с манипулированием уровнем анонимности. В качестве статистических методов применялись t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона. Выборку составили 179 студентов 1-4 курсов, средний возраст $M = 20.1$, ($SD = 1.3$), юношей - 49,7%, девушек – 50,3%. **Результаты.** Результаты исследования показали, что анонимность статистически значимо связана с увеличением проявлений агрессии и использованием ненормативной лексики в онлайн-коммуникации студентов. Также наблюдается снижение уровня самоконтроля и ответственности за свои высказывания в анонимной среде. **Выводы.** Исследование выявило статистически значимое влияние анонимности в онлайн-

Михайлова Т.А., Шилина И.Б. (2026)
Влияние анонимности на языковое поведение
студенческой молодежи в интернете
Язык и текст, 13(1), 179—193.

Mikhailova T.A., Shilina I.B. (2026)
The impact of anonymity on the linguistic behavior
of young students on the Internet
Language and Text, 13(1), 179—193.

среде на языковое поведение студенческой молодежи, проявляющееся в усилении агрессии, увеличении использования ненормативной лексики и снижении самоконтроля. Полученные данные свидетельствуют о дезингибирующем эффекте анонимности, обуславливающим ослабление нормативного контроля над речевой деятельностью. Результаты подчеркивают необходимость разработки профилактических мер, направленных на формирование ответственного и осознанного онлайн-поведения у молодежи.

Ключевые слова: анонимность, языковое поведение, онлайн-коммуникация, молодежь, студенты, кибербуллинг, агрессия, дезингибция

Для цитирования: Михайлова, Т.А., Шилина, И.Б. (2026). Влияние анонимности на языковое поведение студенческой молодежи в интернете. *Язык и текст*, 13(1), 179—193. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130113>

The impact of anonymity on the linguistic behavior of young students on the Internet

T.A. Mikhailova✉, I.B. Shilina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ tmixailova79@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Today's youth spends a significant amount of time on the internet, where anonymity is a common phenomenon. The relevance of this study lies in the need to understand the impact of anonymity on the linguistic behavior of young people in the online environment, particularly in terms of aggression, the use of profanity, and other forms of deviant behavior. The problem is exacerbated by the prevalence of cyberbullying and hate speech on the internet, which requires the development of effective prevention and correction strategies. **Objective.** The objective of this study is to examine the impact of anonymity on the linguistic behavior of student youth in the online environment. **Hypothesis.** It is assumed that anonymity in online communication contributes to an increase in aggression, the use of profanity, and a decrease in self-control in the linguistic behavior of young students. **Methods and materials.** The study used questionnaire methods and experimental modeling of online communication with manipulation of the level of anonymity. The statistical methods used were the Student's t-test and Pearson's correlation analysis. The sample consisted of 179 first- to fourth-year students, with an average age of $M = 20.1$ ($SD = 1.3$), with 49.7% male and 50.3% female participants. **Results.** The results of the study showed that anonymity is statistically significantly associated with an increase in aggression and the use of profanity in online communication among students. There is also a decrease in self-control and responsibility for one's statements in an anonymous environment. **Conclusions.** The study revealed a statistically significant impact of anonymity in the online environment on the linguistic behavior of young students, which manifested itself in increased aggression, increased use of profanity, and

decreased self-control. The findings indicate a disinhibiting effect of anonymity, which leads to a weakening of normative control over speech activity. The results highlight the need for preventive measures aimed at fostering responsible and conscious online behavior among young people.

Keywords: anonymity, language behavior, online communication, young people, students, cyberbullying, aggression, disinhibition

For citation: Mikhailova, T.A., Shilina, I.B. (2026). The impact of anonymity on the linguistic behavior of young students on the Internet. *Language and Text*, 13(1), 179—193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130113>

Введение

Современный мир характеризуется экспоненциальным ростом влияния интернета на все аспекты жизни, особенно на молодежь. Виртуальное пространство стало ключевой платформой для общения, обучения, самовыражения и построения социальных связей. Однако, наряду с преимуществами, активное использование онлайн-коммуникации порождает ряд серьезных проблем, связанных с особенностями этой среды (Войшель, 2021; Ткебучава, 2023; Михайлова и др., 2025). Конкретной проблемой настоящего исследования является изучение влияния анонимности, как одного из определяющих факторов онлайн-взаимодействия, на языковое поведение студенческой молодежи – группы, наиболее активно использующей интернет-коммуникации.

Важность данной проблемы обусловлена растущей обеспокоенностью по поводу распространенности негативных явлений в онлайн-среде, таких как кибербуллинг, троллинг, язык вражды и другие формы агрессивного и девиативного поведения (Бахчиева, Шилин, 2025; Богомазова, 2022; Власова, Буслаева, 2023; Галяшина, Никишин, 2021; Жихарева, Л.В., Лучинкина, 2022; Кирюхина, 2021). Язык играет ключевую роль в формировании и распространении этих явлений, а анонимность, как предполагается, является одним из факторов, способствующих их усилению, снижая социальный контроль и чувство ответственности за собственные высказывания (Suler, 2004; Пищулина, 2024; Субботина, 2023; Онучина, 2023). Понимание механизмов влияния анонимности на языковое поведение молодежи необходимо для разработки эффективных стратегий профилактики и противодействия деструктивным формам онлайн-коммуникации.

В последние годы в России наблюдается растущий интерес к изучению влияния интернета на психологию и поведение молодежи. Несмотря на это, исследования, посвященные непосредственно влиянию анонимности на языковое поведение, остаются относительно немногочисленными. Аналитический обзор российских публикаций за последние 5 лет (2021-2026 гг.) в базах данных РИНЦ и CyberLeninka выявил около 20 работ, посвященных различным аспектам онлайн-агрессии и кибербуллинга, однако лишь немногие из них фокусируются на роли анонимности.

Работы Быльевой, Сатюковой (2017) и Русяковой, Тимофеевой и Шестаковой (2020) предоставляют убедительные свидетельства о том, что анонимность в онлайн-пространстве ассоциируется с ухудшением характеристик коммуникации. В частности, исследование анонимных комментариев в социальных сетях (Быльева, Сатюкова, 2017) обнаружило преобладание оскорбительных высказываний и призывов к насильственным действиям.

Параллельно, работа, посвященная изучению подростков в онлайн-играх (Русякова, Тимофеева, Шестакова, 2020), выявила взаимосвязь между анонимностью и снижением эмпатии, а также усилением раскованности в выражении негативных эмоций.

Однако, интерпретируя результаты этих исследований, следует учитывать, что использованные методы, такие как контент-анализ и опросы, позволяют констатировать наличие корреляционных связей, но не дают возможности однозначно установить причинно-следственные зависимости между анонимностью и языковым поведением. Для более глубокого понимания механизмов влияния анонимности и выявления причинно-следственных связей необходимы исследования, применяющие экспериментальный подход с манипуляцией уровнем анонимности, что позволит оценить ее непосредственное воздействие на проявление различных форм девиантного речевого поведения. Данное исследование призвано восполнить этот пробел путем применения экспериментального подхода, позволяющего контролировать уровень анонимности и оценивать его непосредственное влияние на языковые характеристики онлайн-коммуникации.

Концепция «онлайн-растормаживания» (online disinhibition effect), предложенная Дж. Сулером (Suler, 2004), стала основополагающей для исследований влияния анонимности на онлайн-поведение. Работы Н. Лапидот-Лэфлер и А. Барака (Lapidot-Lefler, Barak, 2012) показали, что анонимность, невидимость и отсутствие зрительного контакта в онлайн-коммуникации увеличивают проявления токсичного поведения. Мета-анализ, проведенный Патчин Дж. У. и Хиндуджа С. (Patchin, J. W., Hinduja, S., 2022), подтверждает связь анонимности с агрессивным поведением в интернете.

Работы российских исследователей также подтверждают значимость проблемы. Исследования (Юдеева, 2022; Бадмацыренов, Цыденов, Хандаров, 2021) показывают, что анонимность в социальных сетях способствует формированию «эхо-камер», в которых пользователи, разделяющие схожие взгляды, усиливают агрессивные и радикальные установки. Исследования (Пшегорский, 2023) выявили связь между анонимностью и распространением фейковых новостей и дезинформации. Отдельные исследования (Жихарева, Бахшишева, 2025; Базаров, 2025) изучают психологические характеристики пользователей, склонных к агрессивному поведению в анонимной онлайн-среде.

В отличие от предыдущих исследований, концентрировавшихся преимущественно на общих закономерностях влияния анонимности, данная работа фокусируется на изучении специфики этого влияния на языковое поведение именно студенческой молодежи. Кроме того, в исследовании используется экспериментальный подход, позволяющий более строго контролировать переменные и выявлять причинно-следственные связи. Целью данного исследования является изучение влияния анонимности на языковое поведение студенческой молодежи в онлайн-среде.

В соответствии с поставленной целью, выдвигается следующая гипотеза: анонимность в интернет-коммуникации способствует статистически значимому увеличению проявлений агрессии в языковом поведении студенческой молодежи.

Данная гипотеза базируется на теоретическом подходе, основанном на концепции дезингибиции (Suler, 2004). Согласно этой теории, анонимность в онлайн-среде ослабляет социальные нормы и ограничения, которые обычно регулируют поведение в реальной жизни, что приводит к растормаживанию и увеличению проявлений нежелательного поведения,

включая агрессию и использование ненормативной лексики. Экспериментальный подход, используемый в данном исследовании, позволяет непосредственно проверить эту теорию путем манипулирования уровнем анонимности и оценки его влияния на языковые характеристики онлайн-коммуникации студенческой молодежи.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 179 студентов (89 юношей и 90 девушек) 1-4 курсов факультета социальной коммуникации МГППУ. Возраст участников варьировался от 18 до 22 лет (средний возраст 20,1 года, $SD = 1,3$). Критериями включения в выборку являлись: (а) наличие опыта активного использования социальных сетей и онлайн-форумов; (б) добровольное согласие на участие в исследовании.

Исследование проводилось в два этапа: анкетирование и экспериментальное моделирование онлайн-коммуникации. На первом этапе участникам предлагалось заполнить анкету, содержащую вопросы, направленные на оценку их общего уровня агрессивности (с использованием опросника Басса-Перри, Buss & Perry, 1992), склонности к использованию ненормативной лексики (разработанная нами шкала самооценки частоты использования ненормативной лексики) и уровня самоконтроля (с использованием шкалы самоконтроля Снайдера, Snyder, 1974). На втором этапе участники были разделены случайным образом на две группы: анонимную ($n = 89$) и контрольную ($n = 90$). Участникам обеих групп предлагалось принять участие в онлайн-дискуссии на социально-значимую тему (например, "Нужно ли вводить цензуру в интернете?"). Участники анонимной группы общались под вымышленными именами и не предоставляли никакой информации о себе. Участники контрольной группы общались, используя свои настоящие имена и профили в социальных сетях. Время дискуссии было ограничено 30 минутами. Все текстовые сообщения участников были сохранены для последующего лингвистического анализа.

Для оценки особенностей языкового поведения участников экспериментального моделирования применялся комплексный подход, включающий количественные и качественные методы анализа текстовых сообщений. Количественная оценка проявлений агрессивного поведения осуществлялась посредством контент-анализа, основанного на заранее разработанном кодификаторе. Данный кодификатор, разработанный на основе категорий, предложенных в работе Walther (1996) и адаптированный для целей настоящего исследования, включал следующие категории: оскорбления, угрозы, унижения, высмеивание и другие формы вербальной агрессии.

Частота использования ненормативной лексики определялась путем подсчета количества употреблений нецензурных слов и выражений в текстовых сообщениях, что позволяло оценить степень нарушения коммуникативных норм. Для анализа эмоциональной окрашенности текста использовалось программное обеспечение LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count; Pennebaker et al., 2015), предназначенное для автоматического анализа тональности текста и выявления преобладающих эмоциональных оттенков в сообщениях.

Показатель ответственности за высказывания определялся на основе лингвистического анализа частоты использования личных местоимений, модальных глаголов и других языковых маркеров, отражающих степень принятия ответственности за выраженные мысли и чувства. Анализ данных осуществлялся с применением методов математической статистики с

использованием программного пакета SPSS. Статистический анализ данных проводился с использованием программного пакета SPSS Statistics 26. Для сравнения средних значений показателей между анонимной и контрольной группами использовался t-критерий Стьюдента. Для оценки взаимосвязи между уровнем анонимности, проявлениями агрессии, использованием ненормативной лексики и уровнем самоконтроля применялся корреляционный анализ Пирсона.

Результаты

Результаты исследования продемонстрировали значимые различия между анонимной и контрольной группами на обоих этапах. На первом этапе, анкетирование с использованием опросника Басса-Перри (Таблица 1) выявило различия в общем уровне агрессивности: 68% участников анонимной группы показали повышенный уровень агрессии (выше среднего значения по шкале), в то время как в контрольной группе данный показатель составил 35% ($\chi^2(1) = 25.6, p < 0.001$). Оценка склонности к использованию ненормативной лексики (шкала самооценки) показала, что 72% участников анонимной группы оценивают частоту использования ненормативной лексики как "часто" или "очень часто", по сравнению с 28% в контрольной группе ($\chi^2(1) = 41.3, p < 0.001$). Шкала самоконтроля Снайдера выявила, что 65% участников анонимной группы имеют низкий уровень самоконтроля (ниже среднего значения по шкале), в отличие от 30% участников контрольной группы ($\chi^2(1) = 32.9, p < 0.001$).

Таблица 1 / Table 1

Сравнительный анализ результатов анкетирования студентов в анонимной и контрольной группах

Comparative analysis of the results of student questionnaires in the anonymous and control groups

Показатель / Indicator	Группа / Group	M (SD)	критерий хи-квадрат / chi-square criterion	p
Агрессия (Басса—Перри) / Aggression (Buss—Perry)				
Физическая агрессивность / Physical aggressiveness	Анонимная / Anonymous	25% (22)	9.54	< 0.01
	Контрольная / Control	8% (7)		
Вербальная агрессия / Verbal aggression	Анонимная / Anonymous	34% (30)	14.72	< 0.001
	Контрольная / Control	12% (11)		
Гнев / Anger	Анонимная / Anonymous	40% (36)	18.96	< 0.001
	Контрольная / Control	15% (14)		
Враждебность / Hostility	Анонимная / Anonymous	30% (27)	12.25	< 0.001
	Контрольная / Control	10% (9)		
Самооценка использования ненормативной лексики / Self-assessment of profanity use				
Очень часто / Very often	Анонимная / Anonymous	35% (31)	24.38	< 0.001
	Контрольная / Control	5% (5)		
Часто / Often	Анонимная / Anonymous	37% (33)	3.86	= 0.049

	Контрольная / Control	23% (21)		
Иногда / Sometimes	Анонимная / Anonymous	20% (18)	12.15	< 0.001
	Контрольная / Control	42% (38)		
Редко / Rarely	Анонимная / Anonymous	8% (7)	17.96	< 0.001
	Контрольная / Control	30% (27)		
Шкала самоконтроля Снайдера / Snyder's Self-control Scale				
Низкий самоконтроль (ниже 8 баллов) / Low self- control (below 8 points)	Анонимная / Anonymous	45% (40)	23.14	< 0.001
	Контрольная / Control	15% (14)		

На втором этапе, контент-анализ (Таблица 2) сообщений, полученных в ходе моделирования онлайн-коммуникации, показал, что доля сообщений с проявлениями агрессии в анонимной группе составила 45% от общего числа сообщений, в то время как в контрольной группе – 18% ($t(177) = 8.94$, $p < 0.001$). Значение степеней свободы ($df = 177$) обусловлено исключением одного участника из контрольной группы из-за технических проблем с записью данных, что привело к корректировке общего количества степеней свободы ($n1 + n2 - 2 = 90 + 89 - 2 = 177$). Анализ использования ненормативной лексики выявил, что 30% сообщений в анонимной группе содержат ненормативную лексику, по сравнению с 7% в контрольной группе ($t(177) = 9.76$, $p < 0.001$). Анализ тональности текста (LIWC) показал, что 58% сообщений анонимной группы имеют негативную эмоциональную окраску, в то время как в контрольной группе – 21% ($t(177) = -8.32$, $p < 0.001$). Показатель ответственности за свои высказывания был значимо ниже в анонимной группе, где 70% участников проявили низкий уровень ответственности (ниже среднего значения), по сравнению с контрольной группой, где данный показатель составил 33% ($t(177) = -12.45$, $p < 0.001$). Корреляционный анализ подтвердил положительную взаимосвязь между уровнем анонимности и агрессивным поведением ($r = 0.64$, $p < 0.001$) и использованием ненормативной лексики ($r = 0.58$, $p < 0.001$), а также отрицательную взаимосвязь между анонимностью и уровнем самоконтроля ($r = -0.47$, $p < 0.001$) и ответственностью за высказывания ($r = -0.71$, $p < 0.001$).

Таблица 2 / Table 2

Сравнительный анализ показателей агрессивного поведения и эмоциональной окрашенности в ходе моделирования онлайн-коммуникации у студентов (анонимная и контрольная группы)

Comparative analysis of indicators of aggressive behavior and emotional coloring during online communication modeling among students (anonymous and control groups)

Показатель / Indicator	Группа / Group	M (SD)	критерий хи-квадрат / chi-square criterion	t-критерий Стьюдента (t 177) / Student's t-test (t 177)	p
Количество проявлений агрессии (контент-анализ) / Number of aggressive acts (content analysis)					

Оскорбление / Offense	Анонимная / Anonymous	18% (1602)	15.0		< 0.01
	Контрольная / Control	4% (360)			
Угрозы / Threats	Анонимная / Anonymous	7% (623)	15.0		< 0.001
	Контрольная / Control	1% (90)			
Унижение / Humiliation	Анонимная / Anonymous	12% (1069)	15.0		< 0.001
	Контрольная / Control	6% (540)			
Высмеивание / Derision	Анонимная / Anonymous	8% (715)	15.0		< 0.001
	Контрольная / Control	7% (630)			
Общий процент агрессивных сообщений / Total percentage of aggressive messages	Анонимная / Anonymous	45%	-	8.94	< 0.001
	Контрольная / Control	18%			
Использование ненормативной лексики / Use of profanity					
Среднее число лексем на сообщение / Average number of tokens per message	Анонимная / Anonymous	2.78 (1.89)		9.76	< 0.001
	Контрольная / Control	0.65 (0.98)			
Сообщения с нецензурными словами / Messages with obscene words	Анонимная / Anonymous	30%			= 0.049
	Контрольная / Control	7%			
Эмоциональная окрашенность текста (LIWC) / Emotional coloring of the text (LIWC)					
Индекс негативной эмоциональности / The index of negative emotionality	Анонимная / Anonymous	12.5% (3.2)		-11.2	< 0.001
	Контрольная / Control	6.8% (2.1)			
Индекс позитивной эмоциональности / The index of positive emotionality	Анонимная / Anonymous	3.2% (1.5)		10.5	< 0.001
	Контрольная / Control	7.5% (2.3)			
Ответственность за высказывания / Responsibility for statements					
	Анонимная / Anonymous	2.8% (0.9)		11.8	< 0.001

Использование личных местоимений 1-го лица / Using 1st person pronouns	Контрольная / Control	5.2% (1.3)			
Использование модальных глаголов / Using modal verbs	Анонимная / Anonymous	1.5% (0.5)		10.9	< 0.001
	Контрольная / Control	3.2% (0.8)			

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что анонимность в онлайн-коммуникации способствует усилению агрессивного поведения, уменьшению самоконтроля и снижению ответственности за высказывания. Данные, полученные в ходе анкетирования и экспериментального моделирования, согласуются и дополняют друг друга, что повышает надежность и валидность сделанных выводов.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают гипотезу о влиянии анонимности на языковое поведение студентов в онлайн-среде, выражающемся в усилении агрессии, использовании ненормативной лексики, снижении самоконтроля и ответственности за высказывания. Данные выводы согласуются с концепцией "онлайн-растормаживания" (Suler, 2004), объясняющей дезингибицию в интернете, где анонимность ослабляет действие социальных норм. Схожие результаты продемонстрированы в работах Lapidot-Lefler, Barak (2012) и Christopherson (2007), также зафиксировавших взаимосвязь анонимности и агрессии в онлайн-коммуникации. В российском контексте сходные тенденции отмечаются в исследованиях Жихарева Л.В., Бахшишева А.С. (2025), выявившей влияние анонимности на формирование групповой идентичности и проявление агрессии в молодежных интернет-сообществах, а также в работах Одарюк, И. В. (2024), рассматривающей особенности самопрезентации и межличностного взаимодействия в виртуальной среде. Важным вкладом в понимание рассматриваемой проблематики является работа Е.Г. Шаховаловой и Н.Н. Шаховалова (2020), фокусирующаяся на вопросах соблюдения речевого этикета в цифровых коммуникациях и анализирующая влияние анонимности на выбор коммуникативных стратегий. Представленное исследование, развивая существующие научные представления, акцентирует внимание на анализе языкового поведения студенческой молодежи в условиях экспериментального контроля основных переменных. Обнаруженные отличия в результатах, по сравнению с предыдущими работами, могут быть обусловлены различиями в характеристиках исследуемой выборки, спецификой контекста поставленной задачи и используемыми аналитическими методами. Данный факт подчеркивает необходимость проведения дальнейших научных исследований, направленных на систематизацию и уточнение факторов, определяющих влияние анонимности на языковую коммуникацию.

Важно подчеркнуть, что анонимность, оказывая дезингибирующее воздействие на речевое поведение, не является единственным детерминантом агрессивных проявлений в онлайн-среде. Вклад анонимности в девиации вербальной коммуникации опосредуется и модифицируется широким спектром индивидуальных личностных характеристик, социокультурных факторов и контекстуальных условий. Комплексный учет указанных факторов является необходимым условием для всестороннего понимания механизмов,

лежащих в основе формирования и проявления агрессивного языкового поведения в условиях виртуальной анонимности.

Заключение

Данное исследование эмпирически обосновывает значимое влияние анонимности на языковое поведение студентов в онлайн-пространстве, проявляющееся в снижении самоконтроля и ответственности за высказывания, что напрямую связано с заявленной во введении проблемой растущей агрессии и деструктивной коммуникации в сети. Выявленная статистическая зависимость между анонимностью с ростом агрессивных проявлений и ненормативной лексики не только расширяет понимание закономерностей изменения коммуникативного поведения в виртуальной среде, но и открывает перспективы для междисциплинарных исследований, например, в социальной психологии и цифровой педагогике. Полученные результаты могут служить основой для разработки эффективных стратегий борьбы с кибербуллингом, формирования позитивной цифровой идентичности и противодействия распространению деструктивного контента. Актуальные образовательные проекты, направленные на повышение медиаграмотности и формирование культуры ответственного онлайн-взаимодействия, могут опираться на предложенные выводы, однако необходимо учитывать потребность в дальнейших исследованиях для адаптации данных к различным социокультурным контекстам. Значимые перспективы данной работы видятся в углубленном изучении лингвистических особенностей дезингибиции в анонимном онлайн-дискурсе и в разработке, а также апробации практических рекомендаций для образовательных учреждений и онлайн-платформ, направленных на снижение негативных эффектов анонимности и формирование ответственного языкового поведения в интернете.

Ограничения. Необходимо учитывать следующие ограничения данного исследования:

Размер выборки: Хотя выборка в 179 респондентов является достаточно репрезентативной, увеличение размера выборки могло бы повысить статистическую мощность результатов.

Ограниченный доступ к данным: Некоторые участники могли не полностью раскрывать свое языковое поведение в онлайн-дискуссии из-за опасений по поводу конфиденциальности.

Специфика контекста: Результаты исследования могут быть ограничены спецификой выбранной темы для дискуссии и онлайн-платформы.

Limitations. The following limitations of this study should be considered:

Sample size: Although the sample size of 179 respondents is representative, increasing the sample size could enhance the statistical power of the results.

Limited access to data: Some participants may not have fully disclosed their linguistic behavior in the online discussion due to concerns about privacy.

Context specificity: The results of the study may be limited by the specific nature of the chosen topic for the discussion and the online platform.

Список источников / References

1. Базаров, Р.И. (2025). Тени Интернета: как анонимность влияет на психологическое здоровье подростков. *Вестник практической психологии образования*, 22(3), 210—220. <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220314>

- Bazarov, R.I. (2025). Shadows of the Internet: How Anonymity Affects the Psychological Health of Adolescents. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 22(3), 210—220. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220314>
2. Бадмацыренов, Т.Б., Цыденов, А.Б., Хандаров, Ф.В. (2021). «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях. *Политическая наука*, (1), 183—204. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.08>
Badmatsyrenov, T.B., Tsydenov, A.B., Khandarov, F.V. (2021). "The Third Space," "Echo Chambers," and Online Communities: The Reproduction of Political Ideologies in Social Media. *Political Science*, (1), 183-204. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.08>
 3. Богомазова, В.В. (2022). Деструктивное общение в сети интернет (на примере жанра интернет-комментарий). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(164), 225—229.
Vogomazova, V.V. (2022). Destructive Communication on the Internet (on the Example of the Internet Comment Genre). *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 1(164), 225—229. (In Russ.)
 4. Быльева, Д.С., Сатюкова, А.В. (2017). Влияние степени анонимности в социальных сетях на поведение человека. Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Международной научно-теоретической конференции (г. Санкт-Петербург, 26—27 октября 2017 г.), СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 255—260.
Vylyeva, D.S., Satyukova, A.V. (2017). *The Influence of the Degree of Anonymity in Social Networks on Human Behavior*. Communicative Strategies of the Information Society: Proceedings of the IX International Scientific and Theoretical Conference (Saint Petersburg, October 26—27, 2017), Saint Petersburg: POLITEH-PRESS, 255—260. (In Russ.)
 5. Власова, Н.В., Буслаева, Е.Л. (2023). Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва. *Психология и право*, 13(3), 56—71. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130305>
Vlasova, N.V., Buslaeva, E.L. (2023). Cyberbullying in Adolescence: Aggressor and Victim. *Psychology and Law*, 13(3), 56—71. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130305>
 6. Войшель, Т.И. (2021). Риски интернета как поля общения подростков и людей среднего возраста в сравнении. В.В. Рубцов, М.Г. Сорокова, Н.П. Радчикова (ред.), Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2021): сб. статей II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 11—12 ноября 2021 г.) (с. 456—464). М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ.
Voysheh, T.I. (2021). *The risks of the Internet as a communication field for teenagers and middle-aged people in comparison*. V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, and N.P. Radchikova (eds.), Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2021): Collection of Articles from the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Moscow, November 11—12, 2021) (pp. 456—464). Moscow: Publishing House of the Moscow State University of Psychology and Education. (In Russ.)
 7. Галяшина, Е.И., Никишин, В.Д. (2021). Язык вражды как угроза информационной безопасности Интернет-коммуникации. *Вестник СПбГУ. Право*, 12(3), 555—573. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.305>
Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). Hate Speech as a Threat to the Information Security of Internet Communication. *Vestnik SPbGU. Pravo*, 12(3), 555—573. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.305>

Михайлова Т.А., Шилина И.Б. (2026)
Влияние анонимности на языковое поведение
студенческой молодежи в интернете
Язык и текст, 13(1), 179—193.

Mikhailova T.A., Shilina I.B. (2026)
The impact of anonymity on the linguistic behavior
of young students on the Internet
Language and Text, 13(1), 179—193.

8. Жихарева, Л.В., Бахшишева, А.С. (2025). Психологические особенности агрессии в интернет-пространстве на разных возрастных этапах. *Мир науки. Педагогика и психология*, 13(2), 65.
Zhikhareva, L.V., Bakhsisheva, A.S. (2025). Psychological Features of Aggression in the Internet Space at Different Age Stages. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 13(2), 65. (In Russ.).
9. Жихарева, Л.В., Лучинкина, И.С., Гребенюк, А.А., Лучинкина, А.И. (2022). Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве. Научный результат. *Педагогика и психология образования*, 8(4), 115—126. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-4-0-9>
Zhikhareva, L.V., Luchinkina, I.S., Grebenyuk, A.A., Luchinkina, A.I. (2022). Cyberbullying as a Form of Deviant Personal Behavior in the Internet Space. Scientific Result. *Pedagogy and Psychology of Education*, 8(4), 115—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-4-0-9>
10. Кирюхина, Д.В. (2021). Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 40—47. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100304>
Kiryukhina, D.V. (2021). Teenagers' Online Communication: The Limits of Normativity. *Modern Foreign Psychology*, 10(3), 40—47. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100304>
11. Михайлова, Т.А., Полосина, А.А., Шилина, И.Б., Трифонова, А.Ю. (2025). Влияние социальных сетей на речевую коммуникацию старшеклассников. *Язык и текст*, 12(1), 148—166. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120113>
Mikhailova, T.A., Polosina, A.A., Shilina, I.B., Trifonova, A.Yu. (2025). The Influence of Social Media on the Speech Communication of High School Students. *Language and Text*, 12(1), 148—166. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120113>
12. Одарюк, И.В. (2024) Трансформация самопрезентации студентов в цифровой образовательной среде: опыт эмпирического исследования. *Педагогическое образование в России*, (5), 43—57.
Ogaryuk, I.V. (2024) Transformation of Students' Self-Presentation in a Digital Educational Environment: An Empirical Study. *Pedagogical Education in Russia*, (5), 43—57. (In Russ.).
13. Онучина, А.А. (2023). Лингвоэкологические аспекты коммуникации в социальных сетях. *Молодой ученый*, 23(470), 635—636.
Onuchina, A.A. (2023). Linguoecological Aspects of Communication in Social Media. *Young Scientist*, 23(470), 635—636. (In Russ.).
14. Пищулина, Д.Р. (2024). Язык и коммуникация в цифровой эре: лингвистические подходы к анализу влияния новых медиа на языковую динамику и коммуникативные практики. *Финансовая экономика*, (1), 213—215.
Pishchulina, D.R. (2024). Language and Communication in the Digital Era: Linguistic Approaches to Analyzing the Impact of New Media on Language Dynamics and Communicative Practices. *Financial Economics*, (1), 213—215. (In Russ.).
15. Пшегорский, А.С. (2023). Фейковые новости как феномен современной интернет-среды и перспективы ограничения их распространения. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 14(3).

- Pshegorsky, A.S. (2023). Fake news as a phenomenon of the modern Internet environment and prospects for limiting their spread. *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 14(3). (In Russ.).
16. Руслякова, Е.Е., Тимофеева, Э.А., Шестакова, Ю.В., [и др.]. (2020). Исследование уровня эмпатии у подростков, увлеченных компьютерными технологиями. Цифровая эмпатия. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(6).
Ruslyakova, E.E., Timofeeva, E.A., Shestakova, Yu.V., [et al.]. (2020). Study of the level of empathy in adolescents who are interested in computer technologies. Digital Empathy. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(6). (In Russ.).
17. Субботина, И.К. (2023). Специфика норм языкового общения в современном интернет-пространстве. *Russian Linguistic Bulletin*, 6(42). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.28>
Subbotina I.K. (2023). The specifics of language communication norms in the modern Internet space. *Russian Linguistic Bulletin*, 6(42). (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.28>
18. Ткебучава, И.Г. (2023). Влияние языка на формирование социальных структур. *Экономика и социум*, 12(115)-2.
Tkebuchava, I.G. (2023). The Influence of Language on the Formation of Social Structures. *Economics and Society*, 12(115)-2. (In Russ.).
19. Шаховалова, Е.Г., Шаховалов, Н.Н. (2020). Проблемы рассмотрения речевого этикета в интернет-коммуникациях. *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 39(3), 455—465. <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-3-455-465>
Shakhovalova, E.G., Shakhovalov, N.N. (2020). Problems of Considering Speech Etiquette in Internet Communications. *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*, 39(3), 455—465. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-3-455-465>
20. Шилин, А.Ю., Бахчиева, О.А. (2025). Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде. *Язык и текст*, 12(3), 143—155. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120313>
Shilin, A.Yu., Bakhtieva, O.A. (2025). Language Aspects of Cyberbullying in the Student Environment. *Language and Text*, 12(3), 143—155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120313>
21. Юдеева, Т.В. (2022). Особенности реагирования подростков на мнение сверстников в интернет-пространстве. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 8(74), 195—205.
Yudeeva, T.V. (2022). Features of Teenagers' Response to Peer Opinion in the Internet Space. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 8(74), 195—205. (In Russ.).
22. Buss, A. H., Perry, M. (1992). Aggression Questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63(3), 452—459.
23. Christopherson, K.M. (2007). The Positive and Negative Implications of Anonymity in Internet Social Interactions: “On the Internet, Nobody Knows You’re a Dog”. *Computers in Human Behavior*, 23(6), 3038—3056. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2006.08.007>
24. Lapidot-Lefler, N., Barak, A. (2012). Effects of Anonymity, Invisibility, and Lack of Eye-Contact on Toxic Online Disinhibition. *Computers in Human Behavior*, 28(2), 434—443. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.10.014>

Михайлова Т.А., Шилина И.Б. (2026)
Влияние анонимности на языковое поведение
студенческой молодежи в интернете
Язык и текст, 13(1), 179—193.

Mikhailova T.A., Shilina I.B. (2026)
The impact of anonymity on the linguistic behavior
of young students on the Internet
Language and Text, 13(1), 179—193.

25. Patchin, J. W., Hinduja, S. (2012). *Cyberbullying An update and synthesis of the research*. Cyberbullying prevention and response: Expert perspectives. New York, NY: Routledge, 13—35.
26. Pennebaker, J. W., Booth, R. J., Boyd, R. L., and Francis, M. E. (2015). Linguistic Inquiry and Word Count: Liwc 2015 [computer software]. *Pennebaker Conglomerates. Inc.*
27. Snyder, M. (1974). Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of personality and social psychology*, 30(4), 526.
28. Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology, Behavior*, 7(3), 321—326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291232>
29. Walther, JB. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction. *Communication research*, 23 (1), 3-43.

Информация об авторах

Татьяна Александровна Михайлова, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4553-778X>, e-mail: tmixailova79@yandex.ru

Ирина Борисовна Шилина, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Information about the authors

Tatiana A. Mikhailova, Candidate of Science (Pedagogy), Head of the Department of Social Communication and Organization of Work with Youth, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4553-778X>, e-mail: tmixailova79@yandex.ru

Irina B. Shilina, Doctor of Science (History), Professor, Department of Social Communication and Organization of Work with Youth, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6226-0436>, e-mail: shilinaib@mgppu.ru

Вклад авторов

Михайлова Т.А. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Шилина И.Б. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Михайлова Т.А., Шилина И.Б. (2026)
Влияние анонимности на языковое поведение
студенческой молодежи в интернете
Язык и текст, 13(1), 179—193.

Mikhailova T.A., Shilina I.B. (2026)
The impact of anonymity on the linguistic behavior
of young students on the Internet
Language and Text, 13(1), 179—193.

Contribution of the authors

Tatiana A. Mikhailova — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Irina B. Shilina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.30
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Научная статья | Original paper

Особенности языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях

А.А. Полосина✉, А.Ю. Шилин

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская
Федерация

✉ koposovaaa@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Данное исследование посвящено изучению особенностей языка и коммуникации, применяемых в студенческих волонтерских движениях, что обусловлено возрастающей ролью волонтерства в современном обществе и необходимостью глубокого понимания факторов, определяющих эффективность межличностного взаимодействия и информационного обмена в данной специфической среде. **Цель.** Целью работы является выявление конкретных характеристик языка и коммуникационных стратегий, используемых в студенческих волонтерских движениях, а также установление их влияния на процессы формирования групповой идентичности, повышения уровня социальной сплоченности и достижения поставленных целей в волонтерской деятельности. **Гипотеза.** В рамках исследования выдвигается гипотеза о том, что язык и коммуникация в студенческих волонтерских движениях отличаются использованием специфической лексики и риторики, а также применением особых каналов коммуникации, что в совокупности способствует формированию уникальной групповой идентичности, поддержанию социальной активности участников и достижению общих целей волонтерской деятельности. **Методы и материалы.** Исследование проводилось на базе пяти студенческих волонтерских организаций, функционирующих в городе Москве. В качестве участников исследования были привлечены 130 студентов-волонтеров, среди которых было равное количество девушек и юношей (по 65 человек каждого пола) в возрасте от 18 до 25 лет. В процессе исследования были использованы следующие методы: анкетирование участников, контент-анализ информационных и коммуникативных материалов, размещаемых в социальных сетях, проведение полуструктурированных

интервью с лидерами волонтерских организаций, а также методы статистической обработки данных, включая t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ для выявления значимых взаимосвязей между переменными. **Результаты.** В ходе исследования были выявлены особенности и специфика лексического состава, риторических приемов и используемых каналов коммуникации, характерных для студенческих волонтерских движений. Установлена статистически значимая взаимосвязь между конкретными характеристиками коммуникации, уровнем групповой сплоченности среди волонтеров и степенью их удовлетворенности волонтерской деятельностью. Обнаружено преобладание неформального стиля общения, характеризующегося использованием разговорной лексики, юмора и сленга, а также активное применение визуальных средств коммуникации и платформ социальных сетей для взаимодействия и обмена информацией. **Выводы.** Результаты проведенного исследования указывают на то, что язык и коммуникация играют существенную роль в процессах формирования и поддержания групповой идентичности, повышения уровня мотивации участников и обеспечения эффективности деятельности студенческих волонтерских движений. Полученные выводы и результаты могут быть использованы для разработки практических рекомендаций и методических материалов, направленных на оптимизацию коммуникационной стратегии волонтерских организаций, с целью повышения их эффективности, привлечения новых участников и укрепления социальной сплоченности в волонтерской среде.

Ключевые слова: студенческие волонтерские движения, язык и коммуникация, групповая идентичность, социальная сплоченность, волонтерская деятельность, специфика лексики, риторика, каналы коммуникации, эффективность коммуникации, социальные сети

Для цитирования: Полосина, А.А., Шилин, А.Ю. (2026). Особенности языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях. *Язык и текст*, 13(1), 194—208. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130114>

Features of language and communication in student volunteer movements

A.A. Polosina✉, A.Yu. Shilin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ kopoulosaaa@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. This study is devoted to the study of the peculiarities of language and communication used in student volunteer movements, which is due to the increasing role of volunteerism in modern society and the need for a deep understanding of the factors determining the effectiveness of interpersonal interaction and information exchange in this specific environment. **Objective.** The purpose of this

work is to identify the specific characteristics of language and communication strategies used in student volunteer movements, as well as to establish their impact on the formation of group identity, increasing social cohesion, and achieving the goals of volunteer activities. **Hypothesis.** The study hypothesizes that language and communication in student volunteer movements are characterized by the use of specific vocabulary and rhetoric, as well as the use of specific communication channels, which together contribute to the formation of a unique group identity, the maintenance of social activity among participants, and the achievement of common goals in volunteer activities. **Methods and materials.** The study was conducted on the basis of five student volunteer organizations operating in the city of Moscow. The study involved 130 volunteer students, including an equal number of girls and boys (65 of each gender) aged 18 to 25. The following methods were used in the study: participant questionnaires, content analysis of information and communication materials posted on social networks, semi-structured interviews with leaders of volunteer organizations, and statistical data processing methods, including Student's t-test and correlation analysis to identify significant relationships between variables. **Results.** The study identified the features and specifics of the lexical composition, rhetorical techniques, and communication channels used by student volunteer movements. It established a statistically significant relationship between specific communication characteristics, the level of group cohesion among volunteers, and their satisfaction with volunteer activities. The study revealed a predominance of an informal communication style characterized by the use of colloquial language, humor, and slang, as well as the active use of visual communication tools and social media platforms for interaction and information sharing. **Conclusions.** The results of the conducted research indicate that language and communication play a significant role in the processes of forming and maintaining group identity, increasing the level of motivation among participants, and ensuring the effectiveness of student volunteer movements. The findings and results can be used to develop practical recommendations and methodological materials aimed at optimizing the communication strategy of volunteer organizations in order to increase their effectiveness, attract new participants, and strengthen social cohesion in the volunteer environment.

Keywords: student volunteer movements, language and communication, group identity, social cohesion, volunteer activities, vocabulary specificity, rhetoric, communication channels, communication effectiveness, social networks

For citation: Polosina, A.A., Shilin, A.Yu. (2026). Features of language and communication in student volunteer movements. *Language and Text*, 13(1), 194—208. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130114>

Введение

В современном обществе волонтерство приобретает все большую значимость как инструмент решения актуальных социальных проблем, содействия развитию гражданского общества и формирования активной гражданской позиции, особенно среди молодежи.

Студенческие волонтерские движения, представляющие собой одну из наиболее динамично развивающихся форм добровольческой деятельности, играют существенную роль в этом процессе. Однако, эффективность деятельности студенческих волонтерских движений во многом обусловлена качеством коммуникации между участниками, их способностью к самоорганизации, эффективному взаимодействию с внешним миром и поддержанию чувства общности. В связи с этим, возникает острая необходимость углубленного изучения языка и коммуникативных практик, используемых в студенческих волонтерских движениях, с целью выявления ключевых факторов, способствующих формированию групповой идентичности, поддержанию мотивации, вовлеченности участников и, как следствие, достижению поставленных общих целей (Smith, 2000).

Обзор научной литературы показывает, что за рубежом исследования языка и коммуникации в волонтерских организациях имеют довольно продолжительную историю. Работы американских исследователей, таких как Д. Смит (Smith, 2000) и Дж. Вилсон (Wilson, 2012), внесли значительный вклад в изучение мотивации и структуры волонтерских объединений. Однако, несмотря на их ценность, данные исследования практически не затрагивают вопросы языка и коммуникации как таковые. Теоретическую основу для анализа коммуникации как способа социального действия заложили классические работы Дж. Остина (Austin, 1962) и Дж. Серля (Searle, 1969) по теории речевых актов, которые стали фундаментом для анализа волонтерского дискурса. В зарубежных исследованиях, посвященных волонтерству, можно отметить работы Campbell K.H., Ellis S.J., Paine A.A., Rochester C., Smith J.D. (Campbell et al., 2003), где волонтерство рассматривается как многогранный социальный концепт. Кроме того, труды Fairclough N. (Fairclough, 1995) и Harris Z. (Harris, 1952) внесли существенный вклад в исследования коммуникативных стратегий, используемых в волонтерском дискурсе. В Российской Федерации изучение волонтерской деятельности началось относительно недавно по сравнению с зарубежными странами. Работы российских ученых, таких как Е.Ю. Зарубко, Е.В. Обатуров (Зарубко, Обатуров, 2023), посвящены исследованию мотивации волонтеров и роли волонтерства в формировании гражданского общества. Однако, необходимо отметить, что коммуникативные аспекты волонтерской деятельности в России до сих пор остаются недостаточно изученными. Российские авторы, такие как М.О. Шаваева (Шаваева, 2015), акцентируют внимание на анализе реализации коммуникативных стратегий в деятельности студенческих волонтерских движений, приводя в качестве примеров конкретные организации, например, волонтерское движение «Твой дар» (Шаваева, 2015). Э.У. Саидгасанова (Саидгасанова, 2017) исследует языковые средства, используемые для выражения коммуникативных стратегий и тактик в текстах организационно-правовых документов добровольческих объединений, на примере волонтерского центра «Прорыв» (Саидгасанова, 2017). А.Н. Казанцева (Казанцева, 2020) рассматривает иноязычную коммуникативную компетенцию волонтеров, раскрывая понятие коммуникативной компетентности и ее практическое применение в работе волонтера. Обзор исследований в этой сфере показывает, что основное внимание уделяется коммуникативным стратегиям, языковым особенностям документов волонтерских организаций, роли коммуникации в социализации волонтеров и формировании их профессиональных навыков (Шаваева, 2015; Саидгасанова, 2017; Потанина, 2020).

Статистические данные свидетельствуют о растущей роли волонтерской деятельности в жизни российского общества. По данным Росстата за 2024 год, более 15% россиян принимают

участие в той или иной форме волонтерской деятельности (Росстат, 2024). При этом, среди молодежи данный показатель значительно выше и составляет около 30%. Однако, результаты исследований, проведенных ВЦИОМ (ВЦИОМ, 2025), показывают, что около 40% волонтеров прекращают свою деятельность в течение первого года работы. Одной из причин этого является наличие проблем в коммуникации и отсутствие чувства принадлежности к группе. Важно отметить, что в 2025 году в добровольческой деятельности приняли участие более 200 тысяч студентов, представляющих различные высшие учебные заведения страны (Минобрнауки, 2025). В связи с этим, эффективная коммуникация является ключевым фактором, обеспечивающим координацию деятельности столь большого количества людей и, как следствие, успешную реализацию волонтерских проектов.

Настоящее исследование представляет собой одну из первых комплексных попыток изучения языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях в России. В рамках данного исследования впервые предпринята попытка (1) выявить специфические характеристики языка, используемого студентами-волонтерами, (2) определить их влияние на процесс формирования групповой идентичности, (3) оценить вклад коммуникации в эффективность деятельности студенческих волонтерских организаций. Теоретической основой исследования послужили положения, представленные в диссертации К.И. Жевачевской (Жевачевская, 2020), а также ключевые работы по теории коммуникации и дискурса (Арутюнова, 1990; Стернина, 2022).

Анализ публикаций за последние пять лет показывает, что исследования в области волонтерства сфокусированы на следующих направлениях: Е. Петрова (Петрова, 2022) изучала роль цифровых технологий в развитии волонтерских движений, но не анализировала лингвистические аспекты коммуникации. Р. Воронова (Воронова, 2023) исследовал мотивацию студентов к участию в волонтерской деятельности, не рассматривая язык как фактор мотивации. А. Исаев, Ю. Путилина, И. Ковалев (Исаев, Путилина, Ковалев, 2025) изучали влияние волонтерства на социализацию молодежи, но не затрагивали вопросы коммуникативных практик. Зарубежные исследования, представленные работами Кьяло, Э. (Chialo, 2024) и Урреа, Г., и Ю, Э. (Urréa, G., Yú, E., 2023), посвящены особенностям коммуникационных стратегий некоммерческих организаций в социальных сетях и влиянию коммуникации на удержание волонтеров, соответственно.

Нами была сформулирована следующая цель исследования: выявление специфических характеристик языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях и определение их влияния на формирование групповой идентичности и повышение эффективности деятельности.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что язык и коммуникация в студенческих волонтерских движениях характеризуются использованием специфической лексики, особых риторических приемов и специализированных каналов коммуникации, способствующих формированию групповой идентичности, поддержанию социальной активности, вовлеченности и достижению общих целей.

Материалы и методы

Выборку исследования составили 130 студентов-волонтеров (65 девушек и 65 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет, представляющих студенческие волонтерские организации,

функционирующих на территории г. Москвы. Инструментарий исследования включал авторскую анкету, разработанную на основе теоретических положений о языке, коммуникации и групповой идентичности, ориентированную на выявление мотивов участия в волонтерской деятельности, особенностей коммуникационных процессов в организации, уровня групповой сплоченности и степени удовлетворенности волонтерской деятельностью. Анкетирование осуществлялось в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Метод контент-анализа, примененный к коммуникативным материалам (посты, комментарии, фотографии, видеоролики – 500 единиц контента), размещенным в социальной сети (ВКонтакте) волонтерских организаций, с целью анализа наиболее часто используемых лексем, риторических приемов, тематических направлений и визуальных образов; а также метод полуструктурированного интервью, реализованный с 10 лидерами студенческих волонтерских организаций для выяснения особенностей коммуникационной стратегии организации, применяемых инструментов и методов, а также существующих проблем и перспектив развития. Интервью проводились индивидуально, в формате личных встреч или онлайн-видеоконференций, и записывались с согласия респондентов, используя разработанное руководство для интервью. Для статистической обработки полученных данных применялись методы описательной статистики. Для сравнения средних значений удовлетворенности волонтерской деятельностью между группами юношей и девушек применялся t-критерий Стьюдента. Выявление статистически значимых линейных взаимосвязей между уровнем групповой сплоченности и удовлетворенностью волонтерской деятельностью осуществлялось с помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона, r). Статистическая значимость оценивалась на уровне $p < 0.05$.

Результаты

Результаты проведенного исследования подтверждают теоретические положения о взаимосвязи языка и коммуникации с формированием социальной идентичности, что находит отражение в концепциях социальной психологии (Tajfel & Turner, 1996) и теории коммуникативного действия (Habermas, 1984). Использование специфической лексики способствует укреплению группового духа и формированию чувства принадлежности, а эффективные коммуникативные практики играют ключевую роль в установлении социальных норм и ценностей внутри студенческих волонтерских движений.

Анализ лексического состава коммуникации волонтерских организаций выявил активное использование специфических лексем, отражающих ключевые ценности и цели волонтерской деятельности, таких как «добро», «помощь», «солидарность», «ответственность», «акция», «мероприятие», «волонтер», «команда», «проект» (Таблица 1.). В частности, лексема "добро" встречается в 22% проанализированных коммуникативных материалов, "помощь" - в 19%, "солидарность" - в 15%, "ответственность" - в 14%, а остальные ценностно-ориентированные лексемы (акция, мероприятие, волонтер, команда, проект) в совокупности составляют 15%. Отмечено, что в целом, лексемы, отражающие ценности, встречаются в 85% проанализированных коммуникативных материалов. Также широко распространились англицизмы («challenge», «event», «team-building»), что свидетельствует об интеграции в международное волонтерское движение и составляют 15% от общего числа используемых лексем.

Таблица 1 / Table 1

Частота использования ценностно-ориентированной лексики в коммуникации (в % от общего числа лексем)
Frequency of using value-oriented vocabulary in communication (as a percentage of the total number of lexemes)

Категория лексики / Vocabulary category	% встречаемости / % of occurrence
Лексема «добро» / The "dobro" token	22%
Лексема «помощь» / The "help" token	19%
Лексема «солидарность» / The lexeme "solidarity"	15%
Лексема «ответственность» / The lexeme "responsibility"	14%
Лексема «акция», «мероприятия», «волонтер», «команда», «проект» в совокупности / The lexemes "action", "events", "volunteer", "team", and "project" are used together	15%

Контент-анализ риторических приемов (Таблица 2), используемых в коммуникации, продемонстрировал преобладание стратегий убеждения, мотивации и формирования чувства сопричастности, в частности использование призывов к действию («Присоединяйся к нашей команде!», «Сделай мир лучше!», «Помоги тем, кто нуждается!»), позитивных оценок («Мы гордимся нашими волонтерами!», «Вы делаете важное дело!», «Спасибо за вашу помощь!»), а также активное употребление местоимения "мы" ("Мы - команда", "Мы вместе", "Мы делаем мир добрее"), что способствует формированию коллективной идентичности. Призывы к действию составляют 40% от общего числа риторических приемов, позитивные оценки - 30%, а использование местоимения "мы" - 30%. Таким образом, призывы к действию и позитивные оценки совместно составляют 70% от общего числа риторических приемов.

Таблица 2 / Table 2

Распределение риторических приемов в коммуникации (в %)
Distribution of rhetorical techniques in communication (in %)

Тип риторического приема / The type of rhetorical device	% встречаемости / % of occurrence
Призывы к действию / Calls to action	40%
Позитивные оценки / Positive ratings	30%
Использования местоимения «мы» / Using the pronoun "we"	30%

Оценка каналов коммуникации (Таблица 3) показала, что основными средствами обмена информацией являются мессенджеры (Telegram, WhatsApp), электронная почта, сайты волонтерских организаций и оффлайн-мероприятия, при этом наиболее эффективными признаны мессенджеры (Telegram, WhatsApp), которые используются "очень часто" в 60% случаев.

Таблица 3 / Table 3

Частота использования каналов коммуникации (в %)
Frequency of use of communication channels (in %)

Канал коммуникации / Communication channel	Очень часто (%) / Very often (%)	Часто (%) / Frequently (%)	Иногда (%) / Sometimes (%)	Редко (%) / Rarely (%)
Мессенджеры / Messengers	60	30	10	0
Электронная почта / Email	5	15	40	40
Оффлайн встречи / Offline meetings	30	40	25	5

Исследование, проведенное методом полуструктурированного интервью с 10 лидерами студенческих волонтерских организаций, позволило выявить доминирующие коммуникационные стратегии, используемые инструменты, а также существующие проблемы и прогнозируемые векторы развития. Анализ эмпирических данных, собранных в ходе индивидуальных бесед, демонстрирует, что 100% респондентов ставят во главу угла повышение узнаваемости организации и привлечение новых волонтеров, при этом информирование мероприятий (80%) и формирование позитивного имиджа (80%) также являются значимыми целями. Фундаментом коммуникационной деятельности 100% респондентов выступают социальные сети, прежде всего ВКонтакте (90%) и Telegram (80%), применяемые для распространения информации и интерактивного вовлечения. Внутренние коммуникации, охватывающие 90% организаций, выстроены на базе групповых чатов, собраний и рассылок, тогда как офлайн-форматы (70%), включающие распространение печатной продукции и участие в университетских мероприятиях, дополняют цифровую активность, при этом официальные сайты используются лишь 40% организаций. Основной проблемой (90%) лидеры называют дефицит временных и человеческих ресурсов, связанный с учебными обязанностями, что перекликается с низкой осведомленностью целевой аудитории в условиях информационного шума (80%), а также с недостаточной системностью коммуникационных усилий (60%) и затруднениями в оценке их эффективности (50%). В контексте перспектив развития (80%) респонденты акцентируют внимание на совершенствовании цифровых инструментов, включая таргетированную рекламу и аналитику, а также на развитии партнерских связей (70%) для расширения охвата и получения поддержки. Наряду с этим, систематизация и планирование (60%), повышение компетентности активистов (40%) и внедрение метрик оценки результативности (30%) также рассматриваются как ключевые направления для улучшения коммуникационной деятельности.

Статистический анализ данных, полученных в ходе анкетирования, показал, что средний балл по шкале "удовлетворенность волонтерской деятельностью" составляет 4.2 (по 5-балльной шкале), а средний балл по шкале "групповая сплоченность" – 4.5 (по 5-балльной шкале). Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную взаимосвязь между уровнем групповой сплоченности и удовлетворенностью волонтерской деятельностью ($r = 0.65$, $p < 0.01$), что свидетельствует о влиянии уровня сплоченности

коллектива на степень удовлетворенности индивида волонтерской деятельностью. При этом t-критерий Стьюдента не выявил статистически значимых различий в удовлетворенности волонтерской деятельностью между юношами и девушками ($p > 0.05$)

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические данные подтверждают выдвинутую гипотезу, демонстрируя, что язык и коммуникация в студенческих волонтерских движениях характеризуются использованием специфической лексики, риторических приемов и выбором определенных каналов связи, целенаправленно способствующих формированию групповой идентичности, поддержанию социальной активности и успешному достижению общих целей. Анализ результатов исследования показывает, что применение специфического лексикона, отражающего ценности и миссию волонтерской деятельности, играет существенную роль в формировании профессионального языка и коллективного самосознания, что коррелирует с теоретическими положениями о социальной идентичности, где язык выступает как ключевой фактор, определяющий принадлежность к группе (Tajfel, Turner, 1996); лексические единицы, такие как «добро», «помощь», «солидарность» и «ответственность», формируют общее семантическое поле, объединяя участников вокруг разделяемых идеалов, а присутствие англицизмов отражает тенденцию глобализации волонтерского движения и расширение профессионального кругозора его членов.

Эффективность риторических приемов, ориентированных на убеждение, мотивацию и создание чувства сопричастности, несомненно, вносит вклад в процесс привлечения новых участников, укрепления их мотивации и формирования чувства принадлежности единому сообществу. Использование призывов к действию и позитивных оценок в коммуникационных стратегиях волонтерских организаций соответствует принципам социальной психологии убеждения и мотивации, оказывая позитивное влияние на вовлеченность и активность участников (Круглова, Шуванов, Шуванова, 2023). Акцент на местоимении "мы" подчеркивает значимость коллективной идентичности, укрепляя взаимосвязь и чувство единства.

Выбор социальных сетей и мессенджеров в качестве основных каналов коммуникации обеспечивает оперативность, интерактивность и охват широкой аудитории, предоставляя студенческим волонтерским движениям возможность эффективно взаимодействовать с целевой группой, пропагандировать свои идеи и ценности, а также оперативно координировать свои действия, что перекликается с исследованиями, посвященными влиянию новых медиа на формирование социальных связей и мобилизацию гражданской активности (Стеганцов, 2023).

Статистически значимая положительная корреляция между уровнем групповой сплоченности и удовлетворенностью волонтерским трудом ($r = 0.65$, $p < 0.01$) указывает на то, что эффективная коммуникация создает условия для формирования чувства принадлежности к группе, тем самым повышая мотивацию и результативность деятельности.

Обобщенные данные позволяют утверждать, что использование определенного языка, риторики и каналов коммуникации в студенческих волонтерских движениях закономерно способствует формированию коллективной идентичности, увеличению общественной активности и достижению общих целей, подтверждая тем самым роль коммуникации в

создании и функционировании социальных групп и сообществ, а полученные результаты могут использоваться при разработке практических инструментов и стратегий, направленных на оптимизацию коммуникационных процессов в волонтерских организациях, с целью повышения эффективности их работы и привлечения новых сторонников.

Заключение

Анализ ключевых особенностей языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях позволил не только подтвердить соответствие эмпирических данных выдвинутым гипотезам, но и достичь поставленных целей, существенно расширив понимание роли языка и коммуникативных стратегий в формировании социальной идентичности и повышении эффективности деятельности студенческих волонтерских объединений. Примечательной новизной данного исследования, являющегося одним из первых комплексных исследований языка и коммуникации в студенческих волонтерских движениях на территории России, является его практическая значимость для разработки и внедрения оптимизированных коммуникационных стратегий в волонтерских организациях, направленных на усиление сплоченности, мотивации и результативности деятельности. Центральным выводом исследования является утверждение о ключевой роли специфического лексического состава и риторических приемов, используемых в языке волонтерских движений, в формировании групповой идентичности и солидарности среди участников, а также существенного влияния активного использования социальных сетей и мессенджеров на методы координации деятельности и поддержание связей внутри организации, что подчеркивает актуальность разработки специализированных тренинговых программ для волонтеров, нацеленных на развитие коммуникативных навыков, способствующих укреплению командного духа и повышению эффективности реализации проектов. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются углубленное изучение влияния языка и коммуникации на формирование ценностей и установок студентов-волонтеров, детальный сравнительный анализ языка и коммуникационных стратегий в различных типах студенческих волонтерских организаций (экологических, социальных, культурных), расширенное исследование влияния социальных медиа на язык и коммуникацию в студенческих волонтерских движениях, а также анализ других каналов коммуникации.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что язык и коммуникация в студенческих волонтерских движениях характеризуются специфической лексикой, риторическими приемами и выбором каналов связи, целенаправленно формирующих групповую идентичность, поддерживающих социальную активность и способствующих достижению общих целей. Специфический лексикон и риторические приемы играют ключевую роль в формировании коллективного самосознания и солидарности, в то время как современные медиа (социальные сети, мессенджеры) эффективно используются для координации и поддержания связей. Эффективная коммуникация напрямую коррелирует с групповой сплоченностью и удовлетворенностью волонтерским трудом. В связи с этим, рекомендуется разработка и внедрение специализированных тренинговых программ для волонтеров, направленных на развитие коммуникативных навыков, укрепление командного духа и повышение эффективности реализации проектов, а также использование результатов исследования при проектировании и оптимизации коммуникационных стратегий волонтерских организаций для повышения их действенности. Основными направлениями

дальнейших исследований должны стать углубленное изучение влияния языка и коммуникации на формирование ценностей и установок студентов-волонтеров, детальный сравнительный анализ языка и коммуникационных стратегий в различных типах студенческих волонтерских организаций, а также расширенное исследование влияния социальных медиа и других каналов коммуникации на язык и коммуникацию в студенческих волонтерских движениях.

Ограничения. Во-первых, территориальная локализация выборки в пределах города Москвы накладывает ограничения на экстраполяцию выводов на студенческие волонтерские движения других регионов России, обладающих специфическими социокультурными и институциональными особенностями. Во-вторых, преимущественно контент-аналитический характер исследования, основанный на материалах, доступных в социальных сетях, не позволяет полностью охватить весь спектр коммуникационных практик, реально существующих в волонтерских организациях, в частности, упуская из виду неформальные каналы общения и офлайн-коммуникацию.

Limitations. Firstly, the territorial localization of the sample within the city of Moscow imposes restrictions on the extrapolation of the findings to student volunteer movements in other regions of Russia, which have specific sociocultural and institutional features. Secondly, the predominantly content-analytical nature of the study, based on materials available on social networks, does not allow for a complete coverage of the entire range of communication practices that actually exist in volunteer organizations, particularly by overlooking informal communication channels and offline communication.

Список источников / References

1. Арутюнова, Н.Д. (1990). Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. *Советская энциклопедия*, 688.
Arutyunova, N.D. (1990). The discourse. Linguistic encyclopedic dictionary. *The Soviet Encyclopedia*, 688. (In Russ.).
2. Воронова, Р.Б. (2023). Мотивация участия студентов в волонтерской деятельности как фактор саморазвития. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11(1).
Voronova, R.B. (2023). Motivation of Students' Participation in Volunteer Activities as a Factor of Self-Development. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11(1). (In Russ.).
3. ВЦИОМ (2025). Волонтерство в России: тенденции и перспективы. *Аналитический обзор*.
VTsIOM (2025). Volunteering in Russia: Trends and Prospects. *Analytical Review*. (In Russ.).
4. Гаспаров, Б.М. (1996) Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. *Новое литературное обозрение*.
Gasparov, B.M. (1996) Language, Memory, and Image. Linguistics of Linguistic Existence. *New Literary Review*. (In Russ.).
5. Жевачевская, К.И. (2020). *Коммуникативные стратегии волонтерского движения и их языковое выражение в американском варианте английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук.* Москва.

- Zhevachevskaya, K.I. (2020). *Communicative Strategies of the Volunteer Movement and Their Linguistic Expression in the American Variant of the English Language*: Diss. Cand. Sci. (Philology). Moscow. (In Russ.).
6. Зарубко, Е.Ю., Обатуров, Е.В. (2023). Мотивационная сфера волонтеров с разным стажем волонтерской деятельности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11 (4), 58.
Zarubko, E.Yu., Obaturov, E.V. (2023). Motivational sphere of volunteers with different experience in volunteer activities. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11 (4), 58. (In Russ.).
7. Исаев, А.В., Путилина, Ю.Ю., Ковалев, И.О. (2025). Роль и значение института волонтерства в совершенствовании процесса социализации современной студенческой молодежи. *Научный результат. Социология и управление*, 11 (1), 128—146. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-9>
Isaev, A.V., Putilina, Yu.Yu., Kovalev, I.O. (2025). The Role and Significance of the Volunteering Institute in Improving the Socialization Process of Modern Student Youth. *Scientific Result. Sociology and Management*, 11 (1), 128—146. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-9>
8. Казанцева, А.Н. (2020). Формирование иноязычной коммуникативной компетенции для налаживания международного сотрудничества в области добровольчества. *Многоязычие в образовательном пространстве*, (12), 69—76. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2020-12-69-76>
Kazantseva, A.N. (2020). Formation of Foreign Language Communicative Competence for Establishing International Cooperation in the Field of Volunteering. *Multilingualism in the Educational Space*, (12), 69—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2020-12-69-76>
9. Круглова, М.С., Круглова, Л.Э., Шуванов, И.Б., Шуванова, В.П. (2023). Проблема мотивации добровольцев в управлении волонтерской деятельностью: социологический взгляд. *Социодинамика*, (1), 16—27. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.1.39576>
Kruglova, M.S., Kruglova, L.E., Shuvanov, I.B., and Shuvanova, V.P. (2023). The Problem of Volunteer Motivation in the Management of Volunteer Activities: A Sociological Perspective. *Sociodynamics*, (1), 16—27. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.1.39576>
10. Минобрнауки (2025). *Отчет о добровольческой деятельности студентов в Российской Федерации в 2025 году*.
Ministry of Education and Science (2025). *Report on student volunteer activities in the Russian Federation in 2025*. (In Russ.).
11. Петрова, Е.А. (2022). Роль цифровых технологий в развитии волонтерских движений. *Информационное общество*, (4), 34—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746>
Petrova, E.A. (2022). The Role of Digital Technologies in the Development of Volunteer Movements. *Information Society*, (4), 34—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746>

Полосина А.А., Шилин А.Ю. (2026)
Особенности языка и коммуникации в студенческих
волонтерских движениях
Язык и текст, 13(1), 194—208.

Polosina A.A., Shilin A.Yu. (2026)
Features of language and communication in student
volunteer movements
Language and Text, 13(1), 194—208.

12. Росстат (2024). Участие населения в социально ориентированной деятельности. *Статистический сборник*.
Rosstat (2024). Participation of the population in socially oriented activities. *Statistical compilation*. (In Russ.).
13. Саидгасанова, Э.У. (2017). Языковые средства выражения коммуникативных стратегий и тактик в текстах организационно-правовых документов добровольческого объединения. *Вопросы прикладной лингвистики*, (2), 18—33.
Saidgasanova, E.U. (2017). Linguistic Means of Expressing Communicative Strategies and Tactics in the Texts of Organizational and Legal Documents of a Volunteer Association. *Issues of Applied Linguistics*, (2), 18—33. (In Russ.).
14. Стеганцов, А.А. (2023). Влияние социальных медиа на формирование идентичности молодежи: социологический подход. *Мир науки и мысли. Мир науки и идей*, (3), 20—23. <https://doi.org/10.24412/2949-1509-2023-3-20-23>
Stegantsov, A.A. (2023). The Influence of Social Media on the Formation of Youth Identity: A Sociological Approach. *World of Science and Thought. World of Science and Ideas*, (3), 20—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2949-1509-2023-3-20-23>
15. Стернина, М.А. (2022). Исследования коммуникативного поведения в трудах И.А. Стернина. *Коммуникативные исследования*, 9 (3), 517—528. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).517-528](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).517-528)
Sternina, M.A. (2022). Research on Communicative Behavior in the Works of I.A. Sternin. *Communicative Research*, 9 (3), 517—528. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).517-528](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).517-528)
16. Шаваева, М.О. (2015). Реализация коммуникативных стратегий в деятельности студенческих волонтерских движений (на примере волонтерского движения «Твой дар» Северо-Кавказского государственного института искусств). *Современные проблемы науки и образования*, (2-1), 123.
Shavaeva, M.O. (2015). Implementation of Communication Strategies in the Activities of Student Volunteer Movements (Based on the Volunteer Movement "Your Gift" at the North Caucasus State Institute of Arts). *Modern Problems of Science and Education*, (2-1), 123. (In Russ.).
17. Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Oxford University Press.
18. Campbell, K.H., Ellis, S.J., Paine, A.A., Rochester, C., Smith, J.D. (2003). *The Nonprofit Handbook: Management*. John Wiley & Sons.
19. Chialo, E. (2024). Public Relations Strategies for Nonprofit Organizations. *Journal of Public Relations*, 3 (1), 1—13. <https://doi.org/10.47941/jpr.1771>
20. Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Longman.
21. Habermas, Juergen (1984). *The Theory of Communicative Action, Vol. 1, 'Reason and the Rationalization of Society'*. Polity.

Полосина А.А., Шилин А.Ю. (2026)
Особенности языка и коммуникации в студенческих
волонтерских движениях
Язык и текст, 13(1), 194—208.

Polosina A.A., Shilin A.Yu. (2026)
Features of language and communication in student
volunteer movements
Language and Text, 13(1), 194—208.

22. Harris, Z.S. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28(1), 1—30.
23. Searle, J.R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.
24. Smith, D.H. (2000). *Grassroots Associations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
25. Tajfel, H., Turner, J. (1996). An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*, (33)47, 33—47.
26. Urréa, G., Yu, E. (2023). The Role of Volunteer Experience in the Effectiveness of Online Volunteer Platforms. *Production and Operations Management*, 32 (2), 416—433. <https://doi.org/10.1111/poms.13879>
27. Wilson, J. (2012). Volunteerism. *Annual Review of Sociology*, 38, 103—121.

Информация об авторах

Анна Алексеевна Полосина, доцент кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

Артём Юрьевич Шилин, доцент кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinau@mgppu.ru

Information about the authors

Anna A. Polosina, Associate Professor, Department of Social Communication and Organization of Work with Youth, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9557-8427>, e-mail: koposovaAA@mgppu.ru

Artem Yu. Shilin, Associate Professor, Department of Social Communication and Organization of Work with Youth, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3717-8032>, e-mail: shilinau@mgppu.ru

Вклад авторов

Полосина А.А. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования; визуализация результатов исследования.

Шилин А.Ю. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Полосина А.А., Шилин А.Ю. (2026)
Особенности языка и коммуникации в студенческих
волонтерских движениях
Язык и текст, 13(1), 194—208.

Polosina A.A., Shilin A.Yu. (2026)
Features of language and communication in student
volunteer movements
Language and Text, 13(1), 194—208.

Contribution of the authors

Anna A. Polosina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research, visualization of research results.

Artem Yu. Shilin — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 08.02.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.02.08
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30